

0817

ISSN 0134-3502

Средневековый город

5 выпуск

М. М. Зорова

Средневековый город

Дарение
М. М. Зорова

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

★
Межвузовский
научный сборник

0817 ★
БИБЛИОТЕКА
КАФЕДРЫ
История средних веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1978

С 23 Средневековый город. Межвузовский научный сб., вып. 5. Изд-во Саратов. ун-та, с. 200.

Сборник содержит исследования широкого круга вопросов экономического, социального, политического и идейного развития средневекового города от ранней Византии до эпохи Возрождения и Реформации. Рассматриваются такие вопросы, как возникновение монетной чеканки и ее роль в предгородской период, начало коммунального движения, развитие купеческих заморских компаний, первые шаги первоначального накопления капитала и начало колониальной эксплуатации, а также судьбы городов в условиях разложения феодализма. Большое место занимают вопросы развития ранне-буржуазной идеологии, роли городов и горожан в таких общественных движениях, как Крестьянская война в Германии и гугенотское движение во Франции, а также вопросы марксистской историографии и критики буржуазных исторических концепций.

Сборник рассчитан на историков — научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов.

На обложке: рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто во Флоренции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доп. В. А. Ермолаев, проф. А. А. Кириллова, проф. Г. Л. Курбатов, доц. А. Е. Москаленко, доц. Т. М. Негуляева (отв. секретарь), и. о. проф. А. И. Озолин, член-корр. АН СССР В. И. Рутенбург, проф. С. М. Стам (отв. редактор), проф. В. В. Штокмар, доц. М. М. Яброва, проф. В. А. Якубский.

1—6—3
30—79

СТАТЬИ

А. А. Сванидзе

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ ШВЕЦИИ

Монетная чеканка неразрывно связана с обращением монет и денежным обращением вообще; последнее является инструментом обмена и, соответственно, важным компонентом товарного хозяйства в целом. Зависимость между чеканкой, обращением монет, рынком и особенностями товарного хозяйства обнаруживается на всем протяжении истории монеты, но выявить механизм этой связи не просто. Подчас она выступает в скрытом виде, подчас наиболее освещены в источниках (или действительно становятся в ряд доминирующих) факторы неэкономического порядка. Кроме того, монетное производство и обращение имеют, подобно всякой иной области общественной жизни, свою логику развития, что представляет для исследователя и самостоятельный интерес, и немалые трудности.

Особенно труден для расшифровки ранний этап денежного обращения — до регулярного, сколько-нибудь упорядоченного изготовления металлических денег. Не получив, как правило, отражения в письменных памятниках, ранний период денежного обращения и производства монеты реконструируется прежде всего по нумизматическим данным — скудным, отрывочным и почти всегда не однозначным, вследствие чего их использование в экономико-исторических построениях обычно вызывает горячие дискуссии.

Не исключение в этом смысле и Швеция, хотя первые шаги ее монетного дела пришлось на относительно позднее вре-

мя — рубеж I и II тысячелетий. Специальная экономическая и нумизматическая литература, прежде всего шведская, уже в течение многих десятилетий дебатировала вопросы, связанные с первоначальными этапами монетной чеканки в стране; и спор идет не только о времени и месте изготовления первых серий местных монет, но, что особенно для нас важно, также о причинах их появления и общественной роли.

Предлагаемая работа — еще одна попытка уяснить характер денежного обращения в древней Швеции и, в частности, обстоятельства появления первых шведских монет, их место и значение в предгородской период. Одновременно это и еще одна попытка выявить некоторые особенности варварского и раннефеодального общества в Швеции, прежде всего их экономические резервы¹. Возможно, что систематизированные здесь факты и наблюдения окажутся небезыносительными при сравнительном изучении этой темы, особенно для атлантико-балтийского региона. Во всяком случае, для исследования денежного хозяйства самой Швеции сопоставление с материалом исторически связанных с ней областей и стран оказалось совершенно необходимым. При этом особо важное значение — учитывая направление торговых путей и товарных потоков эпохи викингов — приобрели исследования советских ученых, посвященные денежному обращению и торговле Северной и Северо-Восточной Европы.

Главный (точнее, почти единственный) источник наших сведений о раннем этапе монетного дела и монетного обращения Швеции — это клады монет и драгоценных изделий, найденные на территории современной Швеции и сопредельных районов. По числу обнаруженных захоронений кладов ранне-средневековых монет Швеция, включая о-ва Готланд и Эланд, занимает первое место в Европе², предоставляя богатейший материал для нумизматических и общенсторических исследований и сопоставлений. Судя по содержанию кладов от вто-

¹ См. наш доклад на исторической конференции в Таллине 25—27 ноября 1975 г. (в кн.: Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1975).

² Регистрация кладов монет в Швеции началась в XVI в.; имеется указатель найденных в земле Швеции кладов, начиная с 1547 г. Публикации, аннотации и топографию наиболее древних кладов см. в работах: Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). Спб., 1910; Потин В. М. О серебряных монетовидных пластинках в кладах X—XII вв. — «Нумизматика и эпиграфика» (далее — НЭ), М., 1960, т. 2 (особ. с. 63 и табл. на с. 70—79); а также в несколько устаревшей работе берлинского нумизмата В. в. Кёһне (переведенная в Петербург неза-

рой половины I тыс., деньги как инструмент обмена, как средства платежа, уже отчетливо выделялись. Они существовали в двух формах: монетной и немонетной. Монеты появились на территории Швеции уже в первые века н. э. Это были привозные монеты, и они безраздельно господствовали в стране на протяжении всего I тысячелетия.

Прежде всего в Скандинавию попали римские серебряные денарии; на о-вах Готланд и Эланд и на южной оконечности материковой части нынешней Швеции (обл. Сконе) их было найдено около 7,5 тыс. экземпляров. Судя по расположению находок римских монет на территории Швеции, Северо-Западной Руси и Восточно-Балтийского побережья, эти монеты в начале н. э. использовались в сношениях между скандинавами, северными славянами и балтами³. В незначительном числе в Швецию попадали и римские золотые солиды.

Период с 230 до V в. находками монет не отмечен. В VI в. римские монеты вышли из употребления, но с середины того же столетия начался ввоз солидов, а также изделий из золота, игравших роль средства обмена; в частности, клад, найденный неподалеку от г. Шёвде, содержал около 7 кг золота, отлитого по определенной форме, не имеющей ритуального смысла⁴.

В VIII—X вв., особенно со второй трети IX в., в Швеции господствовали восточные монеты, особенно куфические дирхемы (арабский халифат, г. al-Kufa, совр. Иран), поступавшие по волжскому пути⁵, которые резко преобладали в кладах монет того времени. Их ввоз окончательно прекратился к середине XI в. Всего на территории Швеции найдено примерно 500 кладов куфических монет — около 100 тыс. дир-

долго до середины XIX в.): Кёне В. Описание европейских монет X, XI и XII веков, найденных в России. — «Зап. императ. археолог. об-ва», Спб., 1852, т. 4. Шведские работы см. ниже.

³ Михальбертс М. М. Два клада римских провинциальных монет из Западной Литвы. — НЭ, 1968, т. 7.

⁴ См. капитальную работу: Bolin S. Funde av romerska mynt i det fria Germanien. St. i romersk och äldre germansk historia. Lund.; 1926, а также: Stenberger M. Die Schatzfunde Cotlands der Wikingerzeit. Bd. I (Text). Stockholm, 1958; Lagerquist L. O. och Nathorst-Böös E. Mynt och medaljer och annan numismatik. Stockholm, 1960 (s. 100, 101 o. a.).

⁵ См. «Топографию» А. Маркова и его же «Инвентарный каталог мусульманских монет Импер. Эрмитажа» (Спб., 1896), а также: Потин В. М. Некоторые вопросы торговли древней Руси по нумизматическим данным. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 4.

хемов, и главным образом на о-ве Готланд. Находки золотых кувшинских монет единичны⁶.

С конца VIII в. начался массовый ввоз каролингского серебряного денария — основной монеты Западной Европы того времени⁷, а с IX в. — англо-саксонских, немецких, в меньшей степени византийских монет. Со второй половины X в. и в XI в. западноевропейские монеты (всего около 3000 кладов, до 100 тыс. монет) стали преобладать над восточными. Много англо-саксонских монет попадало в Скандинавию в качестве «датских денег» (Dane geld, перестали собираться со второй четверти XI в.)⁸. К середине этого столетия прекратились походы викингов. Одновременно практически истощились запасы импортной монеты. Английские и немецкие монеты поступали в Швецию и после второй четверти XII в., но уже на основе все более регулярных и развивающихся экономических связей. Это закрепляло и продлеvalo их воздействие на денежные отношения и сами инструменты обмена в Швеции⁹.

Итак, в течение всего I тысячелетия племена, населявшие Швецию, пользовались привозной монетой, а в период походов викингов имели ее в изобилии. Первые монеты местной чеканки появились в стране лишь к концу этого периода. Монетное производство, таким образом, отстало от начала употребления монет почти на тысячелетие.

⁶ Марков А. Топография (особ. см. о причинах прекращения ввоза арабских монет в начале XI в. — Там же, с. 11); *он же*. Инвентарный каталог...; *Потин В. М.* Некоторые вопросы торговли...; *Linder Welin U. S.* The Kufic coins in the Noard from Hågvalds in Gerum Gotland. — «Nordisk numismatisk årskrift», 1966; *idem.* Spanish-Umjad Coins in Scandinavia. — «Num. med.», XXX, Stockholm, 1935; *Hauberg P.* Muntforhold og Udmuntningen in Danmark indtil 1146. — «Det Kong. Danske Videnskab. Selskabs Skrifter», 6. R., Hist. og filos. Afd., v. V:1, København, 1900, s. 241.

⁷ *Suhle A.* Der Denar im Mittelalter. — В кн.: F. v. Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin, 1930, S. 128—131.

⁸ Первые английские пенни — от второй половины VIII в. (*Suhle A.* Die Münze, S. 86); тогда же они стали проникать в Скандинавию (*Левинский Я. А.* Города и городское ремесло в Англии X—XII вв. М., 1960, с. 70). Их находки в шведских кладах изучены В. Е. Хильдебрандом (*Hildebrand V. E.* Anglosachsiska mynt i Svenska Kongliga Myntkabinetten, funna i Sveriges jord. Stockholm, 1881; ср. также *Kёне Б.* Указ. соч., с. 22 и след., 38). Коллекция англо-саксонских пенни от конца X — середины XI вв. (т. е. включая время владычества датских королей), собранная в Эрмитаже, изучена В. М. Потиным («Редкие английские денарии X—XI вв.» — НЭ, 1965, № 5).

⁹ *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.). — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России XI—XX вв. Л., 1970; *он же*. О серебряных пластинках (с. 65); *он же*. При-

Древнейшие монеты местного производства были найдены на территории Швеции в последней четверти XIX в. при раскопках могильника Бирки. Город Бирка, получивший свое название от о-ва Березовый (Bjögkö) на оз. Меларен, являлся крупным торговым центром Швеции эпохи викингов; он имел профессиональное ремесленное производство и широкие коммерческие связи, выходящие за границы Северобалтийского бассейна. Скандинавские монеты, там найденные и получившие в литературе наименование «биркские монеты» (Birka-mynt)¹⁰, были уже известны исследователям. Они представляли полубрактеаты, имитирующие популярный в то время дорестадский (г. Dorestad, в устье Рейна) денарий Карла Великого¹¹, приравнивались к нему по номиналу, но отличались рядом чисто северных деталей декора¹². Дискуссия о «биркских монетах», возобновляющаяся с каждой новой публикацией аналогичных находок, продолжается без малого столетия¹³.

Первый их публикатор Х. Хильдебранд полагал, что они изготавливались именно в Бирке, которая, возможно, была центром монетной чеканки Скандинавии вообще¹⁴. Но боль-

чины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961; *Kёне Б.* Указ. соч., с. 22 и след., 39 и др.; *Linder Welin U. S.* Spanish-Umjad Coins; *Stenberger M.* Op. cit.; *Nerman B.* Det forntida Stockholm. Stockholm, 1922 (s. 16 o. a.); *Arbman H.* Birka. Sveriges äldsta handelsstad. Stockholm, 1939.

¹⁰ Обнаружены при раскопках Х. Стольпе (1874 г.), опубликованы Х. Хильдебрандом (*Hildebrand H.* Nordens äldsta mynt. — «Manadsbladet», Stockholm, 1885). Наиболее полная работа о «биркских монетах» —

докторская диссертация: *Malmer B.* Nordiska mynt före år 1000. — «Acta Archaeologica Lundensia», 1966. О первом этапе шведской монетной чеканки см. также: *idem.* A Contribution of the Numismatic History of Norway during Eleventh Century. — Akad. Handlingar. Antikvariska ser., Del. 9. Commentationes de nummis saeculorum IX—XI in Suecia repertis. I. Stockholm, 1961, p. 263; *Thordeman B.* Sveriges Medeltidsmynt. — «Nordisk kultur», XXIX, Stockholm — Oslo — København, 1936; *Arbman H.* Schweden und das Karolingische Reich. Stölm., 1937; *Linder Welin U. S.* The Kufic Coins in the Noard...

¹¹ Вес примерно 1 г, диаметр 18—20 мм (*Потин В. М.* Клад брактеатов из Поднепровья. — «Нумизматика и сфрагистика», Киев (далее — НС), 1963, № 1, с. 109.

¹² *Malmer B.* Nordisk mynt, s. 29 ff.; *Heckscher E. F., Rasmussen N. L.* Sveriges mynthistoria. Stockholm, 1945 («Statens Historiska Museum»), s. 11; Mynt och medaljer, s. 103.

¹³ См. у Б. Мальмер обзор этой дискуссии («Nordiska mynt», s. 5—38) и каталог «монет Бирки» по всей Европе.

¹⁴ *Hildebrand H.* Sveriges mynt under medeltiden. — «Sv. medeltid», I. Stockholm, 1887.

шинство нумизматов оспорили его позицию, поставив под сомнение и датировку монет, и предметное определение этой находки (серии монет — или украшения? ¹⁵), и, наконец, самую возможность их изготовления в Бирке, которая располагалась не в центре, а на периферии торгового балтийского мира; центры их чеканки скорее следует искать в Дании ¹⁶. Мысль о датском происхождении «биркских монет», особенно о чеканке их в знаменитом тогда торговом центре Хедрабю (Хайтхабу, Шлезинг), высказывалась затем неоднократно. Но малочисленность материала и неразработанность типологизации тормозили дальнейшее изучение этих монет, в частности, их датировку, которая, в конечном счете, определяет и место древнейшей монетной чеканки Скандинавии.

Дело значительно продвинулось лишь в послевоенные годы. В 1946 г. шведский археолог Х. Арбман, уже изучавший ранние северные монеты, опубликовал новые находки полубрактеатов из захоронений Бирки, которые позволили углубить типологию «биркских монет», выделив среди них серию наиболее ранних, по времени совпадающих с расцветом Бирки. Многолетние раскопки Арбмана в Бирке, убедительно доказавшие международное значение этого города как торгового центра на Балтике в эпоху викингов, также побуждали видеть в Бирке возможный центр монетной чеканки того времени ¹⁷. Следующим важным этапом в изучении данной проблемы стали работы Х. Янкуна, получившего сенсационные результаты при раскопках Хедебю (Хайтхабу). Он подтвердил, что ранние «биркские монеты» относятся к середине IX в., и высказал убеждение, что их чеканили в Хедебю (по инициативе то ли датских королей, то ли фризских купцов), но одновременно или несколько ранее — также и в Бирке ¹⁸.

Наконец, в 1966 г. решающее слово о *birkamunt* сказала шведская исследовательница Брита Мальмер. В своей фундаментальной монографии «Северная монета до 1000

¹⁵ *Keary C. F.* Dr. Hildebrand in the Earliest Scandinavian Coinage. — «The Numismatic Chronicle». L., 1887.

¹⁶ *Haugberg P.* Myntforhold og Udmuntningen i Danmark...

¹⁷ *Arbman H.* The Baldringe hoard. — «Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum», 1946. Ср. *idem.* Birka. I. Die Gräber. Uppsala, 1943.

¹⁸ *Jankuhn H.* Ein Münzfund der Wikingerzeit aus Steinfeld, Kreis Schleswig. — «Offa», II, 1952 (S. 83, 85 и др.); *idem.* Hailthabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Bd. 3. Neumunster, 1956, S. 190 и. а. Ср.: Heckscher, Rasmussen. Sv. mynthistoria, §. 11.

года» она предложила типологию ранних скандинавских монет, учитывающую практически все показатели монеты (вес, диаметр, изображение, надпись, постановку штампея) и ее захоронения (место находки, общее содержание клада и т. д.). Выделив три основных типа ранних монет и сравнив «биркские монеты» с сериями из Хедебю и Дьюрсхольма, а также с каролингскими монетами, Б. Мальмер наметила районы чеканки каждого из этих типов и их хронологию. Древнейшие из них она относит к 870—900 гг. и ок. 940—960 гг. и полагает, что одна из поздних групп — ок. 990-х гг. — действительно могла происходить из ареала Меларена, явившись своего рода прелюдией к чеканке монет, начатой при короле Улофе Шётконунге, примерно ок. 1000 г. ¹⁹. Особо подчеркивая связь «биркских монет» с фризскими и каролингскими центрами изготовления монеты, Б. Мальмер ставит на очередь более общие вопросы истории раннескандинавской монетной чеканки: кто (т. е. какие социальные круги) и зачем изготавливали эти монеты? ²⁰.

Итак, если чеканка монеты в Бирке в течение IX—X вв. и имела место, то она была кратковременной, эпизодической. Но при всех условиях производство *birkamunt* совершенно определенным образом увязывается с ведущими центрами обширного торгового региона эпохи викингов, имеющими общебалтийский характер, — того самого региона, где как раз в то же время вырабатывалось особое торговое право «Биркрэттен» ²¹. Очевидно, далее, что монетное производство в стране, начавшись много позднее монетного обращения, раз-

¹⁹ *Malmer B.* Nordiska mynt; ср. *idem.* Något om stumma myntgrupper lokaliserings. — «Nord. Numism. Unions Medlemsblad», 1965 (s. 76); *idem.* Olof Skötkonung mynt och andra Ethelred-imitationer. Några svensk-engelska myntproblem. — «Antikvariskt arkiv», 1965, 27.

²⁰ *Malmer B.* Nordiska mynt, s. 246—247 о. а.

²¹ Биркрэттен применялось в портах, складочных и перевалочных пунктах, торговых центрах, а позднее городах Скандинавии и на торговых коммуникациях, подходящих к Северо-Западной Руси. В отличие от *birkamunt* — термина XIX в. — наименование «Биркрэттен» исторично, оно идет из древности, от нескольких пунктов, носящих имя Вјörgkō и рассеянных по атланти-балтийскому тракту, более всего на территории Швеции, Норвегии и Северо-Восточной Балтики, на подходах к Новгороду. Эти «Бирки» играли роль складских и перевалочных торговых центров, гл. обр. на пути «из варяг в греки» (*Сванидзе А. А.* Из истории городского строя Швеции XIII в. — «Средние века», вып. 28, 1965; ср.: *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966, с. 47).

вивалось под воздействием этого обращения и монетной чеканки более продвинутых феодальных обществ. Это влияние отчетливо проявилось в типах первых скандинавских монет, которые имитировали популярную за рубежом монету, внося в ее декор местные или близкие к ним мотивы (животный орнамент, корабль с парусами и т. д.). И как почти повсюду в Западной Европе и на Руси, монетная чеканка и все денежное обращение Швеции базировалось на системе каролингского денария, открывая длительный (1150—1500 гг.) «денариевый» период ее монетной истории.

Значительно более стабильным был следующий цикл шведской монетной чеканки, который относится ко времени примерно с 1000 до 1150—1160 гг. и имеет безусловно местное происхождение. От этого цикла сохранились прежде всего довольно редкие серебряные пеннинги короля Улофа Шётконунга (ок. 995—1022) и его преемника Анунда-Якоба (1025—1050). Пеннинги Улофа изготовлены по типу англосаксонских пенни Этельреда II (978—1016), но имеют некоторые отличия (большую весовую норму²², лучшее серебро и смещения рисунка, свидетельствующие о применении незакрепленных штемпелей); при этом зависимость от оригинала сильнее в древнейших сериях²³. Монеты Анунда-Якоба (имитация монет Этельреда II и Кнута Великого) были значительно ближе к весовой норме западноевропейского денария и получались, судя по весу, в количестве 192 шт. из серебряной марки в 210 г, что впоследствии стало характерным для свеаландской денежно-весовой системы²⁴.

Как и английские пенни, монеты Улофа и Анунда-Якоба несут на одной стороне стилизованный портрет и имя правителя, на другой — обозначение места чеканки и имя монетчика. Эти надписи позволяют сделать заключения о некоторых обстоятельствах изготовления монет. Так, из помет ясно, что монетный двор Улофа и Анунда-Якоба располагался

²² В. М. Потин видит в этом влияние дирхема («О монетовидных пластинках», с. 62, 66, 67; см. также *Schive C. J. Norges mynter i Middelalderen*. Christiania, 1865, s. 7).

²³ Об особенностях монет Улофа Шётконунга см.: *Malmer B. Olof Skötkonung mynt*, s. 19, 29 о. а., N 8a; *idem. A contribution*, p. 229; *Svensson S. Olof Skötkonungs mynt*.—*Num. med.*, XXIII, 1923; *Lagerquist I. O. Olof Skötkonung «Sceat»-Münze*.—«*Dona Numismatika*», 1965.

²⁴ *Malmer B. Olof Skötkonungs mynt*, s. 34, 37, 49 о. f. a.

(иногда) в Сигтуне (an Zitune)²⁵. Там жили монетчики²⁶; судя по всему, они обычно работали с местными штемпелями, которые сильно отходят от английского образца, хотя иногда употребляли и свои, привозные (что порождало несоответствие стандарта и легенды монет, весьма затрудняющее атрибуцию)²⁷. Судя по звучанию имен монетчиков, лишь один из них мог быть скандинавом (Thregr). Остальные имена — сплошь английские²⁸. Конечно, в отношении имен были возможны и заимствования, но все же для специалистов несомненно, что в Сигтуне работали приезжие из Англии мастера; подсобный персонал мастерских мог набираться из местных людей.

«Распределение» по сериям монет имен монетчиков и различие в весе между монетами разных серий свидетельствуют о том, что чеканка монеты была еще нестабильной. Она осуществлялась путем системы заказов, которые давались на каждую серию и каждому мастеру отдельно. При этом был возможен — и действительно допускался — значительный произвол отдельных монетчиков в отношении следования образцу, прежде всего в весе монеты²⁹, и даже (как упоминалось выше) в отношении ее легенды. В целом особенности швед-

²⁵ «An Zitune», т. е., an Zigtune (совр. Sigtuna). На средневековых монетных штемпелях пропуск букв встречается постоянно. Ср. там же: Aacune, Zit, Z, Ziht, Zin, Zih, Ztune. — *Malmer B. Olof Skötkonungs mynt*, s. 19, 371. О Сигтуне, как месте чеканки этих монет, см. также: *Thorde-man B. Sigtuna stads alder. En geografisk-numismatisk studie*. Umeå, 1926.

²⁶ Монетчик (monetarius) — мастер, стоявший во главе монетной мастерской, обычно искусный ювелир и гравировщик. Об устройстве монетных мастерских и технике монетного дела см.: *Heckscher, Rasmusson. Sv. mynthistoria*, s. 18, 19; *Потин В. М.* О серебряных пластинках, с. 68; *он же.* Два новых клада, с. 150; *Сванидзе А. А.* Ремесло и ремесленники, с. 117—120; ср.: *Сотникова М. П.* Нежинский клад сребренников 1852 г. (реконструкция состава). — *НС*, 1971, № 4, с. 27; *Спасский И. Г.* Накануне тысячелетия монетной чеканки древней Руси. — *НС*, 1974, № 5, с. 43, 48 (Киев, IX—XI вв.).

²⁷ *Malmer B. A Contribution*, s. 229; *idem. Olof Skötkonung mynt*, s. 18, 37; 501.; *Heckscher, Rasmusson. Sv. mynthistoria*, s. 13. О специфике использования монетных штемпелей, их сопряженности, закреплённости и т. д., см., в частности: *Быков А. Д.* К вопросу о сопряженности штемпелей при чеканке русских монет в XVI в. — *НЭ*, 1968, № 7.

²⁸ Snelling, Godwine (Gowine, Gowne), Leofman (Lfman), Aelfric, Ulfceal (Ulf, Ulfce), Refcraen, Thregr, Sceut (*Malmer B. Olof Skötkonungs mynt*, s. 38 f.).

²⁹ Здесь, возможно, существенную роль играли наличие и качество сырья (*Brun F. de Viktsenheterna i Sverige under vikingatiden*. — «*Fornvännen*», 1917, 1919; ср.: *Malmer B. Olof Skötkonungs mynt*, s. 34).

ских монет и процесса их изготовления были свойственны в первой половине XI в. всей скандинавской монетной чеканке.

Третий известный цикл ранней монетной чеканки начался около 1150 г. Первые монеты этого цикла, распространенные в юго-восточной Швеции, были маленькими (со средним весом 0,17 г.); место их чеканки и имя мастера неизвестны.

При Кнуде Эрикссоне (1167—1196 гг.) началась регулярная чеканка монет, которые производились и в Свеаланде, и в Гёталанде. Гёталандские брактеаты, чеканенные в Людосе (на монетах этого типа помечено «Ledu», т. е. Lödöse), все еще носили следы английского влияния. Свеаландские брактеаты были сделаны по шведским и датским образцам и имели вес 0,30 г. Найдено большое количество таких монет, отчеканенных при помощи одного штемпеля ок. 1208 г. В конце XII и в XIII вв. центром изготовления таких брактеатов была Упсала — древняя столица Свеаланда, а затем объединенной Швеции, место избрания шведских конунгов и сбора общешведских тингов, старинный культовый центр и ярмарочное местечко страны. Помета на монетах этого цикла «AROS» означает «Arosia Östra» или Ostra Aros — раннесредневековое наименование Упсалы³⁰. Существенные различия между монетами отдельных исторических областей страны сохранялись еще долго.

В XIII в. в стране было уже несколько монетных дворов, располагавшихся в разных городах. Каждый из них выполнял лишь одно, реже несколько конкретных заданий, связанных с изготовлением определенного типа или серии монет. Среди этих городов в XIII в. — Скара, Сёдерчёпинг, Шеннинге, Йёнчёпинг, Нючёпинг, Эребру, Упсала, Вестерос, Висбю и Або, вероятно всего также Стокгольм, Кальмар и Людос, т. е. практически все крупные шведские города того времени³¹.

³⁰ Mynt och «medaljer», s. 113; Lönnroth E. Fran svensk medeltid. Stockholm, 1959, s. 53; Rasmussen N. L. Rex Upsalie. Till tolkningen av en nyfynnen mynttyp fran 1200-talet. — «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm, 1952, s. 283 ff. О находках брактеатов XII в. см. также: Hildebrand B. E. Nya bidrag till Sveriges mynthistoria under medeltiden.

³¹ См. завещания короля Магнуса Ладулоса от 1285 г. (Svenskt Diplomatarium, fran och med 1401. Utg. genow C. Silfverstolpe. Bd. 1—4. Stockholm, 1875—1904, N 802) и другие отрывочные сведения о монетных дворах в кн.: Smith W. Aldre svenskt tullväsen. Lund, 1934, s. 45; «Mynt och medaljer», s. 115; Sylvaander G. W. Kalmar slotts och stads historia, Afd. 1—3. Kalmar, 1865, s. 114, 116; Ruuth J. W. Bidrag till Åbo stads historia under medeltiden och 1500-talet. Hf. 1. Helsingfors, 1909, s. 78 и др.

Тогда же, в XIII в., определились в общих чертах основные принципы шведского денежного счета и монетных фракций (марка — эре — эртуг — пеннинг), весовых нормативов и достоинства монеты. Однако главной, решительно преобладающей в этот период по-прежнему оставалась денариевая чеканка — изготовление пеннингов: полных пеннингов (0,36—0,34 г), полупеннингов и брактеатов (последние, при стандартном весе 0,34 г, бывали низкопробнее «обычных» пеннингов³²).

Таким образом, ранние шведские монеты отличались серебряным монометаллизмом, неустойчивостью нормативов; они обнаруживают определяющее влияние западноевропейских образцов и следы постепенно сходящего влияния дирхема. Их чеканка имела нерегулярный, краткосрочный и нечеткий по исполнению характер.

Исходя из того, что нам известно о начальном периоде монетного обращения в Швеции, в этом первом периоде можно, в свою очередь, выделить два этапа: первый длился примерно тысячелетие, от начала н. э. до конца X в., и характеризовался употреблением импортной монеты. Второй этап открывается на рубеже X и XI вв., когда началось производство и обращение местной монеты, и продолжался относительно долго, до конца XII в. — XIII в., когда производство шведской монеты стало регулярным, определились ее основные нормативы.

До н. э. располагался соответственно период обращения немонетных денег. Истоки безмонетного денежного обращения предметно и хронологически определить очень трудно. Но в данном случае интересно другое: с появлением и распространением монеты немонетные платежные средства не ушли из обращения, но продолжали активно употребляться.

Условно эти немонетные платежные средства — определенные предметы, имевшие функцию денег, — можно подразделить на три основных и несколько переходных типов. Первый из них — так называемый vardörag — платежные средства в виде стандартных для местного рынка, но относительно дорогих, ценных предметов. Это были прежде всего ремесленные и промысловые изделия: оружие (мечи), шлемы, щиты, топоры, выделанные меха, брусковое железо (osmund) и дру-

³² «Mynt och medaljer», s. 110, 119; Falkman L. B. Om matt och vigt i Sverige. Historisk framställning. Första del. Den äldsta tiden till och med år 1605. Hf. 1. Stockholm, 1884, s. 327, 332—333.

гой металл; мерилом стоимости все еще служил скот, но мы не располагаем данными, как часто в этот период он фактически применялся. *Vardögar* — наиболее древний, «вещный» тип немонетных денег. Возникнув в седой древности, он оказался в Швеции очень стойким и дожил до конца XV в., лишь постепенно теряя свое значение и несколько изменяя состав предметов, игравших роль средства платежа³³.

Второй, уже более продвинутый, тип немонетных платежных средств складывался из благородных металлов, прежде всего серебра, служившего мерой стоимости и средством платежа по своему достоинству и весу. Эта категория платежных средств, которую можно условно обозначить как весовое серебро, в свою очередь разделяется на несколько подгрупп. Прежде всего — формованные (палочкообразные) слитки серебра (реже золота); они рубились на более мелкие части, которые взвешивались с помощью специальных весовых гирек³⁴. Затем целые или в виде обломков предметы из серебра, гораздо реже золота: украшения (браслеты, нашейные обручи — гривны, пряжки-фибулы и др.), а также неформованные слитки серебра. Эти обломки (*bitsilver*, *hacksilver*), часто находимые в шведских кладах вместе с монетами, нередко имеют кратный монете вес³⁵, т. е. как бы имитируют вес и достоинство наиболее ходкой монеты. Чаще всего, однако, эти обломки весовых аналогий с монетами не имеют. Сюда же, к *hack-* или *bitsilver*, примыкают обломки собственно монет³⁶, также находимые в кладах вместе с целыми монетами, серебряными вещами и их фрагментами. Весовое серебро, в виде формованных слитков и серебряного лома, — это, по существу, уже типы денег, являющиеся разными формами перехода к собственно монете.

Характер немонетных платежных средств показывает, что во второй половине XII и в XIII веке деньги как мера стоимости уже прочно вошли в быт шведов, причем уже ска-

³³ *Konung Magnus Erikssons Landslag. — Saml. af Sv. Gamla Lagar. Utg. af C. J. Schlyter* (далее: *Schlyter*), v. X, L., 1862, JB, IX; *Konung Magnus Erikssons Stadslag. — Schlyter*, v. IX, 1865, JB, V.

³⁴ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1966, с. 15, 25, 192; *Потин В. М.* О серебряных пластинках, с. 2, № 1, 5.

³⁵ *Марков А.* Топография, №№ 2 (Швеция), 11, 12, 13, 17, 61 (Готланд), 2, 12, 13 (Финляндия); ср. там же, №№ 101, 120 (Лифляндия), а также: *Кёне Б.* Описание, с. 11.

³⁶ *Марков А.* Топография. Материалы Готланда (с. 61, 62, 67. Особ. см. № 2, 13, 17, 61).

зались результаты именно монетного обращения (пусть и формировавшегося за счет иноземных образцов): монеты «незримо присутствуют» при немонетных платежах, они дают средствам платежа свой вес и достоинство. О распространении денежных платежных средств, о влиянии монеты и растущей тенденции к использованию монетных средств платежа особенно свидетельствует третий тип немонетных платежных средств: серебряные монетовидные пластинки без чеканки (*blankette*) и серебряные пластинки в форме четырехугольных средневековых монет-клипп, имевшие большое хождение в Швеции X—XII вв. (и вообще весьма распространенные в Северной и Восточной Европе). Первые обычно оценивались нумизматами как монетные заготовки³⁷, вторые — только как украшения³⁸. В. М. Потин доказал, что эти пластинки имели самостоятельное значение как средства обращения и были промежуточной формой между слитком и монетой. Имея определенный вес, форму, достоинство (равное наиболее распространенной в то время монете)³⁹, эти пластинки по существу заменяли монеты, в частности, на Готланде, где не было тогда собственных монетных дворов⁴⁰. В. М. Потин предполагает, что широкое хождение монетовидных пластинок объясняется тем, что потребность в монете в Швеции превышала возможность ее привоза, а своя чеканка была еще слабо развита. Отсюда — выработка монетовидных пластинок, особенно необходимых при мелких торговых сделках.

Итак, в X—XII вв. шведы нуждались в деньгах. Даже в X—XI вв., при чрезвычайном обилии привозных монет, шведы не только широко пользовались традиционными немонетными средствами платежа, но и совершенствовались, разрабатывали, облегчали их, «размонечивая» монету: дробя на куски готовые, уже попавшие в обращение, свои и чужие монеты, либо намеренно оставляя монету без полной доводки, без

³⁷ *Bauer N.* Die russischen Funde. — «Zeitschrift für Numismatik» (далее — *Zfn*), Bd. 40, 1930; *Маркова А. А.* Третий Лодейнопольский клад средневековых западноевропейских монет. — В кн.: Нумизмат. сборник, ч. 2. М., 1957, с. 135. В связи с находками *blankette* Г. Гальстен (*Galsten G.* *Montfundet fra store Frigaard.* København, s. 6) считал даже возможным наличие местной чеканки на о-ве Борнхольм.

³⁸ *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands, Bd. II Lund., 1947.

³⁹ Ср.: *Потин В. М.* О серебряных монетовидных пластинках..., с. 66.

⁴⁰ *Потин В. М.* О серебряных пластинках, с. 61—69; Ср.: *Bauer N.* Nachträge zu den russischen Funden abendländischen Münzen der 11. und 12. Jahrhunderts. — *Zfn*, Bd. 42, Hf. 3—4, Berlin, 1935, S. 161.

чеканки, т. е. не объявляя ее достоинства. Дробление монеты могло вызываться тем, что в Швеции тогда предпочитали монетам весовое серебро, причем сохраняли приверженность к нему и после появления собственной монеты. Но дробление монет могло иметь другую причину: *потребность в более мелких и мельчайших монетных средствах* платежа, которая возникает обычно в процессе развития *внутреннего, особенно розничного, рынка*.

Приверженность к консервативным инструментам обмена и средствам платежа, неразвитость собственной монетной чеканки, множество кладов зарубежной монеты (свидетельствующих о ее широком ввозе) — эти факты занимают узловую позицию при определении характера денежного обращения и стимулов его развития в эпоху викингов и сразу после ее завершения, т. е. в период зарождения и складывания феодальных отношений в Швеции. Каково было соотношение, взаимовлияние, очередность воздействия этих моментов? И как соотносились они со всей жизнью тогдашнего общества?

Шведские специалисты единодушно определяют развитие того времени, как замедленное, стойко сохраняющее натурально-хозяйственную основу. Но в пределах этой общей характеристики имеются крайние точки зрения, расхождение между которыми в конечном счете определяется разной оценкой сущности натурального хозяйства, а применительно к нашей теме — различным подходом к роли в тогдашнем мире торговли и средств платежа.

В предвоенной и послевоенной литературе преобладала позиция, сформулированная известным экономистом Э. Ф. Хекшером⁴¹, который рассматривал хозяйственную историю через призму денежного обращения. Согласно Хекшеру, экономическая эволюция Швеции в период средних веков выражалась в смене «общества без обмена» (натуральное хозяйство) обществом с обменом («денежное хозяйство»); различие между этими стадиями определялось характером средств обмена, масштабом употребления денег как средства обращения. Натуральное хозяйство, характерное для Швеции эпохи викингов (и вплоть до внедрения Ганзы), не могло быть базой для сколько-нибудь развитого денежного обращения.

Историко-экономические построения Хекшера имели в свое

⁴¹ Heckscher E. F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. I. Stockholm, 1935; cp. idem. Svenskt arbete och liv. Från medeltiden till nutiden. Stockholm, 1957.

время очень большой вес. И хотя он никогда специально не изучал средневековую экономику (что и сам неоднократно подчеркивал), его мнение о том, что структура скандинавского общества в эпоху викингов не включала в себя такие процессы товарообмена, которые требуют участия всеобщего эквивалента, легло в основу обобщающих нумизматических трудов (например, работы крупнейшего специалиста Н. Л. Расмуссона, сотрудничавшего с Хекшером)⁴². Аналогичную оценку дал и видный экономист Ф. И. Михалевский, автор первого (и в своем роде пока единственного) в советской литературе обобщающего исследования истории денег. Он писал, что при викингах денежные отношения в скандинавских странах, включая Швецию, базировались не столько на характере народного хозяйства, сколько на военной добыче⁴³.

Отсюда следует, что запасы металлических денег в стране и самый их ввоз не соответствовали характеру местного хозяйства и рынка, многократно превышали их запросы; иначе говоря, монетное обращение имело тогда как бы ввозной, искусственный, извне навязанный характер. В целом общее представление о замедленной социальной трансформации шведского раннесредневекового общества можно принять. Однако открытие В. М. Потиным⁴⁴ нехватки звонкой монеты в Швеции X—XII вв. ставит под сомнение тезис о крайней узости денежного обращения в Швеции на исходе эпохи викингов, во всяком случае, требует объяснить, почему шведов не удовлетворяли запасы привозной монеты.

Иную, нежели Хекшер и Расмуссон, точку зрения на денежное обращение и хозяйство того времени отстаивают последователи концепции А. Пиренна, с самого начала получившей в Швеции сильные позиции и вновь укрепившей их (отчасти в связи с резкой критикой построений Хекшера) с 50-х гг. Наиболее четко соответствующее мнение сформулировано маститым шведским ученым С. Булином, когда он участвовал в знаменитой дискуссии о «европейском торговом взрыве» IX в.⁴⁵ С. Булин оценивает монетные находки как

⁴² Их известная совместная работа — «Sveriges mynthistoria» (1945), где разделы о раннем этапе истории денег в Швеции написаны Расмуссоном.

⁴³ Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения, т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948, с. 11.

⁴⁴ Потин В. М. О монетовидных пластинках.

⁴⁵ Bolin S. Mohammed, Karl den Store och Rurik. — «Scandia», 1939, N 12 (пер. на англ. см. в кн.: The Scandinavian Economic History Review, 1:1. Kobenhavn, 1956).

прямые свидетельства высокой коммерческой конъюнктуры, сложившейся в Скандинавии в эпоху викингов и вследствие их добычи, особенно в X—XI вв., т. е. напрямую, «буквально», связывает размещение, число и содержание монетных кладов с масштабами и характером товарообмена⁴⁶. Так мы снова возвращаемся к проблеме монетных кладов.

Чрезвычайное обилие кладов зарубежных монет — факт примечательный, но отнюдь не однозначный. Его исторически оправданная оценка зависит от анализа не только содержания каждого клада, но всех условий и обстоятельств, с ним связанных, — прежде всего: когда, кто, с какой целью прятал в землю монеты и прочие ценности? Где, когда, каким образом они попали в руки тех, кто их прятал?

То, что какая-то (пусть и большая) часть монет и других ценностей, служивших средствами платежа, попала в Скандинавию в результате поборов и грабежей викингов, особенно в Северной и Восточной Европе, на Британских о-вах и в Восточной Прибалтике, — давно известно. Известно и то, что викинги одновременно занимались обменом. Не случайно в эпоху викингов весьма активизировалась торговля на Балтике и Северном море, возникли там города и торговые местечки⁴⁷. Можно допустить, что в клады попадали и награбленная добыча, и вымеченные предметы (и соотношение между ними вряд ли когда-нибудь прояснится). Примечательно, однако, что большинство кладов монет и иных предметов, игравших роль денег, обнаружено как раз там, где располагались традиционные перевалочные пункты и стоянки, проходили известные торговые пути, связывающие побережья Северного и Балтийского морей и ведущие из Скандинавии (через Прибалтику, Русь) на юг, «в греки», а также к восточной Атлантике. Топография кладов позволяет считать, что с середины XI в., с завершением походов викингов, основным

⁴⁶ Bolin S. Ur penningarnas historia. Stockholm, 1962; cp. *idem*. Die Anfänge der Münzprägung in Skandinavien. — «Moneta e scambi nell'alto medioevo», 21—27 aprile 1960. «Settimana di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo», 8. Spoleto, 1961.

⁴⁷ Arbman H. Schweden und das karolingische Reich; *idem*. The Vikings. L., 1961 (cp. *idem*. Vikingarna. Härnadstag, handelsvägar, kultur. Stockholm, 1962); Lewis A. R. The Northern Seas. Shipping and Commerce in Northern Europe AD 300—1100. Princeton, 1958; Oxenstierna E. Sa levde vikingarna. Stockholm, 1959; Гуревич А. Я. Походы викингов (особ. с. 58, 64 и др.).

каналом поступления монет (часть которых попала затем в эти клады) была торговля⁴⁸.

Благодаря активным археологическим изысканиям, особенно последних десятилетий, стало очевидным, что отдельные, более или менее постоянные очаги торговли, в том числе международной, существовали в Швеции с середины I тыс.: например, знаменитое торгово-ремесленное поселение Лильё на о-ве Helgö (Святоострове)⁴⁹. Во второй половине I тыс. население восточного и южного побережий страны регулярно участвовало в балтийской торговле. При викингах коммерческие связи шведов еще более расширились. В тех же центральном и южном районах прибрежной Швеции и на п-ове Сконе в течение VIII—XI вв. возникла сеть городов и крупных торговых местечек: Бирка, чуть позднее Сигтуна, Упсала (Эстра Арос), Сёдерчёпинг, Линчёпинг, Фальчёпинг, Шенпинге, Вестерос (Вестра Арос), Скара, Кальмар, Лунд, Истад и другие; эти города затем первыми получили городское право⁵⁰. Об их росте и связанном с ними развитии местного рынка прямо свидетельствует тот факт, что шведы предпочитали тогда мелкие платежные средства: изготавливали прежде всего мелкую монету (брактеаты, полубрактеаты) и монетовид-

⁴⁸ Schnittger B. Silvskatten från Stora Sojdebby. Stockholm, 1915; Linder Wellin U. S. Södermanlands skatfund från vikingatiden, del. I—II. — «Bidrag till Södermanlands äldre kulturhistoria», v. 28—29. Strängnäs, 1935, 1936; Blindheim C. The market Place in Skiringssal. — «Acta Archaeologica», XXXI, København, 1960; Malmer B. Nordiskt mynt (s. 26 ff.); *idem*. Något om stumma mynt grupper lokaliserings. — «Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad», 2, 1965, s. 76 f.; Stenberger M. Sten brons järn. Stockholm, 1971, s. 322 f.; *idem*. Die Schatzfunde Gotlands, II. S. 249; Attman A. Russland och Europa. En handelshistorisk översikt. Göteborg, 1973, s. 6 f. Cp.: Westin G. T. Historieskrivaren Olaus Petri. Svenska krönikans källor och kröneke författarens metod. L., 1946, s. 264 f.

⁴⁹ Fritz B. Stadshistoria och arkeologi. Översikt. — HT, 1965, N 4 (реп. на эту работу: Сванидзе А. А. Когда возник шведский город? — «Вопросы истории», 1966, № 8); Holmquist H. Die eisenzeitlichen Funde aus Lillön, Kirchspiel Ekerö, Uppland. — «Acta Archaeologica», XXV, København, 1954; *idem*. Excavations at Helgö. Stockholm, 1961 («Kungl. Vitt. Hist. och Ant. Akademiens»); Jankuhn H. Ein Münzfund...; *idem*. Haiftabu... *idem*. Die frümittelalterlichen Seehandelsplätze...

⁵⁰ Thordeman B. Sigtuna stads älder. En geografisk-numismatisk studie. Ymer, 1926; Floderus F. Sigtuna. — «Acta Arch.», v. 1, 1930; Kivikoski E. Studien zu Birkas Händel im östlichen Ostseegebiet. — «Acta Arch.», VIII, 1937; Rasmusson N. L. Rex Upsalie...; Ambrosiani B. Birka-Sigtuna-Stockholm. — «Tor», v. III, Uppsala, 1957; Arbman H. Op. cit.; Сванидзе А. А. Городские хартии и распространение муниципальных привилегий в шведских городах с середины XIII по XV вв. — СВ, 35, 1972 (с. 135—144).

ные пластинки аналогичного достоинства, дробили на мелкие куски слитки и изделия из серебра.

Преимущественное место мелких платежных средств в чеканке — очень знаменательный сигнал. Процесс изготовления полубрактеатов, брактеатов и монетовидных пластинок более простой, быстрый; по своим свойствам эти деньги не могут служить международной монетой, напротив, они приспособлены именно для розничной, т. е. местной торговли. Господство мелких платежных средств, а также факт увеличения в XII—XIII вв. числа внутренних кладов (т. е. размещенных в пределах той страны, где монеты чеканились) и уменьшение кладов внешних — все это свидетельствует о развитии внутреннего денежного обращения, т. е. внутреннего рынка⁵¹, ставшем особенно заметным к XII—XIII вв., ко времени появления в Швеции собственной регулярной чеканки.

В современной литературе все убедительнее звучит мнение, — большая заслуга в его формулировании принадлежит советским ученым, — что монетные находки, в том числе находки иноземных монет, отражают не только историю торговли, но и особенность местного денежного обращения, причем, как на больших территориях, так и в районе нахождения клада. При сопоставлении топографии кладов и топографии современных и древних населенных пунктов выясняется, что местоположение монетного клада обычно соответствует городу, могильнику, поселению той же эпохи. Именно такую закономерность обнаружил М. Стенбергер применительно к монетнымкладам Готланда, В. М. Потин — кладам древней Руси, X. Сальмо — кладам Финляндии⁵².

Таким образом, современные археологические и сравнительно-исторические исследования неоспоримо свидетельствуют о наличии в Швеции эпохи викингов, особенно на ее исходе и сразу же после нее — в XI—XII вв.: (т. е. до заметного ганзейского влияния), вполне определенных экономических условий для эволюции денежного обращения, возникновения и развития местной монеты.

Однако было бы неверным делать отсюда заключение о справедливости позиции булиновской школы, целиком относя

⁵¹ Потин В. М. Клад брактеатов, с. 110.

⁵² Потин В. М. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения. — НЭ, 1962, № 3, с. 183—186; Stenberger M. Die Schatzfunde, II, 1958, S. 16, 17, 250, 313 и др. Ср.: Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 1, и он же. Монетные клады, с. 141.

содержимое кладов (в том числе от эпохи викингов) к резервам денежного обращения, т. е. измеряя последнее числом кладов, массой их содержимого.

Так, несомненно, что города и торговые местечки тогдашней Швеции служили одновременно и центрами общешведских торговых трактов. Но, во-первых, это были транзитные тракты. Во-вторых, транзит в дальней торговле осуществляли больше товары, объекты торговли, нежели сами торговцы, тем более торговцы-шведы; тот же М. Стенбергер считает, что клады иноземных монет чаще всего зарывали именно иноземные купцы, попадающие в сложную ситуацию на чужих территориях⁵³. В-третьих, центры торговли в Швеции того времени были малы, локальны, единичны и привязаны к побережью (т. е. недостаточно связаны с глубинными районами своей страны). Очевидно, что эти центры, да мелкие и перемежающиеся с откровенным грабежом торговые операции, не могли ни вобрать, ни пропустить через себя тот огромный поток монеты, который влился в Швецию за IX—XII столетия из военных экспедиций и с торговых путей. И особенно ясно об этом, на наш взгляд, свидетельствуют как раз обильные клады монет.

Вообще попадавшие в страну ценности применялись не только в профессиональной торговле. Они использовались местной знатью для содержания дружин, снаряжения новых кораблей, для новых походов. Монеты, как и другие ценности, отдавали в качестве вергельда, даров и т. п. Очень важной тогда была знаковая функция денег: из исландских саг известно, что конунги и вожди путем раздачи ценностей (колец и других украшений, оружия, дорогой посуды, весового серебра, а также монеты, которая в составе даров вовсе не преобладала) поддерживали свой престиж, удерживали около себя дружинников и союзников, как бы покупали их верность. Социально-отличительная роль денег создавала достаточно емкие возможности для внутренней, т. е. в рамках данного общества, реализации монеты и других ценностей⁵⁴. На-

⁵³ Stenberger M. Die Schatzfunde...; ср. Schnittger B. Op. cit., s. 114 f.; Кёне Б. Описание, с. 41; Потин В. М. Находки..., с. 185—186; Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 67.

⁵⁴ О социально-престижной роли ценностей в скандинавском, тогда еще полуварварском, мире, много писал А. Я. Гуревич («Категории средневековой культуры», М., 1972, с. 195, 210 и др.). Его наблюдения и выводы позволяют также понять некоторые особенности начального этапа эволюции денег, их роль в тогдашнем обществе. Однако автор напрасно, на мой

конец, часть ввезенных в страну монет изымалась из употребления посредством захоронения в кладе.

Прежде всего надлежит отметить, что если монеты и прочие деньги ввозились самыми разными людьми, то закапывались они, судя по топографии кладов, главным образом торговцами или лицами, к которым эти монеты попали непосредственно от торговцев (пусть даже в результате грабежа). Истоки этого монетного движения восходят, несомненно, к товарообмену. И наличие на территории Швеции многочисленных денежных кладов, расположенных вдоль торговых трактов балтийского масштаба, безусловно, свидетельствует о включении страны в международную северную торговлю и о наличии в ней определенных условий для развития денежного вообще, монетного — в частности, обращения. Но это отнюдь не означает, что торговые акты были совершены на территории самой Швеции, что в них участвовало ее собственное население и что в самой стране было широко развито денежное обращение.

Более того, это чрезвычайное (по общим условиям истории страны) обилие денежных кладов (причем, именно на торговых трактах) не может не настораживать: ведь само испомещение монет в клады означало их изъятие из обращения, из рыночных отношений.

Кладообразование диктовалось, конечно, разными причинами. Часто клады имели обрядово-магический, культовый характер: принесение жертвы богам в виде ценных предметов, особенно из благородных металлов, было в обычае и у

взгляд, заостряет свой тезис, утверждая, что социально-престижная функция денег была тогда главной, и что деньги (в том числе монеты) еще не приобрели отличительных, специфически денежных функций меры богатства, т. е. не выдвинулись из «богатства» вообще (Там же, с. 196, 197, 198, 225 и др.). Соответственно трактуются и монетные клады: автор делает основной упор на культовые задачи акта зарывания денег (см. ниже). На самом же деле (как явствует из многочисленных исследований самого А. Я. Гуревича) в этот переходный, пестрый по общественным отношениям межформационный период, значение материальных ценностей, «богатства» также не было единообразным. Сохраняя некоторые черты первобытных функций и представлений, оно включило и некоторые новые функции и представления, характерные уже для раннеклассового общества. В числе новых явлений была и функция денег как меры богатства (и престижа), как средства обмена и платежного средства. Разве одаривание дружинника или подкуп союзника дарами — это не форма (пусть патриархальная) оплаты, при которой предмет дара — это платежное средство, т. е. деньги? (см. там же, с. 227, материал о купцах, свидетельствующий о роли денег также в товарообмене).

древних скандинавов, и у восточных славян⁵⁵. В этом случае монеты уходили из обращения навсегда (их и прятали с этой целью, например в болотах). Но денежное обращение страдало и в том случае, если при зарывании имели в виду временное изъятие данных ценностей из обращения вследствие каких-то конкретных угрожающих обстоятельств или для создания гарантийного фонда. Сведений о выкапывании запрятанных денег не сохранилось, но если какая-то часть кладов и была «разморожена», в шведской земле все же осталось очень много монет, навсегда изъятых из обращения.

В настоящее время, как уже указывалось, невозможно определить, в каком объеме и в какой мере обслуживали товарно-денежное обращение самой Швеции найденные на ее территории монеты. Какая-то часть, возможно, преобладающая, до нас не дошла вовсе: монеты стирались, попадали в переплавку и т. д. И совершенно неясно хотя бы примерное соотношение между количеством монет, которые обслуживали рынок, и теми, которые — полностью или частично, сразу или спустя какое-то время — были из него изъяты. Но уже очевидно, что представление о масштабах и характере денежного (включая и монеты) обращения, которое возникает на основании кладов монет, не адекватно реальному положению дел, оно сильно преувеличено. Нельзя денежное обращение в тогдашней Швеции целиком связывать и с добычей викингов: ведь добытые ими ценности в немалой части в обращение не поступала.

Утечка денег из обращения происходила не только в результате образования сокровищ (через зарывание монеты, превращение ее в носильные украшения и т. д.), но и вследствие вывоза из страны, прежде всего купцами, а также демонетизации (дробления, переплавки).

Соотношение различных каналов утечки из обращения денег, особенно монеты, также неизвестно, но, судя по монетнымкладам, эта утечка в эпоху викингов имела столь же чрезвычайные масштабы, как и приток монеты. Поэтому экстраординарный приток монеты не мог (в условиях господства натурального хозяйства) революционизировать шведский рынок эпохи викингов, он не вызвал переворота в денежных отношениях; масса монеты была освоена шведским обществом в тех размерах и в тех формах, которые соответ-

⁵⁵ Гуревич А. Я. Категории, с. 197; Потин В. М. Два новых клада, с. 148; Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 51.

ствовали его внутренней экономико-социальной организации. Теперь становится понятным, почему в Швеции могло не хватать чеканенной монеты даже тогда, когда ее приток продолжался. Итоги воздействия на денежное обращение Швеции эпохи викингов внешней торговли оказались скорректированными стадийно-типологическими свойствами внутренней жизни страны.

Теперь очевидно: создание собственной монеты в Швеции было ответом прежде всего на возникновение и рост городов, с их множественными сделками, особенно розничными. Соответственно черты первых монетных серий — нерегулярность, низкие тиражи, подражание иноземным образцам, несовершенство исполнения — отразили особенность зарождения монетного производства, первоначальный, еще «опытный» характер самой стадии и условий, в которых оно возникло.

Очевидно, также, что представление о масштабах денежного, в частности, монетного, обращения и рынка, которое возникает на основании кладов (и, в определенной мере, на основании вещных аргументов вообще), отнюдь не адекватно реальному положению дел⁵⁶; «магия» монетных находок то пугает исследователя несоответствием между этими находками и характером хозяйства, то обольщает его возможностью увидеть скачок там, где его не ожидали.

Что может и что не может дать клад как исторический источник? Разработка этой проблемы очень многим обязана советским ученым, неизменно требующим комплексного подхода к анализу не только самого клада (его топографии, содержания и т. д.), но и всей совокупности общественных отношений в микро- и макрорайоне находки, прежде всего экономических отношений, социальных связей.

Социальные отношения, складывающиеся в процессе формирования классового, феодального общества, важны при изучении денежных отношений не только как «фон»: их трансформация является одним из важнейших стимулов денежного

⁵⁶ И. П. Шаскольский почувствовал эту опасность. В главе «Возникновение раннеклассового общества и варварского государства» (История Швеции, М., 1974, гл. 2) он пишет о наличии некоммерческих каналов поступления монет на территорию Швеции, о роли кладов как сокровищ, о слабом участии шведских купцов в межевропейском торговом транзите (с. 65 и 67). Но в целом автор оценивает обильные кладовые находки как свидетельство превращения Швеции IX—X вв. в один из «важных центров европейской торговли» и даже говорит о качественных сдвигах, произошедших в самом характере шведской торговли: смене примитивного товарообмена торговлей с применением денег (с. 64—65).

обращения, существенно влияя на его темпы и характер. Размежевание общественных функций, характерное для складывания классового общества, выражалось как в экономико-производственном разделении труда, прямо обуславливающим товарообмен, так и в социально-имущественной дифференциации. Последняя вела к выделению верхнего слоя, постепенно — и как раз к концу рассматриваемого периода — консолидирующегося в господствующий класс. Средства платежа играли в этом процессе весьма заметную роль, но и сами подвергались его воздействию. Последнее было, вероятно, сложным, неравномерным: система социального освоения денег, характерная для тогдашней Швеции, стимулировала одни их функции (как платежного средства), тормозя одновременно другие (как меры стоимости, всеобщего средства обмена и всеобщей меры богатства).

Очень отчетливо прослеживается связь денег с историей феодального государства. Особенно это касается монеты, которая с самого возникновения стала важным политическим символом. Известно, что право чеканки монеты в средние века было одним из неотъемлемых и главных признаков суверенитета. Но и сами монеты, их символика (надписи и изображения) отражают процесс политического обособления или консолидации и зачастую даже позволяют вычленивать, лучше понять его отдельные стадии или особенности.

Уже в связи с так называемой «биркской монетой» нами было высказано предположение, что появление этих серий, коротких по времени и тиражу, было связано не только с торговлей известными городами Бирки, Хедебю и др., но и с зачатками скандинавской государственности, одним из очагов которой был экономически развитый Свеаланд, особенно Уппланд и район оз. Меларен. Связь с формированием центральной или верховной власти четко проявилась затем в чеканке первой половины XI в., в частности, монетах Улафа Шётконунга. Те из них, которые несли имя Улафа и его титулатуру, могут быть подразделены на несколько типов, в зависимости от содержания надписи: сочетания титула гех с какой-либо формой определения, типа «свейский», «шведский» (Svear, Svenogum, Svevorum, Sveagnas и т. д.), либо же с формой названий городов Сигтуна (Sigtune, Situne, Zituen, an Siht и др.), много реже Стокгольм (Col, an Col, от Colmia, Holmia?) еще реже — некоторых других наименований. Иначе говоря, Улаф называет себя на монетах «королем», но то «королем в Сигтуне», то «королем в Стокгольме», то «коро-

лем свеев», то «королем Швеции»⁵⁷. Здесь отразились как бы различные позиции и стадии государственных претензий самого конунга, который выступает иногда как лицо, которому подчиняется место монетной чеканки, иногда же — как глава свейских земель, а затем и всей страны, исторические области которой — Свеаланд и Гёталанд — были объединены Улофом⁵⁸.

Состояние становления феодальной монархии видно из того, что монетная символика не до конца и еще нерегулярно используется тогдашними правителями страны для своего личного возвеличения. Надписи на монетах не всегда подконтрольны конунгу, зачастую они являются результатом произвола приезжих монетчиков, использующих старые штампы или привычные образцы, где запечатлена символика, принятая в тех местах, откуда прибыл монетчик. Так, на некоторых монетах из Сигтуны в качестве правителя фигурируют англосаксонский король Этельред II (978—1016) и датско-английский конунг Гартекнут (ум. 1042), причем совпадают не только имена, но и их чуждая Швеции титулатура⁵⁹. Но, хотя подконтрольность государству монетной символики и монетной чеканки в целом отчетливо сформировалась лишь в XIII в., связь монет с государственной централизацией наблюдается с истоков и монетного производства, и централизованного государства. Швеция не была исключением: аналогичная сопряженность хорошо прослежена нумизматами по древним монетам Англии, России и других государств⁶⁰.

Столь же типичны другие свойства шведских монет как инструмента централизации: их идеологическая нагрузка, имеющая в виду внедрение самой идеи верховной государственной власти, чему служило чисто символическое изображе-

⁵⁷ Malmer B. Olof Skötkonungs mynt, s. 19, 22; Heckscher, Rasmusson. Op. cit., s. 12.

⁵⁸ Интересно, что титул «король в Сигтуне» преобладает в монетах Улофа над титулом «король шведов», позволяя, тем самым, уточнить, когда именно (до или после объединения страны) были отчеканены монеты каждой из этих серий (Malmer B. Olof Skötkonungs mynt, s. 49).

⁵⁹ Heckscher E. F., Rasmusson N. L. Op. cit., s. 13; Ср. Потин В. М. Редкие английские денарии, с. 162.

⁶⁰ Suhle A. Die Münze. Von den Anfängen bis zur europäischen Neuzeit. 2 Aufl. Leipzig, 1970, S. 86—88; Орешников А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. — «Труды ГИМ», М., 1936, вып. 6; Спасский И. Г. Накануне... (с. 31, 48); Янин В. Л. Монетные клады (с. 144); Потин В. М. О серебряных пластинках (с. 69).

ние правителя вместе с атрибутами его власти; их агитационная направленность, рассчитанная на популяризацию в качестве правителя того лица, имя которого было проставлено на монете; их политико-организующие функции, призванные утвердить определенный государственно-административный порядок, в центр которого помещается не только правитель, но и «пульт управления» — его резиденция. Образная реализация идейно-политической нагрузки первых монет тонко соответствовала особенностям мышления тогдашнего скандинавского общества, очень чуткого к образу-символу, а поэтому, вероятно, была действенной.

Несомненно также, что в Швеции, как и повсюду, монетное производство служило одним из материальных подспорьев королевской власти, что особенно побуждало правительство к поддержанию монетной регаллии, которая, кроме отчислений с чеканки, давала королям еще и возможность вводить принудительные курсы монет, заставляя обывателей пользоваться низкопробной монетой по курсу хорошей серебряной. Такие принудительные курсы вводились при Юхане Сверкерссоне (1216—1222) и Кнуте Длинном (1229—1234)⁶¹; и хотя в течение почти всего средневековья Швеция официально не чеканила медной монеты, в источниках, в частности от середины XII в., имеются сведения о хождении — и даже уплате в виде налогов, церковной подати и т. д. — медяшек: «голубых пеннингов» («raenningae bla») или буквально — «медных пеннингов» («graenninger»), пущенных в оборот по номиналу серебряных монет⁶².

Одной из причин порчи монеты центральной властью была постоянная нехватка серебра; она стала ощущаться в Швеции особенно, когда иссяк приток зарубежных монет, которые переливались в монеты отечественного образца или в слитки (последние уже с XII в. стали почти исключительным платежным средством при крупных внешнеторговых операциях на Балтике)⁶³. Сырье для монеты теперь добывали

⁶¹ Heckscher, Rasmusson. Sv. mynthistoria, s. 16.

⁶² Vestgötalagen. — Schlyter, v. I, Stockholm, 1827, IV, 16:11; Марков А. Указ. соч., с. II, III; ср.: Спасский И. Г. Накануне, с. 31; Сотникова М. П. Нежинский клад сребреников 1862 г. (реконструкция состава). — НС, 1971, № 4.

⁶³ В. М. Потин отмечает этот факт как одну из возможных причин сокращения монетных кладов с XII в. (Потин В. М. Клад брактеев, с. 110; ср. он же. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961).

главным образом путем взимания с купцов ввозных пошлин в виде монет или слитков серебра.

В. Смит, автор фундаментальной работы по истории налоговой и пошлинной систем средневековой Швеции, полагает, что ввозные пошлины начали взиматься еще в IX в., в Бирке и Упсале⁶⁴. Ясное указание на наличие пошлин содержится, однако, лишь в договоре Кнута Эрикссона с Генриком Саксонским (примерно 70-е гг. XII в.), освобождающем купцов Любека от пошлин за вывоз шведского железа⁶⁵. Полученная в пунктах сбора пошлина отправлялась на монетные дворы. В. Смит полагает, что такой порядок сложился в XIII в. (так что монетные дворы из завещания Магнуса Ладулоса от 1285 г. были, возможно, просто «пунктами по сбору пошлин»). Во всяком случае, центры сбора пошлин в XII—XIII вв. — старые города Упсала и Людос, выросший среди медных и железных рудников Вестерос, крупные порты Стокгольм и Кальмар, — несомненно, производили и переплавку серебра.

Но если деньги вообще и особенно монета играли очень важную роль в создании экономической базы государственной централизации, то государство, с его налогами, пошлинами, крепостями и армией, с его регулированием, в целом весьма содействовало совершенствованию и увеличению масштабов монетной чеканки.

Сопоставление фактов из истории собственно монетного дела и денежного обращения с материалами из других областей жизни Швеции показывает, что необходимость в чеканенных деньгах, которая возникла уже в XI—первой половине XII вв., стало по-настоящему ощутимой лишь со второй половины XII или с XIII в. Эти полтора столетия — время сложения феодализма в Швеции, когда в стране было оформлено общественное деление на податное и неподатное сословия, записаны законы, сформировалась феодальная монархия, закрепилась столица. Но для развития монетного дела, для появления регулярной монетной чеканки решающее значение имело складывание городского строя, засвидетельствованное в том же XIII столетии кодификацией общегородского права и серией хартий. Внутренний рынок, формируемый прежде всего

⁶⁴ Smith W. Aldre svenskt tullväsen, s. 21. Cp. Schück A. Studier rörande det svenska stadsbebyggelsens uppkomst. Stockholm-Uppsala, 1926, s. 58.

⁶⁵ Diplomatarium Dalecarlicum. Urkunder rörande Landskapet Dalarna. Saml. o utg. av Kröningssvärd C. G. o. Lidén J. Del. I. Stockholm, 1842, N 246; Smith W. Op. cit., s. 22.

за счет обмена между городом и деревней, — такова была экономическая база регулярной монетной чеканки. Одновременно это была и база для начавшегося внедрения Ганзы в торговую, финансовую и промышленную жизнь Швеции, Ганзы, которая во многом способствовала более быстрому включению страны в систему европейского феодализма (и, кстати, стала поставлять Швеции мастеров-монетчиков).

Таким образом, вторая половина XII и XIII век являются в истории шведского монетного дела важнейшим рубежом, но рубежом не «механическим», не просто временным: именно в этот период в Швеции появилась устойчивая экономическая, а также социальная и политическая основа для установления регулярной монетной чеканки.

М. Е. Карпачева

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОЖАН КАРКАССОНА В XII—XIII вв.

Бурные события коммунальной борьбы в Каркассоне в начале XII в.¹ показали, что горожане осознали и проверили на деле необходимость единства и совместных вооруженных выступлений против городских сеньюров. Этот начальный этап коммунального движения, несмотря на поражение восстаний 1107 и 1120—1124 гг., подготовил почву для дальнейших антифеодальных отвоеваний.

Начиная со второй четверти XII в. и до начала альбигийских войн мы не увидим в Каркассоне кровопролитных проявлений освободительной борьбы горожан. Но это кажущееся затишье. В действительности и в это время в Каркассоне освободительное движение продолжается. Как и в каких формах протекала эта борьба, какими мерами были достигнуты важнейшие отвоевания горожан Каркассона в экономической и политической областях, закрепленные учреждением в начале XIII в. коммуны и консульского управления города? Для решения этих вопросов необходимо прежде всего пристальнее

¹ См.: Карпачева М. Е. Начальный этап коммунального движения в Каркассоне. — В кн.: Средневековый город, вып. 4. Саратов, 1977.

вглядеться в историю борьбы горожан за экономическую вольность, в процесс сокращения, вытеснения и отмены феодальных поборов с городского ремесла и торговли. Эта сторона освободительной борьбы горожан зачастую выпадает из поля зрения бужуазных историков, и картина коммунального движения в целом получает ложное освещение².

Факты вынужденных феодальных уступок с середины XII в. показывают, что в 30—40 гг. XII в. в Каркассоне шла подспудная, упорная борьба городских масс за свои экономические интересы. Рассмотрим в хронологическом порядке, как ремесленно-торговое население каркассонских бургов, несшее на своих плечах основной гнет сеньориального обирательства, освободилось от различного рода феодальных поборов и повинностей.

Самое первое значительное завоевание горожан в этой области относится к 1150 г. В завещании каркассонского виконта Ружера I впервые фиксируется ограничение налогового гнета сеньора³. Прежде всего сеньор отменяет вновь введенные его отцом, виконтом Бернаром-Атом, и им самим произвольные («дурные») поборы. Под нажимом горожан Ружер I вынужден был записать, что в дальнейшем практика произвольного обложения не должна иметь места⁴. Самое же главное, документом 1150 г. обменен новый соляной налог, введенный Бернаром-Атом при учреждении соляной таможни⁵. Показательно специальное выделение «салинума» на первом месте, так как он нанес огромный ущерб как солеторговцам Каркассона, так и, главным образом, ремесленникам бургов, употреблявшим большое количество соли в мясном, кожевенном, грубосуконном промыслах. Однако в этом главном пункте завещание виконта Ружера I фактически не выполнялось.

² Крайний юридизм Ш. Пти-Дютаи нашел последователей в лице современных французских историков: Ж. Майе, подводя итоги коммунального движения, подчеркивает только политический их аспект (*Maillet J. Histoire des institutions publiques et des faits sociaux*. Paris, 1969, p. 34). А. Шедвиль объясняет события в Каркассоне XII в. политическими интересами дворянства (*Chedeville A. La France au moyen âge*. Paris, 1969, p. 55).

³ Завещание каркассонского виконта Ружера I (HGL, t. 5, col. 1118).

⁴ «Salinum vero et totos usaticos noviter missos videlicet ipsos quos ego sive dominus Bernardus Atonis pater meus male hominibus nostris atque vilis imposuimus, pro remissione pessatorum nostrorum dimitto et absolva ac deinde non reterentur rogo» (HGL, t. 5, col. 1119).

⁵ Первая попытка его отмены в ходе вооруженного восстания 1120—1124 гг. не увенчалась успехом.

Богатый каркассонский соляной рынок продолжает быть ареной борьбы светских и духовных феодалов за монополию, а массы городских ремесленников — за ее отмену⁶. Фиксацию торговых пошлин и поборов на прежнем уровне вопреки экономическому нажиму сеньора отразил документ 1154 г.⁷ Горожане яростно воспротивились намерению виконта Раймуна-Тренкавеля собрать выкупную сумму за счет чрезвычайного обложения горожан⁸.

В 1158 г. горожане заставили сеньора отказаться от феодального права реквизиций и произвольных штрафов во время двух ежегодных ярмарок в Каркассоне⁹. Нельзя не отметить в этом акте непосредственную связь возрастания ремесленно-торгового потенциала города, проявившегося в учреждении значительных, функционирующих дважды в год ярмарок¹⁰, с укреплением социально-экономического веса горожан, сумевших добиться неприкосновенности торговли. Не случайно этот успех горожан совпадает с передачей сеньориальной власти от виконта Раймуна-Тренкавеля его сыну Ружеру II, когда старый сеньор опять пытается сменить сюзерена, вновь оммажируясь барселонскому графу, и ищет поддержки у горожан. Перед смертью, в 1160 г., Раймун-Тренкавель в своем завещании вынужден обещать горожанам установить строгую фиксацию соляных пошлин и запретить своим преемникам увеличивать их впредь¹¹.

В 1159 г. существенно ограничивается возможность порчи монеты, к которой часто прибегали каркассонские сеньоры по праву монополии на ее чеканку. Раймун-Тренкавель вынужден препоручить балли города контроль за качеством (содер-

⁶ См. далее акты 1160, 1184 гг. Постоянное присутствие «соляного вопроса» в последующих официальных актах, заключаемых между каркассонскими сеньорами и горожанами, опровергают мнение Ж. Пу, что сеньориальная монополия солеторговли не очень беспокоит горожан, т. к. торговля процветает» (*Poux J. La cité de Carcassonne*. Paris, 1931, p. 41).

⁷ «Leddæ et usaticos in omnibus meis terris mando quod ita teneantur omni tempore, sicut pater meus Bernardus-Atonis tenuit; et solvo et relinquo Deo, quod homo vel foemina non det plus». (Завещание Раймуна-Тренкавеля, 1154 г., HGL, t. 5, col. 1171—1174).

⁸ За участие в межфеодальных смутах и попытку сменить сюзерена, разбитый и плененный тулузским графом Раймундом V, каркассонский виконт вынужден был расплачиваться сам.

⁹ «Nullus homo in ipsis feiris requiratur neque dampnetur nisi ibi forisfactum egerit» (HGL, t. 5, col. 1215—1216).

¹⁰ Эти ярмарки функционировали уже при Ружере I, Ружер II актом 1158 г. лишь официально учреждает их (Ibid.).

¹¹ HGL, t. 5, col. 1264—1265.

жание и вес) монеты, последнему же подотчетны и сами монетки¹².

В 1165 г. бургожане добиваются от Ружера II издания ордоанса¹³, содержание которого сводится к следующему: 1) признается участие в решении некоторых гражданских дел совета приюдомов совместно с графской курией¹⁴. Эта статья фиксирует успешное продолжение отвоеваний в политической области: если в 1150 г. сеньор вершит дела только с участием своего управляющего — бальи, то спустя 15 лет сеньор обязан прислушиваться к голосу совета — нового органа государственного управления; 2) ограничивается власть ростовщиков и кредиторов над личностью и имуществом должника¹⁵; 3) существенно смягчается долговая кабала¹⁶. Две последние статьи свидетельствуют о чрезвычайно редком для XIII в. успехе борьбы рядовых ремесленников и торговцев с торгово-ростовщической верхушкой. Объяснялось это, видимо, тем, что кредитной деятельностью главным образом занимались богатые купцы и ростовщики из еврейской колонии в предместье Сен-Мишель, которые обслуживали солеторговлю, и, очевидно, пользовались покровительством графской власти¹⁷. Но их, как иноверцев, по всей видимости, было легче ограничить в непомерных кредитных претензиях.

И вот, наконец, акт от 1184 г. — хартия, изданная Ружером II в пользу всех жителей города Каркассона¹⁸. Это пер-

¹² «Ego Raymundus Trencavelli dono licentiam operandi vobis Ar. de Carcassona et G. Stephani et P. Guillermi in moneta mea de Carcassona. Lex vero et pensus illius monetae sit in potestate bajule mei, et non in vestram neque de eo, videlicet de penso et lege, respondeatis mihi» (HGL, t. 5, col. 1228—1229).

¹³ HGL, t. 5, col. 1286—1289; позднее Ружер II ссылается на этот документ: «Consuetudinem Carcassonensium dabitur vobis» (1174, Mémoires, t. 1, p. 233).

¹⁴ «Consilio proborum hominum Carcassonaе» (Ibid.).

¹⁵ Акт устанавливает, что курия дает должнику 15 дней отсрочки для уплаты долга, чтобы он мог удовлетворить требования кредитора, если они будут признаны законными ((HGL, ibid.).

¹⁶ В документе сказано, что если должник не сможет выплатить полную сумму долга, то будут приняты во внимание возможности погашения задолженности, исходя из состояния и имущественного статуса должника (Ibid.).

¹⁷ Известно, что уже в 1193 г. виконт Ружер, конечно же за значительный выкуп, освобождает евреев Каркассона от уплаты талли — поголовного налога, в то время как остальные жители добиваются этого только в XIV в. (Cart. Carcas., v. 5, p. 322).

¹⁸ HGL, t. 8, col. 375—376; Cart. Carcas., v. 5, p. 388.

вая хартия вольностей, в которой в наиболее полном виде определены имущественные права горожан. Самое главное: устанавливается право свободного завещания и свободной передачи по наследству имущества горожан¹⁹. Так создается основное условие складывания городской свободной собственности. Этому же способствует гарантия неприкосновенности имущества и личности вдов и сирот, покровительство и защита приезжих и городских торговцев и отмена поборов (гидажа и сверхгидажа) за предоставление этой защиты²⁰.

Удовлетворено самое насущное экономическое требование ремесленно-торговой массы города: установление твердых цен на привозные в Каркассоне важнейшие продукты питания, пшеницу и рыбу. При этом отменяется натуральный побор — «экзитум» — с продаваемого зерна собственного производства²¹. Наконец, Ружер II вынужден позволить горожанам беспощинно брать соль на складах Салина для личных пищевых нужд, уплачивая лишь фиксированную цену²². Кроме того, отменяется сеньориальная пошлина при пользовании мостом через Оду, и самый мост передается на попечение горожан, за сеньором остается лишь символический ежегодный побор — 2 модия (т. е. около 18 кг) пшеницы²³. По сути дела, удар нанесен и по основным звеньям сеньориального режима в городе, сеньор практически лишен возможности произвольного обирательства городского ремесла и торговли.

Как же добились горожане Каркассона столь значительных экономических свобод? Прежде всего каркассонцы ис-

¹⁹ «...пусть так будет записано и провозглашено и сохраняется навечно: я и мои наследники будем соблюдать Нарбоннский обычай: если кто-нибудь (мужчина или женщина) умрет без завещания, распоряжения, а также без детей, ... я не приду туда и ни у кого ничего там не буду брать и не буду требовать» (Mémoires, t. I, p. 239).

²⁰ «... not donet quidage nec superquidage» (Ibid.).

²¹ «Et quisnam propriam annonam vendere voluerit non emptam per revendere nullum dabit etiam exitum» (Ibid.). Прекращение зерновых поступлений от поборов с земледельцев бургов и окрестных жителей в свою очередь подрывало мельничный и печной баналитет сеньора (см.: Карпачева М. Е. Возникновение Каркассона как средневекового города. — В кн.: Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971, с. 184).

²² «И кто из вас соль для своей нужды возьмет в моем соляном рынке и сам унесет ее, пусть он ничего (сверх цены) не дает»... «... и пусть имеет ее по той цене, по которой она продается» (HGL, t. 8, p. 375). Тогда же Ружер II был принужден к обещанию не повышать цен на соль, закупаемую в больших количествах, придерживаться твердых тарифов.

²³ «Sic dono vobis illum pontem et nihil ibi retineo, nisi solummodo duos modios tritici annuatium» (Mémoires, t. I, p. 239—241).

пользуют все моменты ослабления сеньориальной власти (смерть либо смену виконтов на каркассонском престоле). В последнем случае — это отлучение в 1173 г. от церкви виконта Ружера II за поддержку альбигойцев²⁴, гражданская война в Тулузе²⁵, ослабившая сюзеренитет и поддержку каркассонскому сеньору, а также попытка дворянства края в 1179 г. отложиться от Тулузского графа и инфеодироваться Альфонсу, королю Арагона. И хотя источники нигде прямо не говорят о выкупе экономических и политических льгот, предположение, что он имел место в Каркассоне, вполне реально²⁶. Ф. Энгельс подчеркивал огромную роль денег в коммунальной борьбе, определяя выкуп городских вольностей и привилегий как обычную и очень важную ее форму, как «оружие горожан»²⁷. Но главными все-таки в Каркассоне остаются идущие снизу, от трудящейся ремесленно-торговой массы бургов, антифеодалные выступления.

В 1191 г. беднота городского бурга Сен-Венсен вступила в открытую борьбу с духовными сеньорами Каркассона. Бургожане требуют отменить взимаемые церковниками десятины и начатки с «огороженных участков», т. е. с бывших аграрных участков, теперь застроенных домами и мастерскими ремесленников²⁸. Отлучение бургожан от церкви, как крайняя мера пресечения беспорядков, не произвела должного впечатления, тогда дело было передано в сеньориальный суд. Важен сам факт выступления жителей бурга. Примечателен и ход судебной тяжбы: каноники Сен-Назарского капитула вынуждены были выступать в суде в качестве ответчиков на жалобы горожан. В суде были заслушаны обе стороны, и то, с каким достоинством отвечала беднота: «Мы уверены, что не должны давать десятины и начатков», показывает, как в ходе коммунальной борьбы вырастает правосознание горо-

²⁴ Этот момент отметил и Маркс: «Нарбоннский епископ предаёт отлучению Ружера и всех еретиков» (Маркс К. Хронологические выписки. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 235).

²⁵ Lot F. Recherches sur la population et la superficie des cités romaines à la période gallo-romaine. Paris, 1945, t. I, p. 305.

²⁶ Известно, что каркассонский виконт Бернар-Ат первую хартию вольностей горожанам Нима «даровал» в 1124 г. за огромную сумму — 4000 мельгейских солидов (Bechard F. Droit municipal au Moyen Age. Paris, t. I, 1861, p. 568).

²⁷ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 407—408.

²⁸ Bouges R. Histoire ecclésiastique et civile de la ville et diocèse de Carcassonne. Paris, 1741, v. 2 (documents), p. 545; HGL, t. 6, p. 142.

жан. Итог же разбирательства был заранее предопределен: сеньор Каркассона, как верховный арбитр, берет сторону церковников и отказывает бургожанам в их требованиях.

Но, видимо, брожение продолжалось. Хартией 1192 г.²⁹ виконт Ружер II фактически дает городу права самоуправления, хотя сам термин «консулат» в тексте отсутствует³⁰.

В хартии зафиксировано право ежегодного избрания 12 приюдомов³¹, которые составляют действующий городской совет. Кроме того, ими избираются из числа горожан еще 24 приюдома для совместного регулирования всех внутренних дел городской общины. Но этот выборный орган — каркассонский консулат — мог действовать только во время отсутствия сеньора. При этом они решают только гражданские дела, уголовная юрисдикция остается прерогативой сеньора. Налицо, таким образом, хотя и ограниченные, но, вне всякого сомнения, коммунальные функции самоуправления, концентрирующиеся в этот момент в руках зажиточных бюргеров «probi homines». Это не исключительно патрицианская верхушка³² и уж никак не узкая рыцарская прослойка³³. Вместе с тем безвозмездное отправление своих функций — показатель состоятельности этих горожан³⁴. Определить их со-

²⁹ Документ этот известен как «Кутюмы и свободы города и виконтства Каркассона» (Cart. Carcas., v. 5, p. 322).

³⁰ До этого уже в 1184 г. интересы городской общины представляли советники: Пьер Вассаль, Гильем Амьель, Арнаут Морлан, Мэтр Бертрап, Раймун Ломбард, Гильем де Кальваут, Бертрап Жираут, Гильем Юго, Моссе Каравита, которые и скрепили своими подписями текст этой хартии. Любопытно, что именно последним упоминается в этом списке Каравита — бальи сеньора Ружера. А. Кастальдо датирует появление консулата в Каркассоне 1192 годом, отмечая, что он опередил в этом смысле Монпелье (1204), Арль (1204), Бокер (1217) Castaldo A. Seigneurs, villes, et pouvoir royal en Languedoc. Paris, 1974, p. 10.

³¹ Еще не называясь собственно консулами, эти должностные лица на деле были ими. К сожалению, из-за гибели каркассонских архивов самый ранний перечень (список) консулов относится только к 1226 г. (Mémoires, t. I, p. 241).

³² Не случайно Жан Сарран в своей небольшой статье выделяет в этом консулате трех представителей, избранных от Бурга Каркассона, при этом один бургожанин — Гильем Амьель — выступает в качестве советника, подписавшего экономические отвоевания 1184 г. (Sarrand G. Origine du consulat dans la cité et le bourg de Carcassonne et les communautés avoisinantes. — Carcassonne et sa région. Carcassonne, 1970, p. 155).

³³ Характерно, что ни одна фамилия кастелланов, поставленных Бернаром-Атом в 1125 г., не фигурирует в городских актах.

³⁴ Приюдомы клянутся в течение года их консульства служить коммуне без вознаграждения (Cart. Carcas., v. 5, p. 322).

циально-экономический статус в какой-то мере позволяют документы позднейшего времени: это купцы, старейшины и богатые члены цехов — мясники, кожевники, кузнецы и т. д.³⁵

Таким образом, к концу XII в. борьба горожан Каркассона с виконтом ознаменовалась рядом побед, завоеванием весьма значительной экономической самостоятельности и довольно существенных политических вольностей. Здесь трудно не предположить выкупа социально-политических вольностей. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть вторичности (вслед за отвоеванием экономических свобод) борьбы городских масс за права самоуправления, обусловленность ее успеха возрастанием городского накопления и антифеодальной активности горожан.

Окончательное закрепление свобод и привилегий, добытых горожанами в XII в., содержит Каркассонский кутюм начала XIII в.³⁶ В нем зафиксировано консульское управление, при этом, в отличие от хартии 1192 г., постоянное. Деятельность ежегодно избираемых 12 консулов³⁷ значительно ограничивает сеньориальную власть во всех сферах общественно-экономической жизни города³⁸.

³⁵ По документу 1226 г. среди 828 «достойных людей» Каркассона можно выделить 150 цеховых ремесленников (*Mémoires*, t. I, p. 243—253). Характерна сама формула: «*nos Consules et omnes alii probi homines Carcassonne*» (*Ibid.*). Еще более показательны, что среди консулов в этом году значится Гильем Фабер (Кузнец), Симон Форнериус (Пекарь), А. Барбаб-ринус (Брадобрей).

³⁶ Точной, единой датировки Кутюма Каркассона, включающего 113 статей, нет. Г. Бесс датировал их 1190 г. (*Besse G. Histoire des comtes de Carcassonne. Carcassonne*, 1645, p. 107, 127); Кро-Мэйрвей вонсе не датировал этого документа (*Mémoires*, v. 2, p. 176—200); А. Маюль поместил его под 1192 г. (*Cart. Carcas.*, v. 3, p. 315—324); А. Тёле датирует их 1204 г. (*Layettes du trésor des chartes: publ. par. Teulet A., Paris, 1863*, t. I, p. 272—281). Более вероятной представляется датировка авторов «Всеобщей истории Лангедока», которые весьма справедливо отмечают, что этот Кутюм мог быть издан только в промежутке от 1204 г. до 1209 г., т. е. после издания монпельерских статутов и до прихода в Каркассон Монфора (HGL, t. 6, p. 216). Ведь только в 1204 г. был издан Монпельерский Кутюм, 87% содержания которого заимствовано каркассонцами; после завоевания и опустошения крестоносцами города в 1209 г. представить издание Кутюма невозможно.

³⁷ «... *eliguntur duodecim probi homines qui vocantur consules, et ipsi per annum mutantur et serviunt suis sumptibus, ville et populis.*» (Статья 109).

³⁸ Статья 8: «Сеньор или его курия не должны вмешиваться ни в какие споры, по поводу которых им не было заявлено...» (*Layettes*, p. 273). Статья 3: «И нужды и дела Каркассона сеньор разрешает совместно со своими прюдами Каркассона (*Ibid.*, p. 273). Статья 4: «... Сеньор ничего

Сеньор потерял право единолично вершить правосудие в городе. Городские судебно-административные лица: бальи, члены курии, адвокаты, нотариусы приносят клятву перед лицом городской общины и ей в первую очередь подотчетны³⁹. Наиболее ярко коммунальный дух Каркассона проявился в статье 88: «Ни один клирик, мирянин или иногородний не может отделить себя от коммуны («*communalitate*») города и народа Каркассона...»⁴⁰. При этом все каркассонцы обязаны присягнуть на верность коммуне: «*Consuetudo est quod omnes homines Carcassone sunt in uno sacramento*...»⁴¹ Эта несомненная гомогенность в Каркассоне XIII в. двух систем самоуправления — консулата и присяжной коммуны — убедительно опровергает их противопоставление у Ш. Пти-Дютайи и его последователей. Однако за виконтом — сеньором города остается еще ряд существенных прерогатив: совместные с бальи решения особо важных дел⁴², обложение горожан ежегодным цензом с недвижимости и фиксированными поборами при продаже и залоге недвижимого имущества⁴³.

Тот факт, что консулы города не назначались сеньором, а избирались горожанами, говорит о качественных различиях между прежней сеньориальной и новой коммунальной властью в городе. Классовый характер власти в городе существенно изменился. Монополия феодального дворянства, представленная виконтом, подорвана, в городе фактически правит консулат. В консулате заседали представители в основном зажиточной верхушки ремесленно-торговой массы Каркассо-

не получает, не взимает ничего и не должен возражать ..., если горожане Каркассона ... оставляют по завещанию, дарят или передают по наследству ... какое-либо движимое или недвижимое имущество» (*Ibid.*). Статья 65: «Сеньор Каркассона не должен задерживать (арестовывать) кого-либо из жителей Каркассона нынешних или будущих ... или препятствовать, чтобы им были оказаны справедливость и законность».

³⁹ Статья 1, 5, 6, 24.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 280.

⁴¹ Статья 109, p. 281.

⁴² Так, статья 22 гласит: «Убийство и другие преступления, влекущие за собой наказания, связанные с пролитием крови, подлежат приговору и определению сеньора города и мудрых (*sapientium*) людей» (*Ibid.*, p. 275). По статье 8 сеньору и его курии дается право вмешиваться в случае, когда была пролита кровь, учинен грабеж или совершено убийство, до того, как было подано заявление в суд (*Ibid.*, p. 273). Все это свидетельствует, что уголовный суд остается прерогативой сеньора.

⁴³ Статья 37: «Любой житель Каркассона за дом или помещение свое, сколько бы они ни стоили, много или мало, должен уплачивать подати и налоги». О лаудемии см.: 9, 12, 32 статьи.

на. Этим объясняется твердая отмена в Кутюме сенъориального грабежа: взимания произвольных поборов с горожан как в настоящем, так и в будущем; всех ограничений свободы, распоряжения имуществом⁴⁴. Таким образом, каркассонский Кутюм зафиксировал значительное сокращение прав сенъора в экономической и политической областях.

При сопоставлении этого Кутюма с его предшественником и образчиком — Статутом Монпелье 1204 г. — нельзя не отметить филиации городской хартии от города очень крупного к его меньшему собрату. Но вместе с тем прямого плагиата здесь нет⁴⁵: ведь из 113 статей каркассонского Кутюма 31 статья совершенно новая, отмеченная местной спецификой, и в большинстве своем это экономические завоевания, достигнутые ранее. В свою очередь, 47 монпельерских статей не входят в каркассонский Кутюм. Чрезвычайно показательно, что заимствование городского права идет от города, возникшего только в средние века на пустом месте, к городу, казалось бы, античного корня, что доказывает отсутствие в Каркассоне традиций римского муниципального права: средневековые городские правовые нормы и институты складывались здесь заново.

Антифеодальная борьба горожан не прекращается в Каркассоне и после официального учреждения коммуны, знаменовавшего успешное завершение второго этапа коммунальной борьбы. На третьем этапе, между 1209 и 1305 гг. борьба горожан против натиска реакционных феодальных сил в лице крестоносцев Монфора сливается с движением альбигойцев, как формой самозащиты Юга, а затем выливается в мощные антиинквизиционные и антикоролевские восстания. Этот этап требует специального рассмотрения.

Таким образом, пример Каркассона подтверждает социальную однородность коммунального движения как на Севере, так и на Юге Франции, и формы борьбы за экономические и правовые вольности были здесь столь же разнообразны. Главными носителями антифеодальных стремлений

⁴⁴ Статья 52: «При дарениях, при завещаниях, при наследовании по закону, при размене денег, при выдаче приданого, дарениях или передаче залогов по случаю свадьбы ... сенъор или его вассалы не должны иметь или взыскивать никаких пошлин».

⁴⁵ М. Жиро писал о прямом переносе монпельерского Статута 1204 г. в Каркассон (*Giraud Ch. Essai sur l'histoire du Droit Français au Moyen Age*. — Paris—Leipzig, 1846, t. I, part I, p. 47), с чем нельзя согласиться.

горожан были ремесленники и купцы бургов Каркассона — главного ядра города: именно они обеспечили успех второго этапа коммунальной борьбы в Каркассоне.

М. М. Яброва

РАЗВИТИЕ КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТА В АНГЛИИ XIV—XV ВВ.

Зарождение коммерческого кредита в Англии можно отнести к последней четверти XIII в.¹, распространение и развитие его падает на последующие века — XIV и особенно XV. Уже с XIII в. можно говорить об известном оформлении сроков кредита, его гарантий и орудий. Эти вопросы и учреждение и продажа ренты являются предметом исследования данной статьи.

Вопрос о сроках кредита являлся весьма существенным на всех этапах его развития. Недаром в 1477 г. старый Ричард Сели — представитель известного в Англии семейно-торгового объединения — советовал сыну интересоваться не ценами на шерсть, а сроками кредита², тем самым подчеркивая первостепенное значение именно этой стороны дела. Сроки кредита теснейшим образом зависели от величины оборотного капитала, которым располагал кредитор. Большой оборотный капитал позволял раздвинуть сроки кредита, мелкий торговец не мог долго ждать и в состоянии был открыть только краткосрочный кредит. Сроки кредита в какой-то степени регулировались и конъюнктурой рынка. Однако цены в средние века были более или менее стабильны, и поэтому можно говорить об известной определенности сроков кредита. Они были обозначены уже в статуте 1283 г.³, первом из королевских законов, способствовавших созданию условий для торговли в кредит. Максимальный срок, установленный

¹ Яброва М. М. Особенности средневекового кредита и его развитие в Англии XIII—XV веков. — В кн.: *Средневековый город*, вып. 4. Саратов, 1978.

² Power E. E. *The wool Trade in the Fifteenth century*. — В кн.: *Studies in English Trade in the Fifteenth Century*. Ed. by Power E. E. and Postan M. M. N.-Y., 1933, p. 63.

³ *Statutes of the Realm*. L., 1810, v. I, p. 53—54.

законом для уплаты долгов, в общей сложности составлял три года. После этого — неизбежное тюремное заключение⁴. На практике, в тех документах, которыми мы располагаем, трехгодичный срок ссуды встречается крайне редко и только в торговых сделках с иностранными купцами⁵. Обычный кредит иностранным купцам предоставлялся на 2—2½ года. Так, некий Джон Таунсенд 14 марта 1456 г. продал двум итальянцам шерсть на сумму в 1078 фунтов. 356 фунтов стерлингов, т. е. 1/3, были уплачены сразу, 361 ф. надо было внести к следующему празднику Сретения⁶ и последнюю треть к празднику Сретения 1458 г.⁷ Таким образом, от заключения сделки до последнего платежа проходило около двух лет. Торговые сделки семьи Сели с их постоянными поставщиками предполагали значительно более короткий срок кредита. В контракте, заключенном Сели в августе 1476 г. с Бушем, одним из поставщиков, оговаривается, что 1/3 суммы должна быть внесена Бушу при взвешивании, т. е. в самом начале сделки, 1/3 — в следующем мае, остальное — в сентябре⁸. В данном случае кредит ограничивался сроком несколько больше года. Контракт Сели 1478 г. с другим постоянным поставщиком шерсти Мидуинтером предусматривал те же условия. Примерно такое же положение мы наблюдаем в ряде других торговых сделок⁹. Во всех этих случаях различие сроков кредита определялось величиной оборотного капитала, которым располагал купец. Не мог Буш предоставлять долгосрочный кредит, ибо без значительных оборотных средств он сразу попадал в затруднительное положение¹⁰. Сели в

⁴ Ibid.

⁵ Джон Остин, торговец шерстью, продал венецианскому купцу шерсть на сумму в 116 ф. 10 ш. Сделка была заключена 31 декабря 1458 г., последний взнос надо было внести через 3½ года (*Power E. The wool Trade...*, p. 56).

⁶ Сретение — 2 февраля. В данном случае 2 февраля 1457 г.

⁷ *Power E. The wool Trade...*, p. 369.

⁸ Ibid., p. 56.

⁹ Можно согласиться с М. Постановом, что «все недостатки торгового кредита («Sale Credit») могли обусловить необходимость краткосрочных займов» (*Essays in Economic History*. Ed. by Carus-Wilson E. M. L., 1955, p. 71). Однако это утверждение нуждается в дополнении — сами недостатки в системе коммерческого кредита были обусловлены объективной действительностью, уровнем развития торговли и промышленности.

¹⁰ В сделках между совсем мелкими торговцами сроки кредита были минимальными, иногда определялись одной неделей (см.: *Select Cases concerning the Law Merchant, 1270—1638*, by Charles Gross, Ph. D. L., 1908, v. 1, p. 50).

торговле с крупными купцами-складчиками или иностранными купцами могли это себе позволить, но при закупках и они были кровно заинтересованы в удлинении срока кредита, — все же наличных денег было относительно не так много¹¹.

С рождением коммерческого кредита вырабатываются и его орудия — долговые обязательства. Порядок оформления различных кредитных сделок предусмотрен уже статутом 1283 г. Долговые обязательства, после того как они были внесены в городские протоколы и зафиксированы клерком, получали законную силу. В XV в. такими долговыми обязательствами расплачивались, т. е. они фактически превращались в вексель.

С момента их фиксации, предусмотренной королевским статутом 1283 г., создавалась потенциальная возможность передачи долговых обязательств. Попытки реализации этой возможности очевидны уже в последней трети XIII в. Но потребовалось время, прежде чем расплата векселями глубоко вошла в практику английской торговли, особенно внешней. В XV в. мы неоднократно сталкиваемся с такими фактами. Пауэр приводит любопытный случай, когда Лоуэс Линехам, поверенный известного в Лондоне купца-складчика из Кале, продал купцу из Бергена в кредит шерсть на сумму в 247 ф. 11 ш. 11 п. Покупатель выдал два платежных обязательства: одно на 124 ф. 7 ш. 5 п., подлежащее оплате на ярмарке в Троицын день, второе на 123 ф. 4 ш. 5 п., подлежащее оплате к следующему Михайлову дню¹². Реально продавец получил груз белой соли, два переводных векселя (*bill of exchange*), взятых бергенским купцом у двух лондонских торговцев предметами роскоши, расписку от купца из Флиссингена, платежное письмо (*letter of payment*) от прибалтийского купца, подлежащего оплате в Брюгге в два срока¹³. О том, что возможна была расплата долговыми обязательствами, свиде-

¹¹ Срок займа имел большое значение и тогда, когда к нему прибегали короли. Известно, что в 60-е годы XVI в. Елизавета Тюдор обещала маклеру золотую цепь стоимостью в 500 крон «если он сможет содействовать продлению сроков займа на 6 месяцев». Речь шла о займе в Антверпене, что, как правило, не превышало года. Такие подарки за содействие в продлении сроков займа были довольно часты (см.: *Owthwaite R. M. The Trials of Foreign Borrowing: the English Crown and the Antwerp Money Market in the Mid-Sixteenth Century*. *The Economic History Review*, Second Series, v. XIX, N 2, August, 1966, p. 293, 302).

¹² *Power E. The wool Trade*, p. 67. Михайлов день — 29 сентября.

¹³ Ibid.

тельствуют и некоторые другие факты¹⁴. Примерно о том же говорят отдельные пункты завещания вдовы лондонского мэра Джона Янга от 15 января 1467 года. Она даровала своему слуге Томасу Уайту в связи с его женитьбой 100 ф. за безупречную службу. Но эти деньги он должен был получить из 180 ф., которые ей задолжали некоторые лица за различные товары¹⁵. Вдова мэра расплачивалась со слугой долговыми обязательствами как деньгами, — т. е. налицо вексельный оборот.

И все же никак нельзя согласиться с Пауэр, которая считает, что для этого времени «учет векселей (долгов) путем передачи их был *всеобщим* (подчеркнуто нами. — М. Я.), и иски (bills) переходили из рук в руки так же свободно, как и сегодня»¹⁶. Не следует забывать и того, что в рассматриваемый период в Англии эти сделки совершались без посредничества банка, и при получении долговых обязательств в качестве оплаты должна была быть полная уверенность в их надежности, необходимы были определенные гарантии, что было далеко не простым делом.

На более реалистичных позициях в данном отношении стоит М. Постан, который, не отрицая широкого распространения передачи долговых обязательств, тем не менее отмечает трудности и препятствия в этом деле, в частности необходимость осведомления должника о передаче обязательства (на практике это иногда обходили)¹⁷, недостаточную подвижность и гибкость некоторых инструментов кредита¹⁸ и т. д.

Чаще всего оплата платежных обязательств приурочивалась к ярмаркам; там собиралось значительное количество купцов, в том числе и выступавших в роли свидетелей, на ярмарках выручались деньги от проданных товаров, заключались и новые торговые сделки, предполагавшие кредит. Ярмарки обеспечивали к тому же известную гласность: не

¹⁴ Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1458—1482). Ed. by Jones Ph. E. Cambridge, 1951, p. 43, 87, 88, 89.

¹⁵ Ibid., p. 43.

¹⁶ Power E. The wool Trade..., p. 67.

¹⁷ Postan M. M. Private financial instruments in medieval England. — В кн.: Postan M. M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973, p. 45.

¹⁸ Имеется в виду recognisance — формальное признание долгового обязательства должником перед судом. Этот тип обязательства, хотя и более гарантированный, тем не менее неудобно было передавать, так как долг был зафиксирован в книгах курий. Кроме того, за сам факт фиксации надо было платить от 1 до 1/4 пенса (Ibid. p. 40).

(уплативший вовремя долг мог потерять доверие и у ряда других купцов. По-видимому, само место расчета являлось своеобразной гарантией. Однако кредитные сделки, как и ростовщические, нуждались в более основательных гарантиях. Уже королевские статуты 80-х годов XIII в. (о них шла речь выше) предусматривали конфискацию имущества в случае несвоевременной уплаты долга, т. е. основной гарантией был имущественный статус человека, который желал воспользоваться кредитом. Реализовалось это путем залога имущества, поручительства со стороны лиц, известных кредитору и т. д. 14-го июля 1474 г. лондонский суконщик Роберт Дейви подал жалобу лорд-мэру и олдерменам Лондона на Уильяма Брея, тоже лондонского суконщика. Суть жалобы такова: Уильям Брей получил от Роберта и его отца Джона Дейви семь жилых домов, в виде залога за 30 ф., которые вышеназванные отец и сын должны были уплатить за товары. Судя по содержанию документа, кредит был предоставлен сроком на 1 год¹⁹. Роберт неоднократно пытался уплатить указанные 30 ф., но Уильям отказывался вернуть залог, ссылаясь на завещание Джона Дейви, который якобы распорядился, чтобы эта собственность пошла на уплату долга. Такого завещания не оказалось, и жилые дома были возвращены собственнику²⁰.

В данном случае стоимость домов превышала величину долга — явление, свойственное ростовщичеству, хотя перед нами несомненный коммерческий кредит. Это не могло являться правилом, ибо в коммерческом кредите залог, превышающий или даже равный сумме кредита, был просто бессмысленным: большой недвижимостью купец не всегда располагал, а консервировать в виде залога товары не имело смысла.

Нередки случаи, когда для оплаты долга заимодавцу передавалась рента с недвижимости. В некоторых документах не указана сумма долга, но размер ренты и срок, на который она передавалась, позволяют ее высчитать. Сроки, на которые передавалась рента, самые разные. В марте 1459 г. лондонский торговец свечами Уильям Колин и его жена Алиса передали на 14 лет ренту в 10 марок, проистекавшую из городских владений (указаны точно приход и улица) некоему Уильяму Сверендену²¹. В документе от 16 октября 1470 г.

¹⁹ Calendar of Plea..., p. 93—94.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid., p. 8.

лондонский цирюльник Роджер Скрип и его жена передали годовую ренту в 20 марок от владений, которые они арендовали. Ренту получили лондонский бакалейщик Уильям Сэндис и вдова Елизавета Нэрбург в покрытие долга в 82 марки 6 ш. Срок передачи ренты фиксирован очень просто — пока долг не будет покрыт²², т. е. это примерно на 4 года. Документ о передаче ренты Генри Балстроудом, торговцем предметами роскоши, и его женой Елизаветой, содержит некоторые дополнительные данные. Годовая рента в 3 ф. 6 ш. 8 п. от земель в Лондоне была передана в июне 1484 г. лондонскому торговцу предметами роскоши в счет покрытия пяти долго-вых обязательств общей суммой в 93 ф. 4 ш. 9 п.²³

По всей вероятности, эти торговцы предметами роскоши были связаны какими-то торговыми делами. В источнике относительно Генри Балстроуда сказано: прежде горожанин Лондона, т. е. к моменту заключения сделки он оставил Лондон и, возможно, отошел от дел. Ему несомненно выгодней было выплачивать долг по частям, постепенно. Вернее всего, наличие этих земель и ренты и являлось гарантией предшествующего займа или кредитных сделок.

Учреждение и продажа ренты — это не изобретение XV века. Знали ее отлично и прежде, она была излюбленным способом обеспечения ростовщического займа у монастырей. Монастыри очень охотно покупали ренты, так как они давали постоянный доход и, кроме того, такая сделка, несмотря на ее очевидно ростовщический характер, не находилась под запретом канонических законов²⁴. Ее считали простой покупкой.

Передача рент на этом этапе, как правило, ограничивается определенным сроком, она не вечная. Срок чаще всего определялся суммой предоставленного кредита и величиной ежегодной выплаты. Разумеется, эти суммы могли включать и, по всей вероятности включали, какую-то долю процента. Потенциально, при передаче ренты на длительный срок, существовала и возможность обращения ее в постоянную, но

²² Ibid., p. 65. По всей вероятности, бакалейщик и названная вдова составляли своеобразную коммунду, которая вполне могла быть связана деловыми отношениями с должниками.

²³ Ibid., p. 147.

²⁴ Заслуживают внимания соображения С. Г. Лозинского о покупке рент монастырями (см.: *Лозинский С. Г. Средневековые ростовщики*. Пт., 1923, с. 99).

качественно новый момент — временная ограниченность передачи ренты — выступает на первый план.

Недвижимость ренты — это довольно ранний тип гарантий, который при развитии коммерческого кредита не всегда был возможен и удобен. Значительно чаще практиковалось поручительство двух-трех и более лиц, в источниках этот тип гарантий встречается повсеместно²⁵. Несомненно, что при предоставлении кредита продавец всегда был хорошо осведомлен о состоянии дел покупателя, его платежеспособности, а относительная простота процедуры была в достаточной степени эффективна. Так, 28-го марта 1462 г. олдермен Томас Кук²⁶ подал в лондонский городской совет иск о долге в 144 ф. 5 ш. 4 п. против Ричарда Херона, купца. В источнике прямо сказано, что истец продал Ричарду ряд товаров в сентябре 1459 г.²⁷, т. е. в данном случае несомненно, речь идет о коммерческом кредите. Причем, выдержан предельный срок (примерно 3½ года). Ответчик должен был явиться перед мэром и олдерменами Лондона 26-го марта. Однако он куда-то скрылся, и городской совет своей властью наложил арест на 114 ф. 5 ш. 4 п. из его денег, находившихся у флорентийского купца Анджелло Тани²⁸. Аналогичные случаи мы наблюдаем в ряде других судебных разбирательств. В ноябре 1473 г. лондонские торговцы предметами роскоши Реджиналд Эш и Ричард Хэнсэм предъявили долговое обязательство оловянщика Томаса Годлока на 49 ф. 1 ш. 8 п. Последний не явился по вызову в городской совет и оказалось, что у него нет ничего в Сити. Истцы потребовали, чтобы был наложен арест на 45 ф., принадлежащих ответчику и находящихся в руках Уильяма Меринга, эсквайра²⁹. Это требование было выполнено при свидетелях, указанная сумма должна была пойти в счет поглощения долга, если ответчик не явится в течение года и одного дня³⁰. 25-го февраля 1474 г. Джон Шайток, лондонский суконщик, предъявил долговое обязательство Ричарда Кингстоуна, рыботорговца, на 17 ф. Дальше

²⁵ В 1428 г. в Экзетере разбиралась жалоба купца Уолтера Поупа на целую группу купцов, купивших в кредит сукно и не уплативших 58 ф. 3 ш. 4 п. В роли ответчика выступил поручитель Джон Дэви. По решению курии он был задержан до уплаты долга (*Select Cases*, p. 119).

²⁶ Томас Кук, торговец сукном, олдермен в 1456—1471 гг. (см. Appendix к кн.: *Thrupp S. L. The Merchant class of Medieval L.* — Chicago, 1948).

²⁷ *Calendar of Pleas...*, p. 22.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., p. 86.

³⁰ Ibid.

ситуация почти совпадает. Названному рыботорговцу некий Ричард Галле задолжал 15 ф. На эту сумму и был наложен арест³¹.

Во всех этих случаях истец неплохо осведомлен о делах, имуществе человека, который оказался должником. Возможно, эта осведомленность возникла в результате неоднократных предшествующих торговых сделок.

Значительно сложнее обстояло дело с иноземными купцами, ибо основная часть их имущества находилась за границей, вне пределов досягаемости городского совета. Эта проблема возникла довольно рано, и нельзя сказать, что она полностью была разрешена в XV в.

На первых порах конфискации подвергалось находившееся в Англии имущество всех купцов того города, из которого происходил должник. Это было крайне неудобно, практически трудно осуществимо и не всегда выгодно для самих английских купцов, ибо мешало развитию налаженных торговых связей. Типично феодальная система репрессалий³² уже не отвечала потребностям времени. Это стало очевидным ко второй половине XIII в. В этом отношении интересно дело, которое рассматривалось в курии на ярмарке в Сент-Айвсе в мае 1270 г.³³. Суть дела очень проста. Некий Готшелк, житель г. Линн, пожаловался на купцов Гента, Ипра, Дуэ и Лилля, подданных графа Фландрского, которые находились в этот момент на ярмарке. Дело в том, что он привез из Англии во Фландрию 14 мешков шерсти (22 февраля 1265 г.), и там слуги графа Фландрского ее задержали. Указанный Готшелк потребовал применить по отношению к подданным графа право репрессалий. Это свидетельствует, что само по себе право было еще живо. Но интересна реакция купцов. Горожане Ипра предъявили документ, данный королевской курией, говорящей о том, что они не могут быть задержаны за долг другого лица, если они сами не задолжали и не являются поручителями. От торговцев из Лилля явился один купец, предъявив-

³¹ См. также дело Томаса Хоу против Роберта Руда (Ibid., p. 87) и ряд других в этом сборнике.

³² Репрессалии — ответная мера на неправомерные действия иностранного государства или его подданных. В средние века эта мера применялась довольно часто почти во всех странах. С развитием товарно-денежных отношений репрессалии стали мешать торговле, так как за провинность одного купца притеснениям подвергались все его соотечественники.

³³ Select Cases..., 8—10. По хартии Генриха I право иметь ярмарку Сент-Айвсе в Гантингдоншире было даровано аббату Рамсею.

ший грамоту короля, данную лично ему, согласно которой он не может быть задержан за чужие долги. Купцы из Гента и Дуэ просили отсрочки, обещая предъявить такие же грамоты. Как мы видим, пока право репрессалий не отменялось, но отдельные купцы или группы купцов добивались каких-то привилегий³⁴. В XIV в. королевская власть занимается этим вопросом вплотную.

В статуте Эдуарда III от 1351 г. указывалось, что компании ломбардских купцов ответственны только за долги своих членов: «всякий другой купец, не состоящий членом компании, не может быть привлечен к ответственности»³⁵. Статут 1353 г. носит более широкий характер. Здесь повторяется основная мысль о том, что купцы ответственны только за свои долги или за долги тех лиц, за которых они поручались³⁶. В этих статутах речь шла о всех иноземных купцах, прибывающих в Англию³⁷.

В XIV—XV вв. уже возможен был путь переписки с тем городом, из которого происходил ответчик. Такая обязанность возлагалась на членов городского совета. Но это не исключало и судебного преследования иноземцев внутри страны. В октябре 1460 г. душеприказчики покойного Джона Форти, торговца шерстью, предъявили иск на 180 ф. 10 ш. Симону Нори, купцу из Флоренции, и приложили его долговое обязательство на 180 ф., данное 18-го марта 1457 г. (оно должно было быть оплачено 24 июня 1460 г.)³⁸. Ответчик, однако, уплатил только 50 ф., несмотря на неоднократные напоминания. В данном случае дело облегалось тем, что и сам ответ-

³⁴ Если в праве репрессалий не были заинтересованы купцы в целом, кроме этих частных случаев, то для аббата оно было явно выгодно. В случае реализации права репрессалий ему доставалась 1/7 востребованного (Ibid., p. 10).

³⁵ Statutes of Realm..., v. I, p. 339.

³⁶ Ibid. И все же в этом статуте указывалось, что если в чужой стране обидят английского купца и не будут приняты меры к восстановлению правосудия по отношению к обиженному, английский король воспользуется правом репрессалий.

³⁷ Индивидуальная ответственность английских купцов была зафиксирована во 2-й пол. XIII в. Первый Вестминстерский статут 1275 г. гласил: «... в городах, бургах, торговых местечках, на ярмарках и рынках нельзя налагать арест на имущество проезжих людей, жителей этого королевства, за долги, если они не являются должниками или поручителями (за долги). И кто поступит иначе, будет сурово наказан, а захваченное имущество без промедления, должно быть возвращено пострадавшему» (Вестминстерские статуты. Пер. Е. В. Гутновой, 1948, с. 22).

³⁸ Calendar of Plea..., p. 14—15.

чик и его поручитель (Питер Дрейпер, торговец жестяными изделиями) находились в Лондоне, и поэтому удалось взять с них требуемую сумму плюс судебные расходы³⁹.

Несколько сложнее были обстоятельства в деле, возбужденном Джоном Трегуреном, лондонским купцом, против купца из Бордо, Арнольда де Кларенс. В мае 1461 г. Джон Трегурен предъявил последнему иск на 60 ф.⁴⁰ По всей вероятности, между этими купцами имелись давние торговые связи, так как у Джона оказались сукна, принадлежащие купцу из Бордо, на которые городской совет при предъявлении иска наложил арест. Ответчик не явился, и после 4-х вызовов были назначены оценщики. В результате истец все же оказался в убытке, сукна, конфискованные в его пользу, были оценены только в 36 ф. 5 ш. 7 п.⁴¹.

Любопытно дело, возбужденное в мае 1466 г. рыцарем Генри Уэйвером против венецианского купца Марио Дандоло. Сумма долга последнего 42 ф. Речь шла, несомненно, о коммерческом кредите, ибо в жалобе указано, что эту сумму венецианец должен за сукно, купленное им в июле 1462 г.⁴² (кредит достаточно долгосрочный, свыше 3½ лет). Венецианец не только нашел поручителей (двух лондонских сукно-торговцев), но и отрицал свою задолженность и потребовал, чтобы половина присяжных представляла его родной город⁴³.

Долговые обязательства могли отражать не только коммерческий кредит, но покрывали и ряд других сделок, в частности ростовщические, и включали в обязательство и ростовщический процент. Наличие старых и новых форм кредитования, переплетение их, было свойственно рассматриваемому периоду, хотя несомненно на первый план все больше и больше выдвигается коммерческий кредит. В XV в. во внешней

³⁹ Ibid., p. 15.

⁴⁰ Ibid., p. 18—19. Эти устойчивые торговые связи, по-видимому, в данном случае позволили Джону Трегурену обойтись без поручителей.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid., p. 41.

⁴³ Ibid. Купеческая хартия (Carta Mercatoria) от 1303 г. устанавливала, что в тяжбах между англичанами и иностранцами половина жюри должна состоять из жителей города, откуда прибыл иностранец. Кроме того, согласно этой хартии, иноземцы освобождались от ряда платежей, они могли торговать неограниченным ассортиментом товаров и т. д. Все это вызывало недовольство и резкий протест английских купцов. На деле купеческая хартия не соблюдалась и практически положение иноземных купцов в значительной мере зависело от поддержки короны (см.: Cheyney E. P. An Introduction to the Industrial and Social History of England. L., 1909, p. 81—82).

торговле очень обычным становится так называемый обменный заем (loan of exchange). Суть его заключалась в следующем: какие-нибудь купцы, например, типа Сели, когда они нуждались в наличных деньгах (а это случалось в период оплаты поставщиков шерсти), брали у лондонских купцов некоторые суммы в фунтах стерлингов и обязывались уплатить им в течение определенного срока (чаще всего он был небольшим — несколько месяцев) за пределами страны в иностранной валюте согласно существующему курсу.

Довольно любопытные данные такого обмена приводит Е. Пауэр. Купцы-складчики Кале всегда нуждались в английских деньгах, так как им нужно было покупать шерсть в Англии. Торговцы предметами роскоши, напротив, имели английские деньги, ибо продавали свои товары в Лондоне и нуждались во фламандской монете на ярмарках, где они выступали чаще всего в роли покупателей⁴⁴.

На этом и основывались обменные операции. Был ли здесь элемент ростовщичества? Несомненно. Курс денег был различным, и сторона ссужающая стремилась получить какую-нибудь прибыль. Вопреки старым запретам королевской власти⁴⁵ купцы брали на себя и функции менял, а, следовательно, и их доходы.

Вместе с тем здесь есть принципиально отличное от чисто средневекового ростовщичества. Если там противостояли друг другу ростовщик и потребитель и заем делался в основном для немедленного потребления, то при данных обстоятельствах деньги шли в торговлю, и одно и то же лицо в относительно короткий период могло выступать и в качестве дающего и в качестве получающего заем.

Бывало, что кредитные операции (имеется в виду коммерческий кредит) маскировали спекулятивные сделки. Свободных денег явно не хватало, и для получения их иногда заключались фиктивные кредитные сделки. Какой-нибудь купец продавал товар в кредит и должен был получить за него определенную сумму по прошествии срока, предусмотренного условиями кредитной сделки. Но допустим, что покупатель нуждался не столько в товаре, сколько в наличных деньгах. Кредитор тут же перекупал только что проданный товар

⁴⁴ Power E. The wool Trade..., p. 68.

⁴⁵ Существовало правило, согласно которому обмен денег лежит на обязанности определенных лиц. Долгое время в такой роли выступали королевские монетчики.

(иногда через подставных лиц), но по более низкой цене, уплатив деньги наличными. Таким образом, бывший кредитор был в явном выигрыше: ведь сумма, предусмотренная условиями кредитной сделки, ему неизбежно возвратится, правда, по прошествии некоторого времени. По-видимому, эти спекуляции получили известное распространение в Лондоне уже в XIV в. Недаром лондонский указ 1390 г. гласит: если кто-либо, горожанин или иностранец, продаст товар, но тотчас после такой продажи купит тот же товар обратно, с убытком для покупателя, то за это будет наказан⁴⁶.

С развитием коммерческого кредита возможности для заключения сделок подобного рода весьма расширились. В этом аспекте можно рассматривать инцидент, который приводит Пауэр. Лондонский виноторговец Джон Сэдиллер 26 июня 1421 г. продал некоему Ричарду Трогональду в кредит испанское железо за 28 ф. 10 ш., а затем перекупил его за 23 ф. 10 ш. в наличных деньгах⁴⁷. Таким образом, Сэдиллер получил прибыль, примерно 21%. Он мог получить ее только потому, что имел наличный капитал и, по всей вероятности, немалый⁴⁸. Ричард Трогональд вынужден был пойти на эти условия, ибо нуждался в наличных деньгах, видимо, необходимых для расплаты с какими-нибудь другими кредиторами. Автор «Памфлета об английской политике» («Libelle of English Polycyue»), вышедшего в 1436 г., с возмущением упрекает в спекуляциях ломбардских купцов, которые покупали шерсть в кредит в Англии и Кале и продавали ее в Брюгге за наличные деньги, чтобы потом давать займы под высокий процент английским купцам⁴⁹. С течением времени все эти финансовые операции усложняются.

За кредитными операциями скрывались не только ростовщичество, различные спекуляции, но и раздача сырья, скупка готовых изделий и т. д. Однако все эти явления должны явиться предметом специального исследования.

⁴⁶ Ashley W. An Introduction to English Economic History and Commerce in Early and Middle Age. L., 1890, p. 481.

⁴⁷ Power E. The wool Trade..., p. 71.

⁴⁸ Ibid. Известно, что он ссужал деньгами многих лиц, в том числе и коронованных особ.

⁴⁹ Documents illustrating the History of civilization in Medieval England (1066—1500). Ed. by Travor. Davies M. A. L., 1969, p. 377. Автор памфлета Ричард Уайттингтон, лицо очень заметное в Лондоне, главным образом своим богатством, считал, что, разрешая эти спекуляции, англичане сами себе вредят («thes wolde, if we will beleve, wuren our nose with our owne slepe» ..., p. 377).

А. И. Озолин

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КОРОЛЕВСКИХ ГОРОДОВ ЧЕХИИ В XIV — НАЧАЛЕ XV вв.¹

Общезвестно, что города Европы периода развитого феодализма являлись центрами ремесла и торговли. В этом определении Маркса и Энгельса раскрывается главное содержание их деятельности. Однако, наряду с ремеслом и торговлей, горожане занимались и сельским хозяйством, имели свои земельные владения.

Каковы были условия, на которых городские общины или горожане владели различными земельными угодьями? В грамотах привилегий и в городских книгах тех королевских городов, по которым сохранились сведения о размерах их земельных владений, названы размеры урока, денежного чинша, выплачиваемого городом в течение года с каждого лана и с огорода, расположенного перед городом, ежегодно по одной гривне в два срока. Так, в грамоте жителям Мельника оговаривалось, что они держат эту землю на наследственном праве на «вечные времена»². В общей форме об уплате чинша с земли, относящейся к городу Жатцу, упоминается уже в документе от 1291 г., а в 1321 г. назван размер его земельных держаний и сказано, что с каждого лана земли община выплачивает по 1 гривне. По полгривны в год с каждого лана земля платили своему сеньору, королю, жители города Пльзнь³ (грамота от 1320 г.). Город Нимбург должен был платить со своих земельных владений, купленных общиной, 58 гривен, т. е. по полгривны с лана, поскольку городу принадлежало 116 ланов земли, и 21 грош с пастбищ, купленных общиной прежде по разрешению короля Вацлава II (1327 г.)⁴. Несколько позднее король Иоани разрешил жителям Нимбурка вырубить в королевском лесу в Комарно 3 лана леса и обратить их в поле или пастбище, по усмотрению самих горожан. Горожане Слана, согласно привилегии от 1336 г., платили

¹ Настоящая статья является продолжением работы, начатой публикацией в «Славянском сборнике», вып. 2 (Саратов, 1978).

² Codex juris municipalis regni Bohemiae (1225—1419). — Privilegia regalia civitatum provincialium. Vyd. Celakovský J., t. II, Praha, 1895 (Далее — Codex juris municipalis).

³ Ibid., п. 156, 115, 114.

⁴ Ibid., п. 149, 249, 188, 553.

ежегодно по 56 грошей, т. е. по одной гривне с лана земли, приписанной к городу. Однако в отличие от обязанностей общины Мельника, жители Слана были освобождены от платы за огороды. Причины такой привилегии неизвестны. В 1378 г. Карл I предоставил горожанам Слана право пользования пастбищами, лежащими близ города, в связи с тем, что они понесли значительные потери от пожара, и приписал эти земли к их другим земельным владениям.

Размеры платежей сеньору с земельных владений городов были неодинаковы. Например, община Часлава (1330 г.) была обязана платить с 86 ланов земли по $\frac{1}{2}$ гривны, а с 11 ланов — по 1 гривне⁵. По-видимому, при определении размеров чинша учитывалось и качество земли.

При основании того или иного города его жители должны были выкупить землю, которая приписывалась городу. Например, горожане Каданя (около 1291 г.) обязывались ежегодно платить в казну королю по гривне с каждого лана. В документе перечислены различные виды земельных держаний этого города⁶.

В ряде случаев названа общая сумма платежей городов за их земельные владения. В 1319 г. были подтверждены прежние права города Раковник, который обязан был платить ежегодный чинш со своих земельных владений в размере не более 34 коп. грошей. На речных потоках, принадлежащих общине, горожане могли пасти скот, охотиться с собаками на зайцев, лисиц, птицу, но не могли пользоваться при этом тетярами и выслеживать зайцев ночами⁷. О земельных владениях г. Лоуни содержатся в общей форме сведения в нескольких грамотах городских привилегий. В 1325 г. король Иоанн обновил права города Лоуни, бывшие у горожан издавна. С каждого лана община обязывалась уплачивать ежегодно по полгривны. С лугов, принадлежавших и прежде городу в его окрестностях, горожане не несли повинностей⁸. В 1342 г. маркграф Карл установил, что горожане Лоуни должны платить берну с земли, принадлежащей городу, и с других своих свободных владений. Какие владения имелись в виду, неизвестно, не определен и размер городских владений. В 1352 г. Карл I подтвердил установления отца, что горожане Лоуни, держащие свободные «статки», несут с них все те повинно-

⁵ Ibid., n. 154.

⁶ Ibid., n. 45.

⁷ Ibid., n. 107.

⁸ Ibid., n. 134, 240, 318.

сти, что и остальные горожане. По-видимому, под «свободными статками» имелись в виду и владения земельные, хотя прямо они в документе не названы. В 1372 г. горожане Лоуни получили, как и все другие королевские города, право свободного завещания и наследования своего имущества в городе и за его пределами, в котором прямо названы агрос, аллодия, цензус⁹, а Вацлав IV в том же году подтвердил эту привилегию. В 1329 г. король Иоанн установил, что жители города Литомержицы обязаны платить ему с виноградников и других земельных держаний 29 гривен чинша, а в грамоте 1341 г. сказано, что община Литомержица должна с каждого лана платить ежегодно по половине тяжелой гривны, а всего за землю давать 30 коп. плюс одну копу. Жители города Усти над Лабой выплачивали ежегодно 22 гривны и 7 грошей чинша в королевскую казну (1335 г.). В 1362 г. Чешские Будейовицы выплатили в казну 70 коп. грошей в качестве чинша. В документе от 1418 г. размер чинша с чешско-будейовицкой общины определялся цифрой в 68 коп. грошей. Общий размер земельных владений города в источниках не назван. В 1387 г. Вацлав IV подтвердил привилегии, данные городу Остров его предками, в которых установлено, что с каждого лана земли горожане будут платить по полгривны, по примеру города Жатца. Город Писек обязывался уплатить королю ежегодно от 70 до 80 коп. грошей чинша с дедин, расположенных близ города (1405 г.)¹⁰. Следовательно, и для большинства королевских городов типичной формой повинностей сеньору земельных владений являлась выплата денежной ренты.

Об условиях земельных держаний краткие сведения содержатся в общей форме и в отношении тех королевских городов, о размерах владений которых и общей сумме чинша нет точных данных. Обычно указывается лишь на обязанность горожан платить ежегодный чинш в казну короля. Так, например, еще в 1265 г. при основании города Полички горожане получили освобождение на 18 лет от всех платежей и повинностей, но после истечения срока этой привилегии они обязывались платить ежегодно в казну четверть гривны серебра с каждого лана и по 6 корцов жита и по 6 овса¹¹. В данном случае мы встречаемся с повинностями сеньору не только в денежной, но и в натуральной форме. Сохранились ли эти на-

⁹ Ibid., n. 478, 502, 151, 229, 176, 396, 873, 620.

¹⁰ Ibid., n. 783.

¹¹ Ibid., n. 14, 83, 8, 199.

туральные платежи в XIV—начале XV в., неизвестно. В 1307 г. король Альберт предписал, чтобы горожане Полички, К. Градца, Яромержа, Хрудима, Мыта ежегодно платили чинш с земли, приписанной к городу, однако общий размер чинша и земельных держаний не указывался. В том же году жители города Высокое Мыто обязывались платить чинш за землю. Жители города Тахова должны были нести все те повинности, которые горожане выполняют за свои владения в городе и вне его (1337 г.). Какие это владения, находившиеся вне города, неизвестно, но надо полагать, что это были земельные держания. В 1342 г. в привилегии городу Мосту упоминалось, что горожане платят с земли и с пастбища на Болотах чинш в королевскую казну¹². В 1372 г. в королевской грамоте вновь указывалось, что чинш с недвижимости города взимают только горожане и король. Перечень конкретных видов этой недвижимости не назвали, но так как в предшествующем источнике уже шла речь о земельных владениях горожан, то можно считать, что и в данной грамоте они имелись в виду, наряду с другими владениями. В 1416 г. Вацлав IV разрешил жителям г. Моста основывать виноградники на тех же условиях, какими пользовались жители Старой Праги, т. е. с выплатой чинша по истечении срока привилегии. Город Прахатицы в 1370 г. должен был платить сеньору, королю, ежегодно с каждого ютра земли (в лане 84 ютра) по 4 пассаусских пенязя, а с полей и плодовых деревьев давать десятину приходскому священнику.

В отдельных местностях и городах при определении прав и обязанностей горожан учитывались особенности природных условий. Так, жителям Прахатицы предоставлялось право брать бесплатно лес в окрестных горных лесах для постройки своих домов, — по-видимому, для того, чтобы обеспечить приток в него населения, что способствовало бы расширению ремесла и торговли, следовательно, принесло бы королю дополнительные доходы.

Таким образом, повсюду в королевских городах земельные владения подлежали денежной форме ренты. Некоторые натуральные платежи называются тогда, когда речь идет о десятине фарарам, приходским священникам. Лишь в одном случае имеется прямое указание на то, что в отдельных королевских городах прежние, старые формы ренты, такие, как барщина, заменялись денежной формой ренты. Так, в при-

¹² Ibid., п. 237, 452, 865, 436.

вилегии городу Водняны от 1335 г., в которой определялся размер ежегодного чинша с земельных владений, указывалось, что с каждого лана в королевскую комору, казну, община платит по одной тяжелой гривне с лана (по 64 гроша) в 2 срока. Вместо барщины город выплачивает ежегодно по 6 грошей с лана. Точной даты замены барщины денежным чиншем не названо. В этом документе упомянуты и натуральные платежи горожан приходскому священнику — десятина спшеницы, ячменя, овса с каждого лана¹³. Названы 3 села, принадлежащих городу, и по половине 2 других села.

Однако упоминание барщины для королевских городов того времени — весьма редкое явление, пережиток пройденного этапа исторического развития. Денежная форма ренты с земельных держаний королевских городов являлась всеобщим явлением, нормой отношений жителей этих городов со своим сеньором-королем, что гораздо более соответствовало дальнейшему успешному развитию товарно-денежных отношений в стране.

В чьих же руках находились индивидуальные земельные владения жителей королевских городов? Остановимся прежде всего на тех материалах, которые содержат сведения о более крупных земельных владениях отдельных горожан. По многим королевским городам сохранились данные о владениях рихтаржей. Напомним, что рихтарж — это назначенный королем, как сеньором того или иного города, его представитель, наделенный властью судьи и другими административными функциями и правами. Первоначально рихтаржи были из числа дворян. Однако уже в первой половине XIV в. некоторые города добились от короля перехода должности рихтаржа в руки горожан путем выкупа или какими-либо иными способами. Хотя в большинстве случаев в источниках и не оговаривается специально социальное положение рихтаржа, все же мы можем предполагать, что в большинстве королевских городов эта должность уже перешла в руки горожан. В 1284 г., например, Вацлав II назначил жатецкого горожанина Бурхарда на один год рихтаржем города Жатца¹⁴. Рихтаржей XIV в., особенно второй его половины, мы считаем возможным отнести к городской верхушке, к патрициату. Следовательно, данные о собственности рихтаржей можно рассматривать как сведения о владениях патрициата. В составе этих

¹³ Ibid., п. 185.

¹⁴ Ibid., п. 34.

владений рихтаржей заметное место принадлежало собственности земельной. При основании города Полички в 1265 г. рихтаржу города было предоставлено следующее: он получал одну треть судебных денег, как это повсюду установилось затем в Чехии, 2 мясные и 2 хлебные лавки, свободную корчму и 4 мельницы в окрестностях города, 2 свободных лана земли¹⁵. При основании города Хрудима около 1278 г. Пшемисл Оттокар II дал его основателю Конраду права рихтаржа, предоставил 2 лана земли, 2 мясные и 2 хлебные лавки и другие владения¹⁶. В 1293 г. Вацлав II продал Ортлибу из Рожмитала за 220 коп. грошей рихту в наследственное владение в г. Нимбурке со всем, что ей принадлежит: домом в городе, мельницей на реке Лабе, 2 ланами свободной земли в селе Усти и правом рыболовства на реке Мрлине¹⁷. Очевидно, покупатель рихты также не принадлежал к малоимущим горожанам. Много позднее, в документе, относящемся к 1416 г., рихтарж Нимбурка Вита Сокол был освобожден королем от уплаты берны короне за принадлежащие ему 2 свободных двора, а его наследники получили право продать эти земельные владения тому, кого община Нимбурка примет в число горожан. Сам рихтарж, может быть, и не был горожанином, но его земельные владения могли уже стать собственностью горожанина.

Наличие земельных владений у рихтаржей были обычным явлением. В 1324—1325 гг. рихтаржу города Домажлицы король дал согласие основать на закупном праве дедину Милалбер¹⁸. В 1327 г. король обновил рихтаржу и его наследникам в городе Колине их права и владения. В числе их названы 4 лана земли, 2 рыбника, $\frac{1}{3}$ судебных денег, доходы с дома рихтаржа, со склада соленой рыбы, с 10 хлебных и 2 мясных лавок, с солодовни в предместьи города. Кроме того, рихтаржу в Колине принадлежало еще 2 мельницы, рихта с корчмой в Старом Колине, 2 гайя при р. Лабе, остров близ мельницы Хробской и другие владения и доходы. В 1371 г. рихтаржи этого города получили от короля еще Колинские острова на реке Лабе. В 1372 г. король освободил рихтаржа Кутной Горы Германа Векошова от чинша в 7 гривен с 4,5 ланов земли,

¹⁵ Ibid., n. 14.

¹⁶ Ibid., n. 24.

¹⁷ Ibid., n. 62, 867.

¹⁸ Ibid., n. 119, 144, 447.

которые тот купил у прежнего рихтаржа и у горожанина Сидельмана¹⁹.

Должность рихтаржа сама стала объектом купли-продажи. В 1382 г., например, король подтвердил наследственные права рихтаржа города Пльзня Йиндржиха из Двора, который купил рихту со всеми владениями, относящимися к ней. В числе их названы аллодиус, агрис культис ет инкультис, пратис, ценсibus, мельницы и прочие владения, которые Йиндржих приобрел у внуков прежнего рихтаржа Франтишка Коморника, пражского горожанина²⁰. В данном случае следует отметить тот факт, что рихту могли приобрести в том или ином королевском городе жители другого города. Так, пражский горожанин стал рихтаржем в Пльзне. Такие факты были неединичны. Земельные владения рихтаржи Пльзня сохранили и в дальнейшем. В 1406 г. Вацлав IV подтвердил соглашение о наследстве умершего рихтаржа Йиндржиха из Двора. Старшая дочь его получила в наследство полпужный двор в Тынце и иные владения, мать и другая дочь — другую половину рихты²¹.

В королевских городах Моравии рихтаржи владели также значительной собственностью, в том числе и земельной. В 1303 г. аббат Желивского монастыря Тильман основал село Смрчное и предоставил его в держание вместе с рихтой горожанину Йиглавы Эверардову²². В 1376 г. маркграф Йошт продал горожанам Йиглавы Якубу и Яну, рихтаржам города, два села — Ранчиржово и Череквичку, кроме 4 ланов земли²³.

Значительные земельные владения были не только у рихтаржей, но и у других богатых горожан, патрициев и бюргеров. Источники, к сожалению, не дают возможности точно определить, к какой из этих категорий принадлежал тот или иной владелец земли, горожанин. Высокая цена купленных или проданных, завещанных земельных владений или размера чинша позволяет лишь заключить, что владельцами их были богатые горожане.

¹⁹ Ibid., n. 147.

²⁰ Ibid., n. 580.

²¹ Ibid., n. 793.

²² Městská správa Jihlava. Inventár. Sv. I. Listiny /1240/1269—1900/1929/, Jihlava, 1971 (1972), s. 14 (далее — Městská správa).

²³ Ibid.

Купля-продажа земли и права на взимание чинша были известны в городе Хебе (Эгере) еще до его включения в состав владений чешской короны (1322 г.). Горожане Хеба Вальтер и Бертольд Хёфер в 1308 г. уступили монастырю Вальдсассен за 230 пф. Галлер все десятины в селах Конрадсгрин и Гастниц, которые они держали в качестве лена от Конрада Старшего фон Паульдорфа²⁴. В 1321 г. члены Немецкого Ордена в Хебе подтвердили, что Берта, жена горожанина Германа, после его смерти сохраняет чинш и десятину в Оберндорфе и Ломе в течение года²⁵.

О купле-продаже чинша и земли содержатся сведения в источниках о других королевских городах Чехии. В 1321 г. горожанин Каданя Фридрих фон Хофф и его сыновья уступили свой двор в селе Стебницы женскому монастырю св. Клары за 40 шок пражских грошей вместе с правом взимать с этих владений чинш²⁶. В том же году король освободил двор горожанина из Домажлиц Альбрехта Фюрера от платёжей, берны и подчинил его жителей по судебным вопросам городскому суду²⁷. Горожанин Пльзния Вавржинец из Краловец купил село Котеров и заселил на закупном праве 12 ланов, с каждого из которых получал по 93 пражских гроша (60—70 годы XIV в.)²⁸. Напомним, что один лан земли — это полный земельный надел, которым в XIV в. владели лишь зажиточные крестьяне, и что большинство крестьян владело тогда от 1/4 до половины лана²⁹. Следовательно, 12 ланов земли — это уже довольно крупное земельное владение для горожан того времени.

Несколько записей о купле-продаже земельных владений в начале XV в. сохранились по городу Кадань. В 1401 г. братья Шопковы — Алеша и Индржих из Дуба — продали горожанину Каданя Гайману и его жене Елишке село Угощть за 60 коп грошей³⁰. Несколько дней спустя они же продали свое наследственное владение — крепость и село в Угощтангах тому же Гайману за крупную сумму 600 коп грошей. В 1402 г. го-

²⁴ Monumenta Egrana. Denkmäler des Egerlandes als Quellen für dessen Geschichte. Hrg. von H. Grادل, I Bd (805—1323), Eger, 1885, S. 209—210 (далее — Monumenta).

²⁵ Die kataloge des Egeren Stadtarchivs, Eger, 1900, S. 55, 78, 79, 85, 88.

²⁶ Monumenta, S. 257.

²⁷ Codex juris municipalis, t. II, n. 119.

²⁸ Ibid.

²⁹ Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии. XIV — начало XV в. М., 1963, с. 40.

³⁰ Archiv Český cíli staré písemné památky české a moravské, sebrané z archívu domácích i cizích, Díl III, Praha, 1844, S. 473 (далее — Archiv).

рожанин Каданя Гануш Чакан купил село Чаховицы³¹. И в данном случае это была покупка, по крайней мере, за цену средних размеров. Хотя размер сельских поселений был очень различен, однако очевидно, что бедный горожанин не мог купить хотя бы самое малое село.

Об индивидуальном землевладении горожан содержится ряд записей в городской книге Жатца, где речь идет как о земельных владениях различных размеров, так и о купле-продаже горожанами права на взимание чинша с крестьянства. В 1348 г. присяжные города удостоверили, что Альберт, сын Петра Чертушека, продал свои владения в Гобе и Линиро в собственности жатецкому горожанину Йеклину Дивитис³². В 1357 г. городские власти подтвердили продажу горожанином Жатца Эберлином годового чинша в размере 3 шок грошей в Косситце маляру Карла I Иоганну Гебхарду³³. В 1360 г. рихтарж и присяжные зафиксировали продажу горожанином по имени Пибел 7,5 грошей чинша жатецкому горожанину Эгемену. В 1380 г. городские власти утвердили покупку Катерины, вдовы горожанина Генриха, годового чинша в размере 1 копы грошей во владениях Николая в Станковицах.

Приведенные выше данные о владельческих правах горожан Жатца на взимание чинша — убедительное свидетельство того, что крестьянство в прилегающей к городу округе становилось обычно в некоторую зависимость от патрициата и бюргерства городов, что происходили качественные изменения в самой структуре феодальной системы общественных отношений и менялась роль города как его составной части. Патрициат и бюргерство городов становятся, зачастую, получателями чинша с крестьян, пользуются в своих земельных владениях теми правами, которые прежде принадлежали только феодалам.

Как и другие королевские города Чехии, город Жатец получил право купли-продажи земельных владений, и его жители использовали это право. В 1406 г. Вацлав IV разрешил Катерине, дочери Гензмана Липетского, жителя города Жатца, вышедшей замуж за наивысшего королевского ловчего, и позволил, чтобы «ее поля, дома, виноградники и солодовню» новый владелец, супруг Катерины, мог продать³⁴.

³¹ Codex juris municipalis, t. II, n. 751.

³² Urkundenbuch der Stadt Saaz bis zum Jahre 1526, ed. Schlesinger L. Prag, 1882, n. 69 (далее — Urkundenbuch).

³³ Ibid., n. 85, 96, 130.

³⁴ Zbytky register králův římských a českých z let 1361—1480, v Praze, 1915 — Historický Archiv, c. 39, p. 74 (далее — Zbytky...).

Большие земельные владения были и у некоторых горожан в королевских городах Моравии. В 1335 г. магистрат Йиглавы зафиксировал, что йиглавские горожане Михаэль и Йеклин Рейхноверовы продали 6 ланов и 2 арча (сельскохозяйственные угодья) земли, которые сами купили у Маркварта из Ранчиржова в Виланце, Петру Шоберу, писарю в Кутной Горе³⁵. В 1336 г. в городской книге Йиглавы было записано, что йиглавский горожанин Конрад Галликов передал жителям села Виланец поля, луга, пастбища и иную недвижимость, которую имел во дворе Дритм, в наследственное держание за ежегодный чинш в 2 тривны пражских грошей моравской чеканки³⁶. В источниках, относящихся к Йиглаве, село Виланец встретится нам в XIV в. еще несколько раз как объект купли-продажи горожан. В 1363 г. городские власти Кутной Горы подтвердили, что их писарь Шобер продал свое село Виланец йиглавским горожанам за значительную сумму в 144 копы грошей. В источнике названо 5 имен покупателей³⁷. В 1376 г. йиглавский горожанин Микеш Фогель продал половину села Виланец братьям Шомель за 102 копы грошей.

Значительные земельные владения в индивидуальной собственности имелись и у жителей других королевских городов. В 1325 г. король Иоанн подтвердил покупку горожанами Брно братьями Бернгардом и Матеем двора в Черновицах³⁸. В 1344 г. маркграф Карл подтвердил владельческие права горожанина Знойма Станислава на село Пратш, купленное им у Сезема фон Яспница.

Наряду со значительными земельными владениями, у многих жителей королевских городов имелись участки земли средних или совсем небольших размеров. В 1324 г. королева разрешила жителю города Мельника Йиндржиху, по прозвищу Хебрингер, и его детям продать заграду (огород), находящуюся возле заграды портного Микулаша³⁹. Можно предположить, что размеры продаваемого огорода были незначительны. Интересна в этом документе и ссылка на огород портного Микулаша, которая также подтверждает, что земельные владения

³⁵ Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, bd. VII, abt. I, Brünn, 1858, p. 64 (далее — Codex Moraviae).

³⁶ Ibid., p. 81—82.

³⁷ Městská správa, p. 21, 23.

³⁸ Codex Moraviae, Bd. VII, abt. I, p. 828—829, 409.

³⁹ Codex juris municipalis, t. II, n. 128.

были и в руках бюргерства и плебса, а не только у патрициата. Видимо, Микулаш относился к бюргерам или плебсу.

В 1381 г. в книге города Чешские Каменицы записано несколько фактов купли-продажи горожанами владений в селах. Гануш Милнер купил тогда в селе Сомель земельное владение за 10 коп пражских грошей⁴⁰. В источнике не сказано прямо, что этот покупатель — горожанин Чешских Камениц, но это можно предположить, поскольку запись произведена в городской книге.

Акты купли-продажи земельных владений в начале XV в. зафиксированы в ряде записей, относящихся к Праге. В 1404 г. Заградский монастырь св. Марии в Праге продал горожанину столицы Штепану виноградник⁴¹. В 1405 (или 1406?) году государь утвердил продажу священником из Праги виноградника Петру Межиржицкому, горожанину Праги.

О купле-продаже земли, чинша на небольшую сумму имеются сведения и по королевским городам Моравии. В 1335 г. вдова йиглавского горожанина продала писарю Кутной Горы Петру Шоберу 1 лан земли⁴². В 1336 г. присяжные Йиглавы записали, что их горожанин Конрад отдал в держание жителям Виланца свои наследственные владения в этом селе за уплату 2 марок годового чинша⁴³. В 1365 г. братья Иоганн и Перхта подтвердили продажу горожанину Брно Зигфриду одного лана земли за 15 марок серебряной пражской монеты⁴⁴. В 1408 г. Ян Кунштат жалуется на горожанина Оломоуца Михаила Рарожка за то, что тот купил у его брата владение в Сеницебе без его согласия⁴⁵.

Вопрос о том, какими путями чешские города и горожане приобретали земельные владения, требует специального рассмотрения.

⁴⁰ Des älteste Böhmisches Kamnitzer Stadtbuch, Prag, 1915, S. 5—6.

⁴¹ Zbytky..., p. 82, 74.

⁴² Městská správa, p. 16.

⁴³ Codex Moraviae, t. VII, abt. I, p. 81—82.

⁴⁴ Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars IV. Annorum 1333—1346, opera Emler J., Pragae, 1892, n. 239 (далее — Regesta).

⁴⁵ Libri citationum et sententiarum seu knihy puhonní a nálezové. První kniha puhonu Olomúckých (1405—1411), Brünn, 1872, p. 191. (далее — Libri citationum).

Н. И. Девятайкина

ДОБЛЕСТЬ И ФОРТУНА В ЭТИКЕ ПЕТРАРКИ

Общепризнано, что одним из важнейших достижений гуманизма была выработка светского идеала добродетельной жизни. Но до сих пор не до конца исследован вопрос об истоках и содержании данного идеала, его соотношении со средневеково-церковным.

Проблема добродетели — одна из «вечных» проблем этики. Тысячелетняя традиция, начиная с Августина, автора знаменитого сочинения «О Граде божием», ставила во главе всех добродетелей веру, надежду, милосердие, считая их истинными, влитыми богом (*virtutes infusae*)¹. «Высшим добром» и «причиной всякого морального добра» полагали опять же бога. Ему приписывалась полнота добродетелей (*plenitudo virtutum*) высшее благо (*summa bonum*)². Иными словами, источник добродетели был вне человека, она давалась всевышним, одновременно обретая трансцендентный характер: должен быть любим бог, противопоставленный миру и человеку. Только такое отношение к земному вселяло надежду на спасение души. А именно ради него и необходимо стремиться к добродетели. Это положение было центральным звеном этического учения Августина, всей средневековой церкви. Святая Екатерина Сиенская, стоявшая в центре религиозно-аскетической жизни Италии XIV века, призывала: «С желанием старайтесь пестовать нивы вашей души, чтобы собрать много плодов во время урожая, т. е. после смерти»³.

Не удивительно, что идеалом на столетия становится аскетически-монашеская жизнь; смирение, терпение, покорность своему жребию, непротивление злу — лучшим способом приближения к небесному царству⁴. Отрешение от всего земного составляло сокровенные и непревзойденные добродетели церковной этики.

¹ *Augustinus A. De Moribus Ecclesiae Catholicae*, I, XIV, 24—PL, t. 32, col. 1321.

² *Ibid.*, I, VIII, 13, col. 1316.

³ *Caterina da Siena. Epistolario*, vol. 1—3. Siena, 1966, v. 1, lettere, n. 313, p. 553.

⁴ *Августин А. О граде божием*, X, IV, 22; X, 5; *Исповедь*, II, I; IV, 10. — Творения Блаженного Августина, ч. 1—7. Киев, 1901—1912. (Все переведенные на русский язык сочинения цитируются по этому изданию).

В данной статье предпринимается попытка выявить, как Петрарка относился к этим христианско-церковным добродетелям, как сам трактовал «*virtus*» и где находил ее истоки. Важно выяснить также, как он решает проблему fortuna-доблесть и ее связь с учением о благодати и божественном провидении. Особенный интерес к этим вопросам определяется еще и тем, что вокруг них до сих пор идут горячие споры в западной литературе: одни считают, что во взглядах Петрарки на fortuna и доблесть особенно чувствуется аскетически-монашеский дух⁵, другие — что гуманист в острой полемике отстаивал новое понимание «*virtus*», находящееся в противоречии с предопределением и спасением⁶.

Свои представления о «*virtus*» Петрарка развивает в философских трактатах «Моя тайна» (1342—1343), «Об уединенной жизни» (1347), «О средствах против всякой судьбы» (1366), а также многочисленных письмах. «Моя тайна» написана в форме острого и напряженного диалога между Августином и Франциском. Первый персонаж в споре о добродетелях и пороках, об отношении человека к судьбе и окружающей действительности, в сущности, почти не отступает от исторического оригинала. Он, как увидим, упорно проповедует суровый аскетизм. Диалоги трактата «О средствах против всякой судьбы» более схематичны, но также содержат глубокие и оригинальные суждения о fortune и доблести. Автор возвращается к этим вопросам много раз, что делает данный трактат наиболее важным для понимания наших сюжетов.

Вопрос о месте «*virtus*» среди прочих нравственных свойств человека затрагивается гуманистом уже в «Моей тайне», где он говорит: «если устранить добродетель, жизнь человека становится пустой, схожей с существованием бессловесных животных... Усердная забота о добродетели должна стать для тебя законом»⁷.

В замечательном 93 диалоге трактата «О средствах...» он называет *virtus* свойством, принципиально выделяющим человека из животного мира: «... должно обращать внимание

⁵ См.: *Gerosa P. Umanesimo cristiano del Petrarca*. Torino, 1966, p. 18, 30; *Scellery G. The Renaissance. Its nature and origins*. Madison, 1965, p. 62; *Bishop M. Petrarch and his world*. L., 1964, p. 353—355.

⁶ *Saitta G. Il pensiero italiano nel umanesimo e nel Rinascimento*, v. 1. Bologna, 1949, p. 79, 102—110; *Garin E. L'umanesimo italiano*. Firenze, 1965, p. 34.

⁷ *Petrarca Fr. Secretum*, III. — *Opera di Fr. Petrarca* (A cura di Emilio Bigi). Milano, 1966, p. 674—676.

не на плоть, и не на мощь, — а на то, что вам даны добродетель и телесные ощущения, в чем человеческая природа занимает выдающееся место между прочими творениями». Только человека, «одаренного добродетелью, делает почтенным и славным, и счастливым старость... Лошади же, быки, слоны, верблюды, львы, тигры, барсы... когда состарятся — их презирают»⁸. Эта вера в нравственное превосходство человека противостоит коренным представлениям средневековой теологии о презренности и порочности потомков Адама: «Мы рождаемся без знания, без умения, без добродетели (virtus),» — писал в трактате «О презрении к миру» известный римский папа начала XIII века Иннокентий III, не устававший подчеркивать ничтожность человека перед лицом остального мира⁹.

Уже в «Тайне» у Петрарки начинает вызревать мысль, что к добродетели надо стремиться ради нее самой, «хотя бы отнята была всякая надежда на награду»¹⁰. А позднее в одном из писем он сформулировал это афористически кратко и четко: «... истинная доблесть (virtus) — сама себе стимул, сама — награда, сама себе путь и цель»¹¹. Такое понимание было чуждо христианско-церковной этике, где как раз обетование будущей жизни «вселяло, — по словам Августина «Тайны» (повторявшим рассуждения автора «Града божия»), — любовь к добродетели»¹².

Напротив, Петрарка начинает возвращать личность к опоре на самое себя: стремиться к добродетели не потому, что тебя ждет награда потустороннего спасения души, но потому, что таковым должен быть человек, чтобы иметь право называться человеком. Здесь автор «Тайны» подошел к выводу, который стал одним из краеугольных камней гуманистической этики: моральное поведение, стремление к добродетели есть цель сама по себе, независимо от награды свыше.

Правда, Петрарка отстаивает свое убеждение еще недостаточно последовательно (да и можно ли этого от него требо-

⁸ De remedijs utriusque fortunae, libr. II, dial. 93 «De tristitia et miseria». — Fr. Petrarca. Opera, quae extant omnia, Baselseae, 1581.

⁹ Innocentius III. De contemptu mundi, I, 6. — PL, t. 217.

¹⁰ Secretum, III, p. 616: «que, quamvis etiam spe premii sublata, per se ipsam expetenda sit».

¹¹ Familiarum rerum, XXI, 15, 5: «vera tamen virtus ipsa sibi stimulus, ipsa est premia, ipsa sibi cursus et bravium». — Edizione nazionale delle opere di Francesco Petrarca. Firenze, 1945—1968, vol. 10—13.

¹² Петрарка Ф. Моя тайна. — Франческо Петрарка. Избранное. Переводы с лат. М. О. Гершензона. М., 1974, с. 155.

вать?), допуская, в отдельные моменты альтернативу: «только на крыльях добродетели можно подняться к небу», если все время следовать по стезе добродетели, «не отклоняясь и не останавливаясь»¹³. Не только первый гуманист, но и К. Салютати, и М. Пальмиери, и Манетти, и Альберти, и даже Пико часто прибегали к этому традиционному стимулу, — но не забудем, к каким добродетелям они призывали и за что обещали небо!

Не менее важно выяснить, где Петрарка находит истоки добродетели? Теологическая традиция неукоснительно поддерживала августиновское утверждение, что все добродетели в человека насаждены богом и зависят от его милости, божественной благодати. «Добро во мне, — читаем в «Исповеди», — Твой дар, от Тебя исходящий; зло во мне — мое преступление, Тобой осуждаемое»¹⁴. Августин бурно возражал против всех античных гипотез имманентного происхождения добродетели. Известно, что еще Аристотель писал: человек может своими силами добиться добродетели. Исконным достижением людей, их заслугой была она и для стоиков — Цицерон посвятил доказательству этого специальный трактат «О пределах добра и зла»¹⁵. Автор «Града божия», напротив, считал истинным безумием и ложью мнение тех, кто заслугу правильного пути жизни приписывает себе самим, а не богу¹⁶. Екатерина Сиенская писала: «Верьте, что только бог, словно садовник, может вырвать пороки и насадить добродетели (virtú)»¹⁷.

Поначалу и Петрарка как будто не сомневался в таком соотношении благодати и добродетели. Читая в молодые годы трактат Цицерона «О природе богов», он встретился с утверждением, что всякое добро происходит от богов, но только не доблесть (virtus). Дobleсть же — собственное человеческое свойство, которым он имеет полное право гордиться. Тогда Петрарка поставил на полях цicerоновского сочинения пометку: «Остерегайся, плохо ты говоришь» (Cave, male dicis), которая и позволила П. Нольяку сделать вывод, что гуманист полностью признает принцип благодати¹⁸. Но,

¹³ Fam., XXIII, 5, 16; De remedijs..., libr. II, dial. 5, 104.

¹⁴ Augustinus A. Confessiones, X, 4.

¹⁵ См.: Heitmann K. Fortuna und Virtus. Köln, 1957, S. 74.

¹⁶ Augustinus A. Sermones, 151, 8, 9. — PL, t. 38, col. 812; Ennaratio in Psalmos 71, 3. — PL, t. 36, col. 902.

¹⁷ Caterina da Siena. Epistolario, vol. 3, lettere, n. 175, p. 623.

¹⁸ Nohac P. de. Petrarque et l'humanisme. P., 1892, p. 199.

вероятно, чтение трактата не прошло бесследно, заронило в душу Петрарке зерно сомнения — он вновь и вновь возвращается к этому вопросу вплоть до трактата «О средствах против всякой судьбы». В одном из диалогов этого сочинения «О недостатке доблести» гуманист высказывает компромиссное мнение, что «доблесть или бесценный дар бога (и, конечно, щедрый даятель едва ли кого другого ею наделяет, кроме тех, которые постоянно жаждут доблести, твердо и упорно ее испрашивают) или, как дело показывает, приобретается стойким и постоянным стремлением воли. Искание доблести — занятие твердой души»¹⁹.

Уже в данном определении ведущая роль в обретении доблести отводится человеку; в любом случае, молчаливо отклоняется принцип незаслуженной благодати, который столь неуклонно отстаивал Августин. Роль бога фактически уменьшается и тем, что порою, как мы видели в диалоге 93 «О средствах...», автор считает доблесть выдающимся даром природы. Самое любопытное, — в конце диалога «О недостатке доблести» Петрарка приходит к цинероновской формулировке: «Все другое — во власти природы, или фортуны, или насилия, она же одна (доблесть), без сомнения, — в собственной воле человека (*haec una proculdubia voluntaria est*)... она одна состоит в желании, которое свободным решением каждый сам себе выбирает и при сильном стремлении может достичь»²⁰.

О светском, атеологическом понимании *virtus* у Петрарки свидетельствует и его этимология этого слова: «...конечно, как полагал Цицерон, «*virtus*» происходит от «*vigo*»²¹. В трактате «Об уединенной жизни» Петрарка, рассматривая ступени доблести, отмечает, что только высшая добродетель — жить в боге — «от Бога», а все гражданские — «от человека берут начало»²². Причем наилучшим свидетелем добродетели, «непогрешимым и точным оценщиком дел и помышлений» является опять-таки совесть человека²³. Можно ли после этого согласиться с мнением К. Хайтмана, полагающего, что в воп-

¹⁹ De remediis... II, 104.

²⁰ Такое понимание впоследствии полностью разделит Альберти, углубляя его заключением, что добродетель заложена в человеке в зародышевой форме, скорее как потенция, развивающаяся на протяжении всей жизни (см.: Saitta G. Op. cit., p. 109).

²¹ Fam., XXIII, 2, 28.

²² De vita solitaria, 1, 4, 5.

²³ Моя тайна, с. 51, 58.

росе о благодати подход Петрарки полностью соответствует духу «Исповеди» Августина?»²⁴

С другой стороны, суть дела не просто в том, что автор «Моей тайны» не интересовался больше доктриной божественной благодати (как считает П. Курсель)²⁵, но в отрицании ее роли, утверждении самого человека источником добродетели. Петрарка отказал в этой прерогативе богу. Как верно подметил один из исследователей трактата «О средствах...», гуманисты, вместо того чтобы подчеркивать необходимость милости бога, которая оставалась принципиальной сущностью христианского понятия «*virtus*», призывали к опоре на собственные силы²⁶. Поэтому кажется наиболее соответственным смыслу переводить термин «*virtus*» у Петрарки как «доблесть» в отличие от церковного «добродетель».

Отдавая должное исключительной важности самой проблемы *virtus*, по-новому поставленной Петраркой, представляется еще более интересным выявить другую сторону вопроса: какой конкретный смысл гуманист вкладывал в это понятие?

Virtus раскрывается у Петрарки прежде всего в связи с вопросом о фортуне и роке (*fortuna, fatum*). С рассуждениями о фортуне мы встречаемся на страницах «Моей тайны» и во многих письмах. Из них можно выявить, что под фортуной Петрарка понимает обстоятельства жизни человека в самом широком смысле слова. (М. Гершензон правомерно переводит в «Тайне» термин «*fortuna*» как «судьба»). Фортуна чаще всего противостоит человеку, нанося ему жестокие удары и раны. Она надменна, несносна, несправедлива, без разбора вершит земные дела²⁷. В царстве фортуны добрые утеснены дурные возвышены. В ее руках — власть, богатства, почести²⁸. Фортуна, по Петрарке, — стихийная сила, отражающаяся едва ли не на всех сторонах жизни людей. «Она господствует во всех делах», — соглашается он с Салюстием, «царица всех дел» (Цицерон), всемогущая и неотвратимая» (Вергилий)²⁹. Фортуна — это и обстоятельства его собственной

²⁴ Heitmann K. Op. cit., p. 48.

²⁵ Courcelle P. Petrarque lecteur de Confessiones. — Rivista di cultura classica e medioevale, t. 1, 1959, p. 32—34.

²⁶ Diekstra. A dialogue between Reason and Adversity. Assen, 1968, p. 59.

²⁷ Моя тайна, с. 123—124, 129.

²⁸ Fam., XV, 7, 23; V, 18, 4.

²⁹ Fam., XVIII, 16, 7.

жизни: «Будет исследовать твои личные неудовольствия», — говорит Франциску Августин³⁰.

Как же человек должен относиться к фортуне? Как вести себя в столь многочисленных неблагоприятностях жизни? Августин «Моей тайны» эгоистично советует Франциску «научаться быть довольным своею судьбой», примириться с ней, видя, сколь многие люди терпят крайние лишения изо дня в день³¹. (Заметим пока, что для Франциска совершенно неприемлемо такое «лекарство»). Совет петрарковского Августина вполне соответствует поучениям автора «Града божия», который призывает «долготерпеть», покорно переносить бедственную жизнь, смиряться. Смирение, терпение, покорность — главные добродетели христианина, в этом состоит искусство «нравственно жить»³². Особенно превозносит гиппонский епископ добродетель (virtus) смирения, считая ее главным сокровищем. Полезны человеку и страдания, которые учат жить умереннее, презирать преходящие вещи³³. Реторируя сентенции отца церкви, Августин «Тайны» упрекает Франциска как раз в нежелании следовать этим христианско-церковным добродетелям: «...перестань надеяться на невозможное и довольствуйся человеческой долей, учишь и жить в изобилии, и нуждаться, и начальствовать, и подчиняться не мечтай, пока ты жив, свергнуть иго судьбы... Знай, что лишь тогда избавишься от него, когда, подавив в себе человеческие страсти, ты всецело отдашь во власть добродетели»³⁴. Но Франциск не склонен следовать совету святого отца. Он гневается на свою судьбу, ненавидит ее «без разбору вершащую земные дела»³⁵. Он с прискорбием отмечает, что в окружающей действительности высоких почестей достигают благодаря уменью «лестью втираться к сильным мира сего, искусству обманывать, обещать, лгать, притворяться и скрывать»³⁶, — т. е. зло не воздается злом; а добро не получает заслуженной награды. Ненависть к фортуне

³⁰ Моя тайна, с. 129.

³¹ Secretum, II, p. 596; «doceatque alienas cernentem fortunas suis esse contentum».

³² Августин А. О Граде божием, XV, 6; I, 22; XXII, 24.

³³ Там же, XVI, 4; Исповедь, VIII, 2; О Граде божием, XXI, 13, 19; X, 21, 32.

³⁴ Моя тайна, с. 107.

³⁵ Там же, с. 129.

³⁶ Там же, с. 110.

явилась следствием глубоких раздумий над судьбами людей. Петрарка был не из тех, «кому среди собственных бед радость видеть вокруг себя полчище несчастных и плачущих», он скорбел о чужих несчастьях не меньше, чем о собственных³⁷.

Поэтому не удивительно, что Петрарка снова и снова обращается к вопросу об истоках человеческих бедствий. Августин «Моей тайны» внушает Франциску, что человек несчастен по своей воле, из-за собственных пороков. Но его собеседник никак не может с этим согласиться, многократно повторяя, что большинство людей «несчастливы помимо и против своей воли, терзаясь и желая противоположного». Только несведущий в человеческих делах, далекий от общения со смертными может отрицать это³⁸. Франциск вновь обвиняет власть судьбы, некие силы, «ниспосланные в кару, чтобы человек не мог встать, когда пожелает»³⁹.

Недовольство внешними силами, виновными во всех несчастьях, отчетливо проявляется в диалоге. На первый взгляд эти рассуждения ничего не добавляют к общим петрарковским представлениям о фортуне. Однако неясно, почему христианин Петрарка с самого первого философского сочинения использует это языческое понятие, которое отрицалось еще ранними отцами церкви (Августин приложил все силы, чтобы покончить с этим древним представлением как с суеверием: «Нет в мире никаких случайностей, но лишь божественное провидение»⁴⁰). Не скрывается ли у Петрарки за этим понятием что-то иное, гораздо ближе связанное с традиционными церковными представлениями? Настораживает прежде всего фраза, что все несчастья и страдания «ниспосланы человеку в кару». Кем? За что? Не за прегрешение ли Адама, вина которого легла на весь род человеческий? А если так, то понятие фортуна, рок неизбежно связывается с церковным учением о первородном грехе и божественном провидении.

Некоторые исследователи считают, что идея фортуны у Петрарки не противоречит христианской религии и зачастую понятия фортуна и Провидение у него совпадают⁴¹. Можно добавить, что в письмах Петрарка, говоря о судьбе и провидении, часто использует слово «fatum» или «sors» и утврж-

³⁷ Там же, с. 130.

³⁸ Там же, с. 37—39.

³⁹ Там же, с. 43.

⁴⁰ Augustinus A. Divers. Quest., 24. — PL, t. 40, col. 17.

⁴¹ Gerosa P. Op. cit., p. 30; Heilmann K. Op. cit., p. 87.

дает, что «фатум и божественное провидение — одно и то же, кто так размышляет — не ошибается». Наша судьба — «не в движении звезд, но в словах и провидении бога»⁴².

Но если все это так, — на что же гневается и что ненавидит Франциск «Моей тайны»? По сути дела, он не убоился обвинить небесные силы, высказал сомнение в справедливости и непреложности богоустановленных порядков, сомнение в самом провидении. И не потому ли «*Secretum*» осталось тайной, что в ней сказано чересчур много и слишком открыто против господствующего миропонимания?

Сомнения в справедливости фортуны и стоящего за нею божественного провидения обретают антитеологическую и более того, социальную значимость, вырастая в глухое неприятие современных общественных отношений. Так, во второй беседе, где между Франциском и Августином идет разговор о превращениях человеческого существования, Петрарка признается в том, что «давно и тяжело» терзается болезнью, которую теперь принято называть «*accidia*» (гнетущая печаль, тоска)⁴³. Это чувство издавна трактуется петрарковедями как пессимистическое настроение, покаяние в грехах, вызванных недостатком моральных сил, болезненное сознание противоречий собственного «я»⁴⁴, то есть в узкоэтическом и личном плане. Однако одной из главных причин своей «тоски» Петрарка (устами Франциска) называет «ненависть и отвращение к современному человеческому состоянию»⁴⁵, где «каждый, — как он напишет позже в одном из «Писем без адреса» — мечтает занять первое место, преступление сделалось ходячим пороком, царят жадность, зависть, честолюбие, бесстыдство и обман»⁴⁶. В «Письме к потомкам», начатом незадолго до смерти, Петрарка открыто заявляет: «Время, в которое я жил, было мне так не по душе... я всегда желал быть рожденным в любой другой век»⁴⁷. Он не находит в окружающей действительности ничего, что могло бы доставить «чувство внутреннего довольства», страдает при мысли, как мало подходит к своему полу и «к тому веку, где все достается

⁴² Fam., XXI, 10, 23: «ita fatum ac divina providentia — unum sunt, quod qui ita intellegit, non fallitur»; Senili, I, 7: «fatum nostrum si hos nomine uti liceat, non in stellarum motibus, sed in Dei verbis et providentia situm est» (Opera..., p. 747).

⁴³ Моя тайна, с. 122.

⁴⁴ См.: *Gerosa P.* Op. cit., p. 92—93; *Tripet A.* Op. cit., p. 105—107.

⁴⁵ Моя тайна, с. 126.

⁴⁶ Sine nomine, XVIII.

⁴⁷ Письмо к потомкам. — Франческо Петрарка. Избранное, с. 13.

бесстыдным — почести, надежды, богатства, преодолевающие и добродетель, и счастье»⁴⁸.

Конфликт с внешним, феодально-церковным миром — вот что является одной из главных причин петрарковских борений и одним из главных корней спора между Франциском и Августином. Петрарка оплакивает не «столько свою, сколько общественную беду»⁴⁹. Но даже в этой удрученности от окружающей его действительности нет пессимизма и безнадежного отчаяния. Поэт и философ уверен, что

«... были и, конечно, будут
счастливей времена...»⁵⁰

Какое же отношение ко всем этим рассуждениям о фортуне имеет *virtus*? Во-первых, главные христианские добродетели — терпение, покорность своей судьбе, смирение — отклоняются автором «Моей тайны». Для него уже неприемлемы такие свойства души, ради которых нужно отказываться от всего естественного, «подавив в себе человеческие страсти, всецело отдаться во власть добродетели (как учит Августин в «Тайне»). Франциск молчаливо отказывается перечеркнуть желанную цель своих устремлений: «Не терпеть нужды и не иметь излишка, не повелевать другими и не быть в подчинении»⁵¹. Здесь раскрывается одна из сторон петрарковского представления о жизни, которое вряд ли можно назвать аскетическим.

Окружающая действительность мало соответствовала идеалам гуманиста. Но не в уходе от ее тягот, неустраиваемости и забот видит он доблестность. Устами Франциска Петрарка обосновывает необходимость бороться против судьбы: «Каждый раз, когда судьба наносит мне какую-нибудь рану, я остаюсь тверд и неустрашим, памятуя, что уже не раз, тяжело пораженный ею, выходил победителем». Он считает величайшим страданием уже одну потерю свободы, если судьба вдруг обрушится на него всей своей ратью»⁵². Не здесь ли зарождается представление Петрарки, что жизнь человека — борьба, и люди должны быть в ней ратниками, воинами, опи-

⁴⁸ Моя тайна, с. 201.

⁴⁹ *Invectiva contra medicum*, IV; Fam., XIX, 9.

⁵⁰ *Epistolae metricae*, III, 33, 3—4.

⁵¹ Моя тайна, с. 107, 105.

⁵² Там же, с. 124.

рающимися на непобедимые доблести души, — как пишет он «К моему Сократу»⁵³.

На место молитв, слез и смирения (чем в его время восторгалась Екатерина Сиенская как главными украшениями добродетели)⁵⁴, на место ледящего страха перед жизнью встает принцип сопротивления ее тяготам: «...тем, кто больше боится, больше и опасности, — судьба может преследовать и мучить бегущих, уничтожать повергнутых. Стоящих же к ней лицом пограть нельзя, — и если даже тело откажет, душа не позволит повергнуть ниц»⁵⁵. В другом месте Петрарка говорит еще более уверенно: «... я с судьбой сражаюсь всеми силами и не сомневаюсь, что выйду победителем» И даже: «Судьбу должно презирать, если даже она мечет молнии»⁵⁶.

Оружием борьбы с фортуной «вместо меча» является сопротивление мужества, непреклонность и непоколебимость твердого духа, величие которых и составляет вкуче понятие о доблестном отношении к жизни. Это отношение глубоко оптимистично: «не должно уступать перед трудностями, будет конец всему дурному»⁵⁷. А под «дурным» гуманист понимает жизненные тяготы — вражду, войны, бесславие, изгнание, тюрьму, рабство, бедность, старость⁵⁸. Именно в борьбе с ними состоит главное дело доблести, сила которой всепобеждающая: «*Omnia vincit ingenium et virtus*»⁵⁹.

Такая вера в силу доблести закономерно вытекает из

⁵³ Fam., XVI, 6. В другом письме он вновь повторяет, что жизнь человека не просто поход, но сражение: «*non militiam modo, sed prelium esse vitam hominis*». — Fam., XXI, 9, 7.

⁵⁴ *Caterina da Siena*. Epistolario, vol. 2, lett. n. 175, p. 623; n. 215, p. 629.

⁵⁵ Fam., XXI, 9, 8: «*hic, qui plus metuit, plus esse periculi, urgeri profugos, stratos obteri, stantes non posse calcari, corpus etsi nolit, animum nisi consenserit, non prosterni*». См.: Fam., VII, 13, 17; II, 4, 10.

⁵⁶ Fam., XI, 1, 3; XXI, 9, 6: «*...irriendam dum tonat, dum fulminat contempnam*». То же встречаем в письме к одному кардиналу: «Уверю тебя... что наивернейшее — чем больше фортуна свирепствует, тем меньше ее бояться» (Fam., VII, 13, 17).

⁵⁷ Fam., XXI, 9, 7, 8, 9; XI, 2, 3: «*jam fortunae ictibus, non lamenta, non gemitus ut quondam, sed callum duranti animi obicuo et tutubare solitus immobilis jam consisto*» («противопоставь ударам фортуны не слезы и вздохи, как порою бывает, но невосприимчивость твердой души — поколеблется обычно неподвижное состояние»).

⁵⁸ De remediis... II, 117. Эти бедствия отнюдь не были объектом приложения христианских добродетелей: недаром Августин в «Тайне» раздраженно говорит Франциску: «Это нелепо и невежественно считать тяготами и несчастьями» (с. 36).

⁵⁹ De viris illustribus, II.

⁶⁰ De remediis... II, 1; Fam., I, 2, 24.

представления, что она не зависит ни от какой судьбы. «Одна доблесть свободна от законов фортуны и еще ярче сверкает, если фортуна сопротивляется», — пишет Петрарка в трактате «О средствах»⁶⁰. Фортуна не в силах отнять у человека доблестной души — вот что главное для гуманиста⁶¹. Поэтому «какой курс жизни ты берешь — дело твоих рук»⁶². Не здесь ли берет начало та вера в безграничные возможности человека, вершиной которой станет знаменитая речь Пико?

Эти рассуждения углубляют представления Петрарки, что доблесть есть достоинство человека, что сила индивида заключена в нем самом и должна достойно проявиться в побуждениях и поступках. Доблесть — постоянное и наиболее совершенное свойство человека, его главное богатство.

Рассматривая отношение Петрарки к фортуне, неожиданно сталкиваешься с тем, что его размышления о могуществе фортуны, необходимости сопротивляться ей перемежаются с сомнениями в ее существовании. Так, еще в «Моей тайне» Франциск соглашается сбросить с себя свои печали и примириться с судьбой только в случае, «если судьба действительно существует»⁶³. И дальше, приведя противоположные сентенции Гомера и Вергилия, отказывается встать на чью-либо сторону: «Что я сам думаю о ней, то мне, быть может, представится другое время и место высказать». Чем объяснить это умолчание? Возможно, Петрарка не заметил противоречия с тем, что сам говорил устами Франциска и Августина в предыдущих беседах. Но ясно, что он уже не может безоговорочно принять тезис о неотвратимости жребия, предназначенного человеку. А с другой стороны — кощунственно подумать, что никакого такого рока или перста указующего нет. И если здесь опять сталкиваются понятия фортуны и провидения, само молчание — вызов.

За пределами «Тайны» мы сталкиваемся не только с сомнениями, но и с полным отрицанием фортуны. Она — «пустое и безумное имя»⁶⁴. Нельзя ли объяснить такое противоречие в отношении к фортуне горячим желанием Петрарки возродить в человеке веру в собственные силы и возможности? В любом случае, это отрицание, логически непоследовательное, как бы стоящее в стороне от того общего содержания,

⁶¹ Fam., V, 18, 4.

⁶² Fam., XV, 7, 22—23.

⁶³ Моя тайна, с. 147.

⁶⁴ Fam., XXII, 13, 7.

которое сам же Петрарка вкладывал в понятие фортуны, не имеет ничего общего с ортодоксально-христианским. Церковь отказалась от этого понятия во имя всемогущего и всеблагого провидения бога, Петрарка во имя утверждения безграничной силы человеческой доблести.

Здесь. Итак, отнюдь не новая тема фортуны становится у Петрарки, как верно заметил М. Франсон, причиной глубокого рассуждения о мире и человеке, трансформируется в совершенно новый взгляд на возможности личности в земной жизни⁶⁵. Длительный спор с фортуной разрешается убеждением, что люди не должны подчиняться ей. Характер соотношения фортуна — доблесть, в смысле окружающая реальная действительность — человек, понимается гуманистически: если индивид не доволен своей судьбой, он может ее изменить, для этого достаточно жить согласно требованиям доблести, а не подчиняясь прихотям фортуны⁶⁶.

Петрарка первым поставил вопрос о доблести как фундаментальном и природно-присущем человеку свойстве. Новизна и светскость в понимании «virtus» состоит прежде всего в убеждении, что нравственные качества личности не зависят ни от каких внешних обстоятельств, ни, в конечном счете, от благодати бога. Носителем нравственности становится сам человек, горячую веру в нравственные способности и возможности которого столь ясно обнаруживают воззрения первого гуманиста.

Вопросы, поставленные Петраркой, будут горячо обсуждаться в XV веке, осмыслившем и развившем многие идеи первого гуманиста.

Ю. К. Некрасов

ГОРОДА И КРЕСТЬЯНЕ ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (осень 1524 — весна 1525 гг.)

Первые революционные выступления верхнешвабского крестьянства против феодальных господ и властей произошли весной и летом 1524 г. и сразу же оказали воспламеняю-

⁶⁵ Françon M. Petrarch, disciple of Heraclitus. — Speculum, XI, 1936, N 2, p. 270.

⁶⁶ Petrarca Fr. Epistolae Varie, 25: «Secundum Virtutem vivere, non secundum Fortunam eligamus».

щее влияние на рост революционных настроений в городах¹. В конце лета и осенью 1524 г. началось восстание штюллингенских крестьян, а к весне 1525 г. Крестьянская война охватила две трети всей страны, и раннебуржуазная революция в Германии достигла в своем развитии высшей точки. Исход борьбы теперь во многом зависел от позиции городов. Последняя, в свою очередь, определялась, уровнем социально-экономического развития городов и характером классовых противоречий. В городах патрициату противостояли средние слои горожан — бюргерство и городские низы — плебейская оппозиция, включавшая в свои ряды весьма разнородные элементы (подмастерьев, поденщиков и люмпенпролетариат). «Городская оппозиция патрициату, — писал Ф. Энгельс, — делилась на две фракции, которые весьма четко определились во время Крестьянской войны»². Соотношение классовых сил в городских общинах в значительной мере обуславливалось также величиной города, его экономическим строем, степенью имущественной и социальной дифференциации населения и отношениями различных слоев горожан с сельской округой. Все эти моменты достаточно отчетливо проявлялись во время революционных событий и оказали влияние на их результаты.

Современная немарксистская историография выдвигает новую концепцию, которая рассматривает события Крестьянской войны в германских землях как «революцию простого человека»^{2а}. Сторонники этой концепции предпринимают по-

¹ Об участии по преимуществу швабских городов в революции на раннем ее этапе см. Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны. — Ежегодник германской истории, 1976. М., 1977 (далее — ЕГИ).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 353.

^{2а} Концепция «революции простого человека» получила развитие в исследованиях Х. Бузцелло, Д. У. Забеана и П. Бликле (см.: Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg von 1525 als politische Bewegung. Mit besonderer Berücksichtigung der anonymen Flugschrift an die Versammlung gemayner Pawerschaft. (West-) Berlin, 1969; Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges. Eine Studie der soziale Verhältnisse im südlichen Oberschwaben in den Jahren vor 1525. Stuttgart, 1972; Blicke P. Die Revolution 1525. München—Wien, 1975). Все эти авторы были участниками Международного симпозиума в Меммингеме (март 1975 г.), посвященного Крестьянской войне. На симпозиуме известный историк-марксист из Германской Демократической республики М. Штейнмец выступил с докладом, в котором была подвергнута критике концепция «революции простого человека» и другие теории Крестьянской войны в немарксистской историографии (см.: Steinmetz M. Position der Forschung. Kritische Bemerkungen zur Bauernkriegsforschung in der Bundesrepublik

пытку доказать, что участники революционных событий не ставили перед собою широких политических планов, направленных на создание единого национального государства и стремились к совершению общественного переворота, ограничивая цели движения устранением наиболее вопиющих проявлений феодального режима в пределах деревни. По социальному составу, с их точки зрения, к движению не могут быть применены четкие классовые характеристики, так как оно включало в свои ряды не только крестьян, но и непатрицианские слои городского населения, горняков и другие социальные группы. В роли же движущей силы выступила «деревенская знать», т. е. крестьянская верхушка, под исключительным влиянием которой произошло формирование программных требований и целей движения. Эта теория, как нетрудно заметить, призвана «опровергнуть» основные положения марксистской историографии Крестьянской войны, но она плохо согласуется с фактами.

Вопросы истории немецких городов этой эпохи и их роли в революционных событиях Великой крестьянской войны в советской германистике стали объектом исследования в трудах М. М. Смирнина, В. В. Стоклицкой-Терешкович, В. А. Ермолаева и М. Ф. Фадиной. Для изучения глубинных процессов истории Крестьянской войны особенно много сделал М. М. Смирнин, создавший в своих трудах широкое полотно революционных событий³. Однако М. М. Смирнин исследовал эти процессы, находясь, образно выражаясь, в крестьянском лагере и лишь частично касаясь событий в городах. Значительным достижением следует признать исследования В. В. Стоклицкой-Терешкович, В. А. Ермолаева и М. Ф. Фадиной⁴, которым

Deutschland. — In: *Revolte und Revolution in Europa. Referate und Protokolle der Internationalen Symposium zur Erinnerung an den Bauernkrieg 1525* (Memmingen, 24.—27. März 1975), hrsg. von P. Blickle. Historische Zeitschrift, Beiheft 4 (NF). München, 1975, S. 116f.).

³ Смирнин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1947 (изд. 2-ое, М., 1955); *он же*. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962; *он же*. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.

⁴ Стоклицкая-Терешкович В. В. Ротенбургское восстание 1525 г. — как вождя мюльгаузенского плебейства. — «Историк-марксист», 1938, № 6; *она же*. Немецкий город в эпоху крестьянской войны. — «Вестник МГУ», № 4. Сер. обществ. наук, 1950, вып. 2; Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. — Средние века, вып. 5, М., 1954; Фадина М. Ф. Мюльгаузенское движение 1523—1525 гг. — «Учен. зап. Марийского пед. ин-та», 1958, т. 117.

удалось показать противоречивость положения немецких городов в условиях начавшегося разложения феодализма и зарождения в недрах тогдашнего общества элементов раннекапиталистических отношений и, в тесной связи с этим, — внутренних социальных противоречий, неодинаково проявлявшихся в городах различных типов.

В последние годы внимание историков-марксистов ГДР привлекли революционные события в Тюрингии и Саксонии, распространившиеся и на соседние области Чехии⁵, хотя в их обобщающих трудах⁶ сделан ряд заслуживающих внимания выводов о своеобразии расстановки классовых сил и развития раннебуржуазной революции также и в южногерманских землях.

И все же позиция и роль городов Верхней Швабии в событиях Крестьянской войны до сих пор в марксистской историографии не исследовалась специально. Между тем тайная переписка представителя городского сословия в штаб-квартире Швабского союза Ульриха Арцта с магистратами верхнешвабских городов⁷, канцлера и фактического главы того же Швабского союза Леонарда фон Экка и его помощника Вейсенфельдера с баварскими герцогами и другими вождями феодально-католического лагеря⁸, сочинения аугсбургских хронистов Вильгельма Рема и Клеменса Зендера, швейцарца

⁵ См., например: *Zschäbitz G. Zur Mitteldeutschen Wiedertäuferbewegung nach dem Grossen Bauernkrieg*. Berlin, 1958; *Schildnauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar in ersten Drittel des 16. Jahrhunderts*. Weimar, 1959; *Bensing M. Thomas Müntzer und der Thüringer Aufstand 1525*. Berlin, 1968; *Mittenzwei J. Der Joachimsthalen Aufstand 1525, seine Ursachen und Folgen*. Leipzig, 1968; *Bräuer H. Zur städtischen Volksbewegungen vom Ausgang des Großen Bauernkrieges bis zur Mitte des XVI Jh. im Gebiet zwischen Freiburger und Zwickauer Mulde*. — *Sächsische Heimatsblätter*, 1969, H. 6.

⁶ *Deutsche Geschichte*, Bd. 1: Von Anfängen bis zum 1789. Berlin, 1965; *Bensing M., Hoyer S. Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526*, 2. Aufl. Berlin, 1970; *Fogler G., Laube A., Steinmelz M. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution*. Berlin, 1974.

⁷ Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmann Ulrich Artzt von Augsburg aus den Jahren 1524—1526, hrsg. von W. Vogt. — *Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg*. Augsburg, 1879, 80/82/83 (далее — Correspondenz с указанием года издания).

⁸ *Vogt W. Die bayerische Politik im Bauernkrieg und der Kanzler Dr. Leonhard von Eck, das Haupt des Schwäbischen Bundes*. Nördlingen, 1883. Anhang — Die Briefe des Kanzlers Dr. Leonhard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges (далее — Briefwechsel). — Die Chroniken der deutschen Städte von XIV. bis zum XVI. Jahrhundert.

Иоганнеса Кеслера⁹ а также другие материалы¹⁰, содержат интересные сведения и позволяют внести некоторые коррективы в наши представления о Швабском районе Крестьянской войны. Правда, при этом необходимо учитывать, что в то время как Артуц, Экк, Вейсенфельдер и Зендер безоговорочно стоят на защите существующего строя и дают предвзято враждебную оценку любым действиям восставших масс, придерживавшиеся провингианской ориентации Рем и Кеслер не без сочувствия пишут о тяжелом положении народа и подвергают резкой критике отдельные институты феодального общества, но отвергают насильственные методы борьбы¹¹. Следовательно, ни один из современников событий, на свидетельства которых мы опираемся в исследовании, не являлся выразителем интересов крестьянства и городских низов. Учитывая и постоянно имея в виду тенденциозность этих источников, все же представляется возможной постановка вопроса о различии позиций и групп его населения в зависимости от типов этих городов, которые находили выражение в различии социально-экономических структур и демографического фактора.

Представляется целесообразным хронологически рассматриваемые события разделить на два этапа. Первый этап охватывает время с 10 сентября 1524 г., когда началась открытая война революционного и феодально-католического лагерей, и до конца марта 1525 г. На этом этапе феодально-католический лагерь был не в состоянии подавить крестьянское движение, опираясь только на силу и военное превосходство, и поэтому был вынужден прибегать к тактике переговоров и заключения частных соглашений с восставшими. На втором этапе господствующий класс и его военная организация — Швабский союз — сумели консолидировать свои силы и

⁹ *Rem, Wilhelm*: Chronika der newer Geschichten. — (CDS), Bd. 25. Leipzig, 1894; Die Chronik von Clemens Sender von den ältesten Zeiten der Stadt bis zum Jahre 1536. — CDS, Bd. 23. Leipzig, 1892; Kessler, Johannes: Sabbata, hrsg. von E. Egli und R. Schoch. St. Gallen, 1902.

¹⁰ Akten zur Geschichte der deutschen Bauernkriegen aus Oberschwaben, hrsg. von F. L. Baumann. Freiburg im Breisgau, 1877.

¹¹ Подробнее о концепции Крестьянской войны в городских хрониках XVI в. см.: Некрасов Ю. К. Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии. — СВ, вып. 41, М., 1977; он же. Городские хроники о роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии. — «Вестник МГУ. История», 1977, вып. 4; он же. Социально-политические вопросы Крестьянской войны в освещении бюргерской историографии XVI в. — ЕИИ, 1977. М., 1978.

перейти в наступление против крестьянских отрядов. Этот этап продолжался до конца 1525 г., т. е. до того момента, пока не были разгромлены наиболее значительные лагеря восставших крестьян. Изменение ситуации и соотношения сил противоборствующих сторон оказало влияние и на позицию и отношение различных слоев бюргерства к крестьянскому восстанию.

10 сентября 1524 г., когда было сорвано соглашение между графами фон Лупфен и их подданными в ландграфстве Штюлинген, по мнению современников, уже являлось началом Крестьянской войны¹². Вскоре штюлингенские крестьяне объединились с восставшими против своих сеньоров крепостными монастыря св. Блазиена, графов Фюрстенберг и других господ, а вслед за этим пламенем восстания оказались объят весь Шварцвальд и Баар. 2 октября поднялись на борьбу до сих пор остававшиеся спокойными крестьяне Хегау¹³, и революционные события охватили почти все крестьянство Юго-Западной Германии.

В тот же день 2 октября истек срок, в который небольшой городок Вальдсхут, расположенный на швейцарской границе и находившийся под властью Габсбургов, обязан был по требованию австрийского правительства изгнать евангелического проповедника Бальтазара Хубмайера и восстановить в городе католическую веру. Но 3 октября в город прибыл отряд цюрихских добровольцев во главе с Клаусом Шаллером и известным швейцарским гуманистом и сподвижником Цвингли Рудольфом Кливанусом (Коллином). Этот отряд был с радостью принят горожанами и позволил увеличить число защитников Вальдсхута на несколько сот человек¹⁴, что, конечно же, было действительной помощью гарнизону небольшого города. Но несмотря на очевидную в данном случае поддержку реформационного движения в Вальдсхуте цвингианскими властями, современный западногерманский историк Т. Бергстен не без основания называет политику Цюриха по отношению к Вальдсхуту «двойной игрой». Цвингли из политических соображений был заинтересован в оказании помощи Вальдсхуту и одновременно из опасения полного

¹² Смирин М. М. Германия эпохи Реформации..., с. 213.

¹³ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, 4. Aufl. Darmstadt, 1956, S. 106—107.

¹⁴ Bergsten T. Balthasar Hubmaier. Sein Stellung zu Reformation und Täuferum. Kassel, 1961, S. 159—161.

разрыва с Габсбургами постоянно вел дипломатические переговоры и делал одну уступку за другой австрийскому правительству. Даже отряд цюрихских бюргеров, как это утверждал магистрат Цюриха, находился в Вальдсхуте без разрешения швейцарских властей¹⁵. Политику Цюриха и других цвинглианских кантонов можно назвать не только политикой неиспользованных возможностей, поскольку она недостаточно последовательно и энергично содействовала установлению единства действий всех антифеодальных сил на юге и юго-западе германских земель, но и предательской по отношению к восставшим крестьянам.

По плану австрийского правительства 19 октября должен был начаться поход против Вальдсхута, который не состоялся только по той причине, что войска потребовались в Хегау. В эти же дни приступил к подготовке вторжения в Германию опальный герцог Ульрих Вюртембергский, предпринявший попытку вернуть утраченный трон «с помощью крестьянского мятежа»¹⁶. Необходимо иметь в виду и внешнеполитические обстоятельства: завоевание 26 октября Милана французами явилось тяжелым ударом по престижу империи и потребовало от нее мобилизации для борьбы за Италию всех материальных и людских ресурсов. В этой ситуации феодально-католический лагерь оказался не в состоянии перейти в наступление против повстанцев по всему фронту.

Политическая обстановка оказалась благоприятной для деятельности Хубмайера, который после вынужденного отсутствия 27 октября возвратился в Вальдсхут, где был встречен горожанами с большой радостью, «как будто бы, — по словам автора Филлингенской хроники Хуга, — сам господь сошел к ним с небес»¹⁷. Таким образом, уже осенью 1524 г. стало очевидным, насколько тесно переплелись судьбы крестьянского движения и радикальной реформации.

Крестьянское восстание быстро распространялось на всю территорию Южной и Юго-Западной Германии. В конце октября — начале ноября восстали крестьяне Клеттгау¹⁸. К началу декабря исключительно напряженная обстановка создавалась в районе Диллингена — резиденции аугсбургского

¹⁵ Ibid., S. 163—164.

¹⁶ Die Chronik von Cl. Sender, S. 160—161.

¹⁷ Heinrichs Hugs Villinger Chronik von 1495 bis 1533. Tübingen, 1883, S. 103.

¹⁸ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации..., с. 213.

епископа¹⁹. 13 декабря произошло первое кровавое столкновение в истории Крестьянской войны — магистрату города Филлингена удалось разбить крестьян Брегской долины, которые были подданными города и требовали «отмены всех платежей, всех повинностей и всякой личной зависимости». Но в первые месяцы нового 1525 г. начался мощный подъем крестьянского движения в Верхней Швабии, где были созданы крупные вооруженные лагеря крестьян²⁰. Это не могло не оказать влияния и на города.

Уже осенью 1524 г. волнения начались во многих городах Верхней Германии, где учение Мюнцера, как подчеркивает М. М. Смирин, не было единственным направлением реформации, так как здесь наряду с лютеранством «распространялась пропаганда радикальных учеников Цвингли», которые вели борьбу против княжеского деспотизма, требовали учреждения религиозной свободы и политической самостоятельности общин, отмены крепостничества и «смягчения феодального режима в деревне»²¹. В первые месяцы 1525 г. революционным движением оказался охвачен весь треугольник Швабского района между Меммингеном—Ульмом—Биберахом, где преобладало влияние цвинглианских проповедников. Последнее обстоятельство имело и негативную сторону, поскольку в этом районе вожди крестьянских отрядов руководствовались мирной тактикой, а принцип божественного права воспринимался ими «не как отрицание существующего социального порядка, а лишь как принцип милосердия»²². С другой стороны, в ряде южнонемецких городов реформация перерастала свои первоначально цвинглианские рамки, и городские низы выдвигали требования, которые с необходимостью побуждали их обращаться к крестьянскому движению как к своему естественному союзнику в борьбе за евангелическую свободу и социально-политические преобразования. Примером такого развития может служить Вальдсхут.

После того как в конце 1524 г. отряд цюрихских добровольцев был отозван на родину, Вальдсхут снова оказался в политической изоляции и вынужден был заняться поисками союзников. Городские низы и среднее бюргерство в изменившейся ситуации активно поддержали крестьян и с января

¹⁹ Bensing M., Hoyer S. Op. cit., S. 64.

²⁰ Смирин М. М. Указ. соч., с. 214—215.

²¹ Там же, с. 216.

²² Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера, с. 417.

1525 г. прочно связали свои интересы с социально-революционным движением на юге Германии. Эта связь вальдсхутской реформации с революционным движением стала очевидным фактом, когда создалась весьма напряженная обстановка в Клеттгау. Крестьянам Клеттгау Цюрих, ссылаясь на свое номинальное политическое верховенство, еще в октябре 1524 г. пожаловал право свободы евангелической проповеди. Воспользовавшись этим, крестьяне отказались выполнить повинности в пользу своих господ графов фон Зульц. В ответ на эти действия крестьян граф Рудольф фон Зульц, одновременно являвшийся бюргером Цюриха, попросил магистрат города взять его под свою защиту. Магистрат Цюриха согласился признать законной отмену повинностей крестьян только по отношению к монастырю св. Блазиена и признал «законными» их повинности в пользу Зульцев. Поэтому не случайно клеттгауские крестьяне после отказа магистрата Цюриха удовлетворить их требования 29 января появились в Вальдсхуте. Дело в том, пишет Т. Бергстен, что Цюрих и Вальдсхут придерживались диаметрально противоположной позиции по отношению к крестьянскому движению: если Цюрих считал необходимым сохранить чинши, Вальдсхут безоговорочно признавал и поддерживал отмену всех десятин и чиншей.²³ Отмена десятин и других повинностей крестьян в пользу св. Блазиена вполне соответствовала интересам цвинглианской партии, которая вела борьбу против монастырского землевладения и институтов католической церкви вообще. Распространение же этой тенденции на светское землевладение таило в себе, напротив, угрозу интересам бюргерской верхушки, которая сама была крупным земельным собственником и владела крестьянами в так называемых «союзных землях».

В маленьком Вальдсхуте большинство жителей занималось ткачеством и не обладало сколько-нибудь значительными земельными угодиями. Данное обстоятельство, очевидно, сыграло не последнюю роль в их отношении к крестьянскому движению: вальдсхутцы открыли ворота города клеттгауским крестьянам. В феврале 1525 г. Арццт писал магистрату Аугсбурга, что крестьяне «от всего сердца» (*ganzes Herz*) возлагают свои надежды (*vestung*) на городок Вальдсхут.²⁴ По этому поводу Бергстен замечает, что «связь между Вальдсхутом и клеттгаусцами в январе 1525 г. является примером то-

²³ *Bergsten T. Op. cit., S. 235—236.*

²⁴ *Correspondenz, 1879, N 37, S. 308.*

го достойного внимания факта, как сливались воедино крестьянское восстание и реформация»²⁵. Верное суждение Бергстена нуждается, однако, в уточнении: крестьянская революция сливалась не с реформацией вообще, а с ее народным течением, наиболее полно выразившим интересы городских низов и зависимого крестьянства.

К февралю 1525 г. феодально-католический лагерь оказался в весьма затруднительном положении ввиду растущей активности крестьян, отложения Вальдсхута, военных приготовлений герцога Ульриха Вюртембергского и вмешательства швейцарцев в германские дела. В начале того же месяца эрцгерцог Фердинанд, по словам Бергстена, вопреки здравому смыслу и реальной обстановке разработал план, по которому следовало предпринять карательные действия как против восставших крестьян, так и против Вальдсхута.²⁶ Причем судя по письму Арццта аугсбургскому магистрату, представители эрцгерцога были очень огорчены склонностью Швабского союза к уступкам вальдсхутцам, поскольку, по словам этих представителей, Фердинанд никогда не согласится, чтобы Хубмайер остался в городе и продолжал исполнять обязанности священника. Он же, Арццт, не стал бы из-за этого вести войны. Гораздо разумнее, по его мнению, перетянуть на свою сторону вальдсхутцев, на которых крестьяне возлагают все надежды, что позволило бы как следует наказать и самих крестьян за их бунтарские действия.²⁷ Комментируя это место из переписки Арццта, Бергстен делает вывод, что Швабский союз ясно различал интересы Вальдсхута и крестьян. Последние, с точки зрения Арццта, были мятежниками, Вальдсхут же вел борьбу за свободу евангелической веры. Однако Габсбурги, полагает Бергстен, не видели различия между реформационным движением и крестьянским восстанием, и их нападение на Вальдсхут не состоялось только по той причине, что в эти дни готовилось вторжение герцога Ульриха в Вюртемберг.²⁸ Впрочем, различию точек зрения Габсбургов и руководителей Швабского союза на происходящие события вряд ли следует придавать принципиальное значение. Линия поведения тех и других была продиктована тактическими соображениями, те и другие находились в контрреволюционном лагере и видели

²⁵ *Bergsten T. Op. cit., S. 241.*

²⁶ *Ibid., S. 244.*

²⁷ *Correspondenz, 1879, N 37, S. 308.*

²⁸ *Bergsten T. Op. cit., S. 244.*

своего смертельного врага не столько в евангелической реформации, сколько в ее слиянии с социальной революцией, угрожавшей существующему правопорядку.

К середине февраля 1525 г. окончательно стало ясно, что в ближайшие дни начнется поход герцога Ульриха Вюртембергского. В письме совету Аугсбурга от 20 февраля Арццт в связи с этим выражал опасение, что если Ульрих удастся привлечь на свою сторону крестьян (*die bauern an sich zehengken*), это приведет в движение весь народ²⁹. Но опасения Арццта оказались напрасными. Несмотря на все старания герцога, его поддержала только небольшая группа крестьян во главе с Гансом Мюллером из Бульгенбаха. Еще Энгельс отмечал, что «крестьяне, однако, лишь пользовались им (герцогом Ульрихом. — Ю. Н.) как орудием; он никогда не имел среди них влияния и в еще меньшей мере пользовался их доверием»³⁰. Эта мысль Энгельса находит подтверждение в исследовании историков из ГДР М. Бензинга и З. Хойера, которые показывают, что в случае успеха Ульрих и не подумал бы выполнить социальные требования народа³¹. В то же время необходимо иметь в виду, что вторжение герцога на территорию Вюртемберга на время отвлекло внимание и силы Швабского союза и создало благоприятную почву для развертывания революционного движения в Южной Германии.

В условиях резко изменившейся ситуации противоборствующие партии, по словам Бергстена, утратили всякий интерес к Вальдсхуту, к которому в течение нескольких недель было приковано всеобщее внимание³². Во всех этих фактах он усматривает готовность властей признать законной городскую реформацию и проведенные преобразования церкви. Но вряд ли так было на самом деле. Переписка Арццта не содержит признания за Вальдсхутом права на свободу евангелической пропаганды. Если 16 февраля Арццт писал о необходимости не допустить объединения горожан с крестьянами, хотя бы и ценою временных уступок, то уже через несколько дней он же, получив донесение о готовящемся выступлении Ульриха Вюртембергского, вынужден был внести корректив в тактику Швабского союза, необходимость которого была продиктована активизацией крестьянского движения во всей Верхней Швабии, и отказаться от проведения различной по-

²⁹ *Correspondenz*, 1879, N 44, S. 312.

³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 7, с. 400.

³¹ *Bensing M., Hoyer S. Op. cit.*, S. 69.

³² *Bergsten T. Op. cit.*, S. 244.

литики по отношению к Вальдсхуту и восставшим крестьянам Клеттгау. Отныне, по мнению М. М. Смирин, помыслы руководителей «господской партии» стали сводиться к тому, чтобы удержать крестьян, склонных к ведению переговоров, от вооруженного выступления, предпринимая одновременно насильственные действия против тех крестьян, «которые проявляют непримиримость и занимают удобные военные позиции»³³. И дело не в том, что Габсбурги и Швабский союз «забыли» или примирились с событиями, происходящими в городах, а в том, что, как это вслед за Энгельсом убедительно показал М. М. Смирин, руководители «господской партии» главную для себя опасность видели в восставших крестьянах, против которых они и концентрировали свою деятельность.

Наступление герцога Ульриха Вюртембергского, получившего финансовую помощь от французского короля и войско которого состояло преимущественно из швейцарцев, началось 23 февраля 1525 г. Но в эти же дни Карл V с помощью тех же швейцарских наемников одержал победу над французами в битве при Павии³⁴. Теперь у эрцгерцога Фердинанда руки оказались развязаны, и он приступил к подготовке наступления против восставших крестьян. Резко ухудшилось и положение Вальдсхута. Кантональные власти Швейцарии, собравшиеся в Люцерне, немедленно отозвали из армии герцога Ульриха швейцарских наемников, что в значительной мере предreshало военную неудачу похода. При таком исходе событий Цюрих, Базель и Шаффхаузен отказались взять Вальдсхут под свою военную защиту. Вот почему в дальнейшем в борьбе за церковную и политическую свободу город мог полагаться только на восставших крестьян³⁵.

Неблагоприятный ход политических событий не мог, однако, сдержать революционного движения. Именно в начале марта три основных крестьянских отряда образовали в городе Меммингене Христианское объединение³⁶. Магистрат этого города придерживался тактики нейтралитета, но значительная часть горожан и особенно бедные ремесленники-ткачи

³³ *Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнпера*, с. 390.

³⁴ О политическом значении битвы при Павии см.: *История Италии* в трех томах, т. I, М., 1970, с. 462—463; *История Франции* в трех томах, т. I, М., 1972, с. 175.

³⁵ *Bergsten T. Op. cit.*, S. 245—247.

³⁶ *Германская история* в новое и новейшее время в двух томах, т. I, М., 1970, с. 46.

открыто перешли на сторону крестьян. Положение дел феодально-католического лагеря в этом районе стало угрожающим уже с того момента, когда здесь наряду с Бальтрингенским лагерем появились крупные отряды вооруженных крестьян в Нижнем Альгау в Вурцах и к востоку от Ульма в Лейпгейме. В результате главная резиденция Швабского союза в Ульме оказалась в окружении повстанцев. К началу марта в деревнях между Ульмом, Аугсбургом и Донаувертом находилась пятитысячная армия крестьян, к которой присоединились 250 жителей города Лейпгейма³⁷. В условиях быстрого роста численности крестьянских отрядов происходило, с одной стороны, обострение, как правило, в религиозной форме, противоречий в городах, с другой — реакционно настроенная верхушка этих городов прилагала все усилия, чтобы предотвратить революционные выступления городских низов. Наглядным примером такого хода событий может служить крупнейший в Верхней Швабии город Аугсбург.

В первые месяцы 1525 г. в Аугсбурге исключительную остроту приобрела полемика между одним из вождей католической партии в городе Иоганном Кретцем и последователем учения Цвингли Михаэлем Келлером³⁸. Еще Ф. Рот опубликовал статьи католика Кретца против цвинглианца Келлера. Из этих статей следует, что Келлер якобы осуждал частную собственность, призывал к установлению общности имущества и простоты нравов и обычаев в духе Ветхого завета³⁹. Нетрудно отсюда заключить, что обвинения направлены не в тот адрес. Келлер, являясь представителем радикального крыла бюргерской оппозиции, конечно, не мог быть противником собственности и пропагандировать взгляды, отражающие интересы плебейских масс. Известно, что в своих проповедях, неоднократно выражая сочувствие восставшим крестьянам, он осуждал их, однако, за насилие по отношению к господам⁴⁰. Поэтому обвинения Кретца против Келлера едва ли обоснованы. Но они, видимо, свидетельствуют о настроениях наиболее радикальной части горожан, особенно пугавших правящую патрицианскокупеческую олигархию.

³⁷ Bensing M., Hoeyer S. Op. cit., S. 77.

³⁸ Zorn W. Michael Keller. — Lebensbilder aus dem bayerischen Schwaben. Bd. 7. München, 1959, S. 162.

³⁹ Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte, Bd. 1(1517—1530). München, 1901, S. 187, Anm. 67.

⁴⁰ Ibid., S. 174.

Крестьянская война, получавшая с каждым днем все больший размах, и горький опыт плебейского волнения в августе 1524 г.⁴¹ побуждал правящую олигархию к энергичным поискам выхода из затруднительного положения. В грозные дни революционных событий магистрат города, по утверждению выражавшего интересы феодально-католического лагеря хрониста Зендера, проявил большую мудрость и не жалел средств ради сохранения в своих руках власти⁴². С целью предотвращения мятежа «совет, имея множество забот, не скупился на расходы»⁴³. Щедрость властей в первую очередь распространялась на финансирование своего рода профилактических мероприятий.

Сразу же после волнения городских низов 6 и 9 августа 1524 г. магистрат нанял на службу большое число ландскнехтов. Один отряд наемников «обязан был днем и ночью нести караульную службу и смотреть, чтобы не возникло мятежа, и в ночные часы обходить все городские ворота, проверяя на них все замки и запоры». Другой отряд конных ландскнехтов совершал в те же часы объезд улиц города, чтобы не допустить тайных сборищ плебса, способного поднять мятеж. Магистрат не ослаблял полицейского надзора и днем, когда «все городские ворота, за исключением четырех главных, закрывались на весь день, а к каждому из открытых ворот был поставлен член совета, который допрашивал всех входящих и выходящих из города. Эти меры представлялись властям необходимыми, «чтобы чернь не совершила предательства и не передала город в руки и власть мятежников». Таким образом, усилия олигархов в первую очередь были направлены на предотвращение самой перспективы соединения крестьянских отрядов с революционно настроенными элементами в городе, так как многие из числа последних были связаны с восставшими крестьянами и лютеранами, подразумевая под последними радикальных проповедников. Хронист откровенно заявляет, что «совет располагал большим числом ратных людей против мятежных крестьян и равным образом против мятежной черни в городе». Городской плебс и крестьянские массы, в глазах Зендера, были в одинаковой мере враждебными и опасными силами, страх перед которыми побуждает бенедик-

⁴¹ О событиях в Аугсбурге летом и осенью 1524 г. см.: Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны, с. 277—283, 286—292.

⁴² Die Chronik Cl. Sender, S. 154.

⁴³ Ibid., S. 162—164.

тинского монаха передать социально-психологическую атмосферу во время Крестьянской войны в следующих словах. «По-всюду, — пишет он, — за пределами города — ужасы и зверства, в городе — заботы, страх и бедствия» (außerhalb der stat forcht und schrecken, in der stat sorg, angst und nott). Об атмосфере, царившей в эти месяцы в городе, свидетельствует и тот факт, что городские богачи сооружали в своих домах тайные хранилища с многочисленными замками и засовами, нанимали слуг для охраны жилищ и «переправляли из города свои деньги и драгоценности в другие, более безопасные места». В чрезвычайно опасной ситуации власти уже не могли полагаться на одну только силу и вынуждены были прибегнуть к мерам, несколько облегчавшим тяжелое положение широких масс городского населения. Во время Крестьянской войны, пишет хронист, совет, несмотря на огромные расходы, не возложил их бремени на жителей города, и никто из богатей и бедняков не внес в городскую казну ни единого пфеннига налогов. Только такие меры, по его убеждению, были в состоянии удержать городские низы в повиновении властям.

В описании Зендера, полном внутреннего динамизма и верных наблюдений, указывается и на связь революционных событий с евангелической церковной реформацией. Хронист не только подчеркивает единство намерений восставших крестьян и лютеран, под которыми он в данном случае имеет в виду всех отвергнувших учение католической церкви, но и утверждает, что плебейская масса города «подстрекалась и возбуждалась превратными, лживыми проповедниками» (darzi sie geraißt und verursacht von den verkerten, falschen predigern), которые восстановили народ против законных властей⁴⁴. 14 февраля Артцт писал аугсбургскому совету, что повсюду возникающие мятежи появляются не сами по себе, а возбуждаются духовными лицами и учеными людьми. Они проповедуют новое учение, по которому ни один человек не желает принадлежать другому⁴⁵. В пропаганде этого учения представители феодально-католического лагеря склонны были отводить решающую роль городам, которые якобы готовы выступить заодно с лютеранами и мятежными крестьянами. Баварский канцлер фон Экк в те же дни заявил следующее: «Я также вполне убежден в том, что многие города охотно поддержали бы (восстание крестьян против господ. — Ю. Н.), ес-

⁴⁴ Die Chronik Cl. Sender, S. 163.

⁴⁵ Correspondenz, 1879, N 34, S. 306.

ли бы они не опасались за свои состояния». Более того, Экк придерживался мнения, которое, впрочем, разделяли и другие руководители «господской партии», что крестьянские мятежи вообще в большинстве случаев берут свое начало в городах⁴⁶. Несколько позднее он же писал, указывая на активное участие в событиях Меммингена и Кемптена, что «в этих двух городах возникли Альгауская война и все несчастья» (auß denen zwayen şteten ertolgt der Algeisch krieg und alles unglückh)⁴⁷.

Насколько обоснованы были такие обвинения? Свидетельства источников не оставляют сомнения, что правоверные лютеране вслед за своим вождем осуждали крестьян за их выступления против господ и властей. В таком духе 19 февраля выступил один из лидеров консервативно-лютеранского направления реформации в Аугсбурге Урбан Региус и в ответ услышал горькие упреки со стороны тех, кто слушал его проповедь. Горожане, сочувствовавшие восставшим крестьянам, говорили, что Региус против бедных людей и умалчивает правду о господах; между тем разве справедливо, когда один христианин продает другого, словно скотину. Поэтому Региус должен был бы внушить господам, чему их учит в этом пункте Писание, но он уподобился собаке, которая хотя и не лает, но и ничего не дает людям⁴⁸. Моральную поддержку крестьянам в данном случае выразил не лютеровский проповедник, а бедные ремесленники и плебеи, которые с надеждой взирали на крестьянское восстание и были готовы при благоприятном стечении обстоятельств принять в нем участие.

По отношению к коллизиям классовой борьбы, которая была обусловлена реальными противоречиями социальной структуры позднесредневекового города, Крестьянская война играла роль своего рода катализатора, вовлекая в водоворот революционных событий один район за другим и ускоряя рост революционных настроений в городских общинах. К революционному процессу оказалась причастна не только плебейская, но и бюргерская оппозиция. Именно в этой обстановке в конце февраля или начале марта в городе Меммингене, который оказался в центре не только евангелического движения, но и крестьянского восстания в Верхней Швабии, была составлена знаменитая программа «Двенадцати статей», являвшаяся синтезом многочисленных жалоб крестьянских общин.

⁴⁶ Briefwechsel, S. 381.

⁴⁷ Ibid., S. 455.

⁴⁸ Roth F. Op. cit., S. 174—175.

Авторы этой программы, выдержанной в духе цвинглианства, городские проповедники Меммингена Кристоф Шаппелер и Себастьян Лотцер, не были сторонниками насильственных методов борьбы и делали все возможное, чтобы переубедить воинственно настроенных альгаусцев, которые мирным принципам бальтрингенцев противопоставляли меч⁴⁹. Однако сам факт появления общей программы восставших крестьян и положенный в ее основу принцип «божественного права» в целом оказал положительное влияние на развитие движения и содействовал укреплению единства в лагере повстанцев.

Нельзя считать случайным, что Мемминген превратился в центр притяжения трех главных крестьянских отрядов Верхней Швабии и что программа «Двенадцати статей» была составлена и принята именно в этом городе. Оба эти факта тесно связаны с происходившими в самом Меммингене событиями. Магистрат этого города под влиянием революционных событий и по требованию большинства горожан в марте 1525 г. пошел на смягчение повинностей крестьян городской округи и освободил их от личной зависимости⁵⁰, что, естественно, создавало перспективу укрепления союза крестьян и горожан в их борьбе против феодального строя. Крестьянское движение, в фокусе которого оказался Мемминген, бесспорно, повлияло на рост демократических настроений и в самом городе, где магистрат по требованию горожан вынужден был объявить свободу выборов цеховых комитетов, члены которых осуществляли контроль за ремеслами и заседали в Большом и Малом советах города. И хотя магистрат сохранил за собою право назначать 2 из 11 членов цеховых комитетов⁵¹, это не умаляет значительности политической победы цеховых ремесленников.

В Меммингене местные бюргеры стали свидетелями острой полемики между представителями умеренного и радикального направления в крестьянском движении, между сторонниками мирной и наступательной тактики и в конечном счете торжества цвинглианских принципов. Исход этой борьбы, конечно, не мог не отразиться на настроениях различных слоев горожан не только в Меммингене, но и в других городах Верхней Швабии. С другой стороны, создание в районе Кемптена в начале марта сильного крестьянского отряда, ко-

⁴⁹ Franz G. Op. cit., S. 128.

⁵⁰ Deutsche Geschichte, Bd. 1, S. 523.

⁵¹ Dohel F. Memmingen in Reformationszeitalter, 2. Aufl. Augsburg, 1877, S. 78, Anm. 157.

торый был намерен распространить свое влияние на всю территорию между Боденским озером и Дунаем от Ульма до Альгау, поход герцога Вюртембергского, распространение восстания на долину Леха, кровавые события в районе Бухлоэ и Виндергельтингена, когда в зародыше была задушена Крестьянская война в Баварии, — все это весной 1525 г. поставило в крайне опасное положение магистраты городов, отношение которых к крестьянскому движению не всегда было однозначным. Если в Бальтрингене Ульрих Шмид, находившийся под влиянием цвинглианской реформационной доктрины и выражавший настроения зажиточных и умеренных элементов в самом движении, пытался отговорить крестьян от решительных по отношению к господам действий, то в Альгау Иерг Кнопф, опираясь на поддержку не только радикальных элементов среди крестьян, но и городские низы и трактуя в духе мюнцеровского учения принцип «божественного права», напротив, призывал и руководил борьбой крестьян против господ. В районе Кемптена монастырь и замок Либентан по существу были захвачены с одобрения значительной части горожан⁵². Именно в эти дни Арццт написал, что, по его мнению, в крестьян вселился дьявол и поэтому он не может себе представить, каким образом их умиротворить (*ich kan nit gedencken, wie die raugen zu styllen werden*)⁵³. В условиях, когда крестьянское движение, несмотря на отдельные неудачи, стремительно разрасталось вширь, захватывая все новые территории, позиция городов приобретала важное значение для исхода классовых битв. Поэтому борьбе за влияние на города уделялось исключительное внимание обоими противоборствующими лагерями.

Канцлер Экк 2 марта сообщал баварскому герцогу, что «крестьяне усиливаются день ото дня и вступили в переписку с некоторыми городами», требуя, чтобы последние перешли на их сторону. Это обстоятельство, по убеждению Экка, явилось причиной «большого раскола в городах» (*ain grosse spaltung in der steten*). Раскол выразился в том, что «лютеране, которые бедны, считают крестьян правыми. Нелютеране и лютеране, которые богаты, считают крестьян неправыми»⁵⁴. Таким образом, водоразделом, который, по мнению Экка, определял отношение различных слоев горожан к восставшим крестьянам, были богатство и собственность. Страх утратить свои со-

⁵² Franz G. Op. cit., S. 131.

⁵³ Correspondenz, 1879, N 117, S. 362.

⁵⁴ Briefwechsel, S. 402.

стояния толкал зажиточных бюргеров в феодально-католический лагерь и превращал их в противников революции.

Магистрат Аугсбурга в письме от 14 марта 1525 г. в штаб-квартиру Швабского союза в Ульме выражал крайнюю озабоченность тем, что повсюду в городах есть «сильная крестьянская партия» и поэтому нетрудно себе представить, что, если крестьяне возобладают, недовольство распространится на всю городскую общину⁵⁵. Арцид в письме совету Аугсбурга доверительно признавался, что все цехи вместе взятые не возбуждают в нем столько тревоги, сколько один цех ткачей. Он объяснял это тем, что ткачи, имея обыкновение бродить повсюду среди крестьян, установили связь с множеством беспутных людей, которые охотно предпочли бы миру и единению мятеж и анархию, так как надеются таким способом возобладать⁵⁶, т. е. взять власть в свои руки и изменить существующий порядок. И нужно сказать, что опасения Арцида не были напрасными.

9 марта в город пришел крестьянин и вместе с одним ткачом явился к цеховому старшине Гансу Вайеру и передал ему письмо, адресованное «нашим любезным братьям во Христе из цеха ткачей». По сути дела это была попытка восставших крестьян установить контакт с самым многочисленным в городе цехом для выработки программы совместных действий. Подавляющее большинство членов этого цеха составляли «бедные ткачи» (*die armen weber*) и «неимущие ремесленники» (*habenit hantwercker*), эксплуатировавшиеся цеховой верхушкой, представители которой выступали в роли раздатчиков и крупных оптовых торговцев, что ярко проявилось и в рассматриваемом нами эпизоде. Вайер, действуя в интересах цеховой верхушки и правящей городской олигархии, отказался передать письмо в цех и обнародовать его, а возвратил крестьянину. Происшедшее событие, однако, было оценено властями как весьма тревожный симптом, так как, по их признанию, «многие из наших горожан посещают еженедельные торги в деревнях и имеют много друзей среди крестьян»: Поэтому совет выражал озабоченность тем, что в случае успеха восстания в городе найдутся люди, которые к ущербу властей сумеют договориться с крестьянами⁵⁷. Последнее обстоятельство таило в се-

⁵⁵ Correspondenz, 1879, N 121, S. 364.

⁵⁶ Ibid., N 123, S. 366; N 152, S. 391.

⁵⁷ Ibid., N 121, S. 364.

бе наибольшую угрозу правящей олигархии, действующей заодно с «господской партией».

К этому времени волна революционных событий все ближе подступала к стенам верхнешвабских городов. 11 марта штаб-квартира Швабского союза в письме магистрату Меммингена с большим неудовольствием указывала на факт постоянных встреч городских проповедников, имея в виду Шаппелера и Лотцера, с мятежными альгаускими крестьянами. Последние советуются с проповедниками, и те якобы настраивают крестьян быть непримиримыми и твердыми, чем причиняют господам значительный ущерб⁵⁸. Власти Меммингена, отказывая Шаппелеру в ведении революционной агитации, вместе с тем вынуждены были признать, что общины как Меммингена, так и ряда других городов «вопреки здравому смыслу вступают со многими крестьянами в дружеские отношения»⁵⁹. В письме от 17 марта, отвечая на обвинения союза, совет Меммингена вынужден был признать и тот факт, что «некоторые мятежные крестьяне ежедневно ищут совета у нашего проповедника» (имеется в виду Шаппелер. — Ю. Н.). Этот проповедник был приглашен в магистрат и показал, что он учит и наставляет крестьян в том, чтобы они пребывали в мире, единстве и в справедливом послушании властям⁶⁰. Оправдательные разъяснения городского совета, очевидно, соответствовали действительности, однако программа «Двенадцати статей», родиной которой являлся Мемминген, была составлена Лотцером и Шаппелером в момент широкого размаха революционного движения в соответствии с принципами «божественного права», что допускало весьма радикальное истолкование крестьянских требований и превращало программу в исключительно популярный в народе документ⁶¹. Поэтому Арцид утверждал, что проповеди божественного права в Ульме, Меммингене и Биберахе содействуют распространению мятежа и неповиновения властям, так как из этих проповедей якобы с необходимостью следует требование упразднения любых повинностей в пользу господ (*doch ist in suma ir begern das sy niemands nichtz geben wollen*)⁶². Такие настроения, по убеждению Арцида, представляли огромную опасность и для Аугсбурга по той причине, что крестьяне, собравшиеся в не-

⁵⁸ Baumann F. L. Akten..., N 154, S. 150.

⁵⁹ Ibid., N 166, S. 160.

⁶⁰ Correspondenz, 1879, N 127, S. 370.

⁶¹ Deutsche Geschichte, Bd. 1, S. 524.

⁶² Correspondenz, 1879, N 128, S. 372.

посредственной близости от города в Велленбурге, могли оказать влияние на горожан в неуютном для властей направлении⁶³.

Успехи революционного движения побуждали руководителей феодально-католического лагеря настаивать на необходимости изменения тактики по отношению к восставшим. В письме к секретарю городского совета Аугсбурга Конраду Пойтингеру Ульрих Арцит пытался обосновать положение, «почему на крестьян надо воздействовать только силой, а не переговорами». Он отмечал, что призывы мятежных крестьян ничего не дадут господам, сформулированные зловерными проповедниками Ульма, Меммингена и Бибераха, читались с церковных кафедр в деревнях и в ульмском ткацком цехе «для того, чтобы те могли узнать о воле и мнении крестьян»⁶⁴. Когда же требования и цели борьбы крестьян становились известны горожанам, в городах возникали острые коллизии, поскольку значительное число средних бюргеров и особенно городских плебеев, высказывались за поддержку крестьянского движения, а магистраты, как правило, пытались удержать свои общины в повиновении Швабскому союзу. Такой конфликт возник в марте 1525 г. между общиной и советом в Кемптене, так как совет этого города не только не желал оказать помощь восставшим крестьянам, на чем настаивало большинство горожан, но и считал необходимым наказать крестьян за их мятежные действия⁶⁵. На этом основании Экк утверждал, что в цехах только незначительное меньшинство сохраняло спокойствие и послушание властям⁶⁶. Точнее было бы сказать, что магистраты прилагали все усилия, чтобы удержать цеховых ремесленников в повиновении. Там же, где этого не удавалось, последние соединялись с восставшими крестьянами и выступали с ними единым фронтом.

Для развития событий Крестьянской войны важное значение имело и то обстоятельство, представители какого течения пользовались преобладающим влиянием в том или ином крестьянском отряде. В нескольких десятках километров от Аугсбурга находился Лейпгеймский отряд, который не признал мирной тактики Христианского объединения и Ульмского соглашения. Руководители этого отряда были намерены вести

⁶³ Ibid., N 125, S. 369—370.

⁶⁴ Ibid., N 128, S. 371.

⁶⁵ Briefwechsel, S. 414.

⁶⁶ Ibid., S. 420.

непримиримую войну против всех замков. Заместитель Экка Вайсенфельдер писал, что этому отряду удалось присоединить такие населенные пункты, как Бургау и Иттипген, и все местечки и деревни вплоть до Аугсбурга согласны с крестьянскими отрядами, а 19 марта «происходило общее шествие крестьян из всех деревень с развернутыми знаменами в Лейпгейм»⁶⁷. Кольцо крестьянского восстания медленно сжималось вокруг Аугсбурга, и его волны уже достигли городских стен. Вполне естественно, что исход восстания в Верхней Швабии во многом зависел от того, на чьей стороне окажется крупнейший город этого района.

Новая попытка привлечь Аугсбург на сторону восставших крестьян была предпринята 25 марта, когда в город пришли четверо уполномоченных от Альгауского отряда в Урсберге и вручили письмо «совету и общине города». Совет, принимая послание, ответил крестьянским послам очень осторожно и указал на то, что до сих пор магистрат относился к любезным соседям-крестьянам дружески, и заверил послов, что он и впредь не будет что-либо брать с крестьян вопреки правам и справедливости. Вместе с тем совет не высказался определенно о предложении крестьян присоединиться к их отряду, сославшись на то, что представители крестьянских отрядов сейчас ведут переговоры с Швабским союзом⁶⁸. Арцит в письме Пойтингеру одобрил действия магистрата во время переговоров с представителями Урсбергского отряда и отметил, что успех переговоров особенно важен в связи с развитием в опасном направлении событий в Меммингене⁶⁹. Очевидно, и на этот раз, как это уже имело место в начале марта, о посольстве крестьян и его переговорах с магистратом ничего не знало подавляющее большинство горожан.

Итак, уже на основании рассмотренных материалов представляется возможным сделать некоторые выводы относительно позиции городов и различных социальных слоев горожан во время Крестьянской войны. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что на стороне восставших крестьян особенно активно выступали мелкие города (Вальдсхут и Лейпгейм), в средних городах (Мемминген) наблюдалось своего рода динамическое равновесие сил сторонников и противников крестьян, нарушение которого в пользу той или иной партии за-

⁶⁷ Ibid., S. 413.

⁶⁸ Correspondenz, 1879, N 142, S. 384—385.

⁶⁹ Ibid., N 144, S. 386.

висело исключительно от силы и размаха революционного движения; и только в самом крупном городе Верхней Швабии Аугсбурге магистрату с помощью политики лавирования удавалось удерживать власть в своих руках и проводить по отношению к восставшим крестьянам политику «враждебного нейтралитета». Обострение классово-борьбы и вовлечение в нее большинства горожан имело место в тех случаях, когда перед городом стояла задача освобождения от сеньериальной зависимости, и, напротив, контрреволюционные акции магистратов проявлялись особенно ярко, когда монополия на власть в городе оказывалась в руках патрицианской корпорации, члены которой сами выступали в роли эксплуататоров крестьян сельской округи (Филлинген). Социально-экономические противоречия в самих городах вообще имели решающее значение для их позиции по отношению к крестьянскому восстанию: патрицианско-купеческая олигархия стояла на защите интересов феодально-католического лагеря, среднее бюргерство проявляло колебания от симпатий и поддержки крестьян к враждебным по отношению к последним актам, более энергично и последовательно на стороне крестьян выступала плебейская оппозиция, которая, однако, по причине слабости и незрелости предпролетарских элементов также в конечном счете не стала надежным классовым союзником крестьянского движения. Но все эти выводы в известной мере носят предварительный характер и нуждаются в проверке. материалами источников, относящихся к решающему этапу Крестьянской войны, когда феодально-католический лагерь с апреля 1525 г. перешел в наступление.

О. В. Трофимова

НАЧАЛО РЕФОРМАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДЕ ЛАРОШЕЛИ И ЕГО ОКРУГЕ

Вопрос о развитии Реформации в городах юго-западной Франции и их дальнейшей роли в Гугенотских войнах относится к числу наименее изученных в советской медиевистике, хотя имеет немаловажное значение для выяснения причин, породивших длительную социально-политическую и идеологи-

ческую борьбу во Франции во второй половине XVI столетия¹.

Исторические источники, которыми располагает исследователь для определения региона распространения реформационного движения, датирования его появления, масштабов, а также социального состава протестантов на юго-западе Франции, весьма разнообразны, но сведения в них, как правило, отрывочны. Это обстоятельство связано с тем, что пропаганда реформационных учений проводилась тайно, подвергалась гонениям со стороны католической церкви и правительства, — поэтому большая часть документов относится не к начальному периоду Реформации, а ко второй половине XVI в. Документальный материал исходит как от противников протестантизма, так и его апологетов, и следовательно, имеет тенденциозный характер. Фрагментарность и предвзятость сведений усложняет работу исследователя и иногда вынуждает ограничиваться предположениями.

В комплекс источников входят материалы королевского законодательства², мемуары представителей католического и протестантского лагерей³, донесения иностранных дипломатов о внутривосточной обстановке во Франции XVI в.⁴, сочинение наиболее видного последователя Кальвина — Теодора Безы⁵, официальная переписка короля с чиновниками на местах⁶, регистры актов крещений и браков реформированной церкви Ларошели, опубликованные в инвентарях архивов департамента Нижняя Шаранта⁷. Кроме того незаменимым источником при изучении городской истории являются хрони-

¹ Сказкин С. Д. Реформация и Религиозные войны. — В кн.: История Франции, т. I. М., 1972, с. 198.

² Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution française de 1789. Par Isambert. Decrusy, Armet, t. XII, Paris, 1827; t. XIII, Paris, 1828; t. XIV, p. I, Paris, 1829.

³ Сборник документов Coudy J. Les guerres de religion. Paris, 1961.

⁴ Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI s., recueillies et traduites par M. N. Tommaseo, t. I. Paris, 1838.

⁵ Bèze Theodore de. Histoire ecclésiastique des églises réformées au royaume de France. Lille, 1841.

⁶ Документы по истории Франции середины XVI в. Под ред. А. Д. Люблинской. — «Средние века», вып. 12—15, 19; Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561—1563 гг. Под ред. А. Д. Люблинской. М.—Л., 1962.

⁷ Inventaire-sommaire des archives départementales antérieures à 1790 rédigé par L. Richemond. Charente-Inférieure. Archives civiles et ecclésiastiques. Série C—H, t. II. Paris, 1877; Série E supplément (Archives communales). Ville de La Rochelle. La Rochelle, 1893; Série A—B, par M. de Richemond. La Rochelle, 1900.

ки, в частности, «История Ларошели», написанная протестантом, членом муниципалитета Ларошели Амосом Барбо⁸.

Ларошель, чье имя неразрывно связано с событиями Гугенотских войн на всем их протяжении, в начале XVI в. представляла собой крупный центр импортно-экспортной торговли и ремесленного производства⁹. Город располагал значительной автономией в рамках централизованной монархии. Однако по мере укрепления абсолютистского государства и усложнения аппарата управления, сохранять городские привилегии становилось все сложнее. Борьба Ларошели за сохранение автономии в системе такого государства органически переплеталась с начавшимся распространением реформационного движения во Франции. Именно западные районы — Пуату, Онис, Сентонж, Ангума — свыше полувека были оплотом французского протестантизма, столицей которого стала Ларошель. Она вполне заслуженно именовалась современниками и исследователями как «королева и госпожа всех (других гугенотских городов) и истинное убежище восставших и недовольных», «гордость французского протестантизма», «Амстердам протестантской республики»¹⁰ и т. п.

Начало становления Ларошели в качестве гугенотского центра относится к первой трети XVI в. Ряд исследователей утверждает, что области Пуату, Онис, Сентонжа, Ангума, где Реформация пустит глубокие корни, были охвачены новыми идеями довольно поздно¹¹. По мнению других авторов,

⁸ Histoire de la Rochelle depuis l'an 1199 jusques en 1575 (plus exactement 1574) par Amos Barbot, écrite de sa main. Publiée par la Société des Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis par m. Denys d'Aussy. 1886—1890.

⁹ См.: Трофимова О. В. Экономическое развитие и муниципальный строй Ларошели в первой половине XVI века. — В кн.: Из истории западноевропейского средневековья, М., 1972.

¹⁰ Malingre C. Histoire de la Rébellion excitée en France par les rebelles de la Religion prétendue Réformée. Paris, 1622, p. 261—262; Baird Ch. W. History of the Huguenot Emigration to America, t. I. Baltimore, 1966, p. 266; Boissonnade P. Histoire de Poitou. Paris, 1926, préface.

¹¹ Imbart de La Tour P. Les origines de la Réforme. Paris, 1914, p. 405—410; Guilbert A. Histoire des villes de France, t. III, Paris, 1844, p. 549. Хотя достижения французской историографии в области изучения истории Реформации и Гугенотских войн значительны, полной картины развития реформационного движения на западе и юго-западе страны она не дает. Наиболее ранние из работ являются апологией католицизма, либо кальвинизма (Maimbourg L. Histoire du calvinisme, t. II, Paris, 1682 (III éd.); Davila Enrico Caterino. Histoire des guerres civiles de France. Amsterdam, 1757; Lièvre A. Histoire des protestants et des églises réformées du Poitou, t. I, Paris, Poitiers, 1856; Puaux F. Histoire de la ré-

Ларошель относится к числу первых французских городов, принявших реформационное учение, но появление и упрочение протестантизма на ее территории недостаточно выяснено¹². К середине 30-х годов XVI в. проникновение реформационных идей во Францию достигло значительных успехов, об этом свидетельствуют репрессивные меры, к которым обратилось правительство для искоренения ереси¹³.

Лютеранские идеи к этому времени достигли побережья Атлантики, где нашли благоприятную почву для своего распространения. Они быстро привились на островах Сентонжа и Ониса (Олерон, Ре, Арвер), отличавшихся изолированностью и труднодоступностью, следовательно, безопасностью. В дальнейшем гугеноты рассматривали эти острова и порты по-

formation française, t. II, Paris, 1857). Концепция о чисто религиозном характере Реформации и Гугенотских войн, присущая трудам XVIII—XIX вв., сохранила приверженцев и в нашем столетии (Imbart de La Tour P. Op. cit.; Viénot J. Histoire de la Réforme française des origines à l'Edit de Nantes, t. I—II, Paris, 1926). Как правило, изучение истории Реформации монополизировано различными обществами истории религии и церкви, теологическими факультетами, которые концентрируют внимание на богословских проблемах (Léonard E. G. Histoire général du protestantisme. T. I, Paris, 1961; Stephan Raul. Histoire du protestantisme français. Paris, 1961; Latreille A., Delaruelle E., Palanque J. R. Histoire du catholicisme en France, Paris, 1960). В ряде случаев французские историки пытаются увязать Реформацию, а равно и Гугенотские войны с политической историей, либо с социально-экономическим развитием страны в XVI в. (Romier L. Les origines politiques des guerres de religion. Paris, 1913; Chartrou-Charbonnel J. La réforme et les guerres de religion. Paris, 1936; Mounier R. Les XVI et XVII siècles. Les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492—1715). Paris, 1961). Но и здесь мы не встретим четкого понимания органической связи религиозно-идеологических явлений с их социальной и экономической основой, не говоря о том, что вопрос о социальном статусе первых протестантов, о позиции городов не решен. Причины упрочения кальвинизма в юго-западных городах видятся главным образом в средневековом сепаратизме.

В отечественной историографии история Гугенотских войн и Реформация изучались И. В. Лучицким, но преимущественно по материалам второй половины XVI в. В советской медиевистике данная проблема освещается в обобщающих трудах по истории Франции и специальных исследованиях по другим вопросам С. Д. Сказкина, А. Д. Люблинской и др.¹² Puaux F., p. 297; Baird Ch. W., p. 265; Garnault E. Les bourgeois rochelais des temps passés et les causes de la décadence du commerce rochelais. — «Revue historique», t. 70, 1899, N 5—6, p. 54.

¹³ Например, постановления о преследовании лютеран и наказании укрывателей еретиков от 10 июня 1525 г., от 29 января 1534 г., ординанс против богохульников за октябрь 1535 г., о судопроизводстве в делах против еретиков в 1536, 1539 гг. (Recueil général, t. XII, NN 123, 128, 211, 216, 230, 257).

бережья как свои лучшие убежища, здесь шла тайная пропаганда протестантизма. Отдельные случаи сожжения еретиков в начале 30-х годов имели место в городах Пуату и Гиени¹⁴.

Расхождения в датировке появления первых протестантов в Ларошели достигают 20 лет: от начала 30-х годов до начала 50-х годов XVI в.¹⁵ В хронике Ларошели Амоса Барбо сообщается, что «некоторые жители этого города начали знакомиться с ним (учением Лютера. — О. Т.) в этом (1534) году и совершать его исповедание и тайную проповедь в этом городе»¹⁶. Барбо называет некую Мари Беландель по прозвищу Габорит, которая работала служанкой в Ларошели, в доме, где были знакомы с новым вероучением. После наставления хозяином «на путь спасения согласно реформированной религии» она возвратилась в 1534 г. на свою родину — в местечко Essarts — в Пуату и осмелилась вступить в спор с монахом по поводу толкования Евангелия, была схвачена по обвинению в ереси и приговорена судом к сожжению на костре.

Очевидно, появление первых адептов Реформации в Ларошели следует отнести к 1534—1536 гг. Жестокие преследования еретиков, начавшиеся на этом этапе правления Франциска I, затормозили на некоторое время распространение протестантизма. Хорошо осведомленный, пунктуальный Барбо в записях за 1536—1541 гг. ни разу не упоминает о приверженцах нового учения. Академик С. Д. Сказкин высказывает мысль, что «вплоть до середины 40-х годов общины «верующих» насчитывали лишь в редких случаях сотни (в Париже 300—400 человек), чаще десятки своих адептов»¹⁷. Исследование Р. Мандру показывает, что поток эмигрантов с юго-запада Франции, и из Ларошели в частности, в эту пору очень незначителен. Вероятно, внедрение идей Реформации в данном районе еще не было основательным¹⁸.

Наиболее интересен, но наименее освещен источниками вопрос о социальной базе протестантизма в начале XVI в. Прямых данных о социальном статусе первых протестантов почти

¹⁴ Lièvre A., t. II, Paris, Poitiers, 1858, p. 26.

¹⁵ Imbart de La Tour P., p. 410; De Vaux de Foletier F. Histoire d'Aunis et de Saintonge, Paris, 1929, p. 77; Guilbert A., p. 574; Puaux F., t. II, p. 297; Lièvre A., p. 27; Клячин В. Политические собрания и политическая организация кальвинистов во Франции XVI в. Киев, 1888, с. 20.

¹⁶ Barbot A. Histoire de La Rochelle, t. II, p. 1.

¹⁷ История Франции, т. 1. М., 1972, с. 183.

¹⁸ Mandrou R. Les français hors de France au XVI et XVII siècles. — «Annales», 1959, N 4, p. 664.

нет, хотя имеются сведения о распространении реформационного учения среди низших слоев населения прибрежного района. Например, на болотистом острове Ре первыми обращенцами в новую веру стали рыбаки, моряки, солевары, ссыльные преступники. По воспоминаниям современника, католического священника, «в течение 20 лет (1540—1560 гг.) во Франции только простые ремесленники примыкали к этому новому лютеранскому учению...»¹⁹. Анализ профессий французских эмигрантов — протестантов в Женеве, проведенный Р. Мандру за 1549—1560 гг., выявил, что наибольшее число прозелитов составляли ремесленники, затем люди свободных профессий (юристы, медики, аптекари, издатели книг), далее купцы и мелкие торговцы, главным образом бродячие корабейники²⁰.

«Ересь» тем успешнее распространялась в низших социальных слоях и массе ремесленников Ларошели и прилегающих районов, что в 1521—1523, 1528—1529 гг. в городе происходили сильные волнения, вызванные грубым нарушением городской конституции со стороны олигархической группы богатейших купцов-арматоров, домовладельцев и землевладельцев, захвативших управление городом в свои руки. В одной из сходок участвовали от 700 до 800 человек, большей частью «простые ремесленники». Налоговые злоупотребления, коррупция, продажа выборных должностей в муниципалитете, проникновение в него королевских чиновников — все это вызывало протест со стороны не только ремесленников, но и той части состоятельных ларошальских буржуа, которые не имели доступа к кормилу правления²¹. Острые социальные столкновения, всеобщее недовольство нажимом королевской власти на коммунальные вольности в условиях начавшегося во Франции процесса первоначального накопления капитала подготовили почву, на которой быстро проросли семена Реформации.

Каналы, по которым реформационные учения проникали в район Ларошели, были связаны с оживленной международной торговлей города. В его порту встречались купцы и матросы из различных областей Франции, Испании, Англии, Германии, Нидерландов, Ирландии и соответственно тот слой го-

¹⁹ Hatton C. Mémoires (Coudy J., p. 39).

²⁰ Mandrou R. Op. cit., p. 665.

²¹ См.: Трофимова О. В. Социально-политическая борьба в Ларошели в первой половине XVI в. — В кн.: Из истории Франции, вып. 4. Уфа, 1972.

рожан, который был занят в обслуживании гавани: смотрители маяка, сторожевая охрана, судостроители, ремесленники по изготовлению канатов, парусов и других снастей, представители сферы услуг: содержатели кабаков, гостиниц, цирюльники, булочники, слуги и т. п. — могли вступать в контакт с протестантами. Как полагал О. Льевр и другие историки, частые поездки ларошельских купцов в сопровождении слуг и доверенных лиц в различные страны, особенно охваченные Реформацией, способствовали ознакомлению с новыми идеями. Так, возвращаясь из Брабанта, они привозили новости о «религиозном пробуждении» в Германии²². В первые десятилетия XVI в. в городах Нидерландов, в частности в Антверпене, где бывали ларошельские арматоры, купцы, матросы, довольно широко распространяется лютеранство, с 1522 по 1530 гг. большими тиражами издается лютеранская литература. А. Н. Чистозвонов отмечает влияние ганзейских купцов-лютеран в портовых городах Нидерландов²³. Очевидно, аналогичные явления были и в Ларошели, поддерживавшей обширные торговые связи.

Другим источником информации и пропаганды были французские протестанты, эмигрировавшие в связи с репрессиями 30-х годов. Они вели пропаганду из-за границы путем издания и распространения Библии на французском языке и реформационной литературы. Свою лепту внесли и монахи, снявшие с себя сан и пытавшиеся разоблачать злоупотребления духовных лиц. Например, в 1546 г. несколько монахов, спасаясь от угрозы сожжения на костре, бежали из Сентонжа. Укрывшись на островах Олерон, Экс и Арвер, «они посещали (разных) лиц и отваживались говорить (только) намеками, так как были не очень уверены, что никто об этом не скажет. После того как они таким образом обратили (в свою веру) некоторое число лиц, они нашли средство добиться кафедр... Мало-помалу в этих областях и на островах Сентонжа многие прозрели и узнали о многих злоупотреблениях, о которых они прежде не знали»²⁴.

Распространители «нового учения» подвергались всевозможным гонениям. Еще в конце апреля 1543 г. было опубликовано запрещение всем монахам и священнослужителям пуб-

²² Lièvre A., p. 27.

²³ Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964, с. 196—197.

²⁴ Palissy B. Les oeuvres de maître B. Palissy (Coudy J., p. 40).

лично проповедовать без предварительного экзамена-проверки епископом или викарием. Через год изданы суровые указы против тех, кто ходит по пригородам и проводит тайные собрания. Насколько большой размах приняло это движение, можно судить по крайней обеспокоенности, высказанной в письме короля Франциска I к губернатору провинции: «нам стало известно, что в Ларошели и окрестностях имеется много лиц в высшей степени зараженных этими проклятыми, осужденными лютеранскими заблуждениями, которые собираются вместе и группами, ходят по провинции, совершая бесконечные скандалы и сея среди народа свое несчастное и проклятое учение...»²⁵. Далее король требует выследить и наказать их столь жестоко, чтобы внушить страх всем остальным.

В 40-е годы число протестантов в районе Ларошели, видимо, значительно выросло. Венецианский посол Марино Ковалли в 1546 г. доносил: «лютеране настолько распространились повсюду, что занимают целые города, где протестантский обряд официально не признается, но его молчаливо допускают. Это наблюдается в Кане, Ларошели, Пуатье и во многих городах Прованса»²⁶. Его наблюдение подтверждает Барбо в «Истории Ларошели»: «Чистота учения о Евангелии, согласно тому как оно проповедовалось Лютером в Германии и Цвингли в Швейцарии, стала известна в городе через нескольких частных лиц, которые исповедовали ее тайно с 1542 г.»²⁷.

Новая страница в развитии Реформации во Франции связана с распространением кальвинизма, религиозной идеологии нарождающегося прогрессивного класса общества — буржуазии. Кальвинизм, в отличие от лютеранства, был способен бросить вызов католицизму не единичными булавочными уколами в виде ереси, а всей силой объединенной церковной организации²⁸. Французские протестанты видели в Женевской церкви, созданной Кальвином, образец для подражания. Большое значение для пропаганды кальвинистского учения и организационного оформления вновь возникающих общин имели проповедники, которые прошли специальную подготовку в Женеве и начиная с 1555 г. направлялись во Францию с инструкцией действовать тайно и добиваться отказа

²⁵ См.: Lièvre A., t. I, p. 43.

²⁶ Relations des ambassadeurs vénitiens, t. I, p. 263.

²⁷ Barbot A. Histoire de La Rochelle. t. II, p. 42—43.

²⁸ Buch M. L. Renaissance, Réformation and the Outer World. London, 1967, p. 235.

населения от католицизма. В период 1555—1562 гг. их прибыло несколько десятков²⁹.

Несмотря на скудость сведений, можно назвать имена ряда проповедников, развернувших свою деятельность в эти годы: Филипп Верон, проповедовавший более 20 лет, Бабино, Сен-Вертюньен, книгоиздатель Филибер Гамелин, создавший в 1555 г. на острове Арвер протестантскую церковь, его преемник Андре Мазьер, Шарль де Клермон, Лукас Ведок и другие. Некоторые из них бывали в Женеве, а затем вели пропаганду в Ларошели, Пуату, Сентонже, Ангумау.

По воспоминаниям видного последователя Кальвина Теодора Безы, новое вероучение «раньше всего распространилось среди самых развратных, а именно среди жителей этих островов (Сентонжа. — *O. T.*), которые обычно были прибежищем пиратов, да по обыкновению туда ссылали преступников»³⁰. Сведения относятся к 1555 г. А в 1559 г. Франциск II в черновике письма к генеральному наместнику Гиени отмечал, что большую часть предавшихся новому учению составляет беднота³¹.

Впервые открыто проповеди кальвинизма прозвучали в Ларошели в феврале 1557 г. во время приезда туда Жанны д'Альбре, королевы Наварры, и Ангуана Бурбона, генерального наместника Гиени, которые официально посещали мессу и одновременно имели в своей свите кальвинистских проповедников Пьера Давида и Буанормана, прибывшего из Женевы. Пьер Давид публично проповедовал несколько раз «согласно чистоте реформированной религии» в центральном ларошельском соборе Сен-Бартелеми. На его проповедях присутствовали многие жители этого города обоих полов и положений, каковые, отвергая всякие страхи и опасения, начали показывать и подтверждать, что они не потерпят более попрания истины, которую они познали»³².

Горожане восторженно приветствовали театрализованное представление, разыгранное комедиантами королевы Наварры³³. Суть пьесы заключалась в том, что страдающую тяжелым недугом молодую женщину, которой не смогли помочь медики в богатых одеждах священников и монахов с индаль-

²⁹ От 88 до 120 человек (см.: *Léonard E. G.*, t. II, p. 91).

³⁰ *Bèze. Th. de. Histoire ecclésiastique*, p. 64.

³¹ Документы по истории Франции («Средние века», вып. 12, с. 158).

³² *Barbot A. Histoire de La Rochelle*, t. II, p. 132.

³³ *Nabonne B. Jeanne d'Albret, reine des huguenots*. Paris, 1947, p. 80; *Puauix F.*, p. 299.

генциями и святыми реликвиями, излечивает скромно одетый незнакомец. Он задает им вопросы, аналогичные тем, которые реформаторы адресовали католическому духовенству, и оживляет умирающую. Выздоровевшая больная рекомендует зрителям прибегнуть к помощи лекарства, скрытого пока тайной. Всем было ясно, что аллегория превозносила преимущества кальвинизма над католицизмом.

Таким образом, в 1557 г. в Ларошели практически открыто провозглашалась кальвинистская доктрина — при негласном покровительстве наиболее могущественных феодалов и королевских сановников юго-западной Франции, королей Наварры, и вопреки официальной политике гонения протестантов. К концу 1558 г. «реформация Евангелия начала разливать великим потоком в этом королевстве, многие ходили смотреть на проповедников, которые пришли из Женевы...»³⁴. Инициативу по приданию протестантскому движению в Ларошели организованного характера взял в свои руки проповедник Пьер Ришер, получивший прозвище «Островитянин» в связи с плаванием в Бразилию вместе с экспедицией вице-адмирала Никола Дюрана де Вильганьона, где тщетно пытались распространить кальвинистское учение среди колонистов. По возвращении он успешно проповедует среди горожан, умело соблюдая конспирацию: молитвенные собрания проводились только ночью в домах с несколькими выходами, в подвалах, места явок каждый раз менялись. Объединив около 50 протестантов, Пьер Ришер в ноябре—декабре 1558 г. учредил в Ларошели консисторию. Этот коллективный выборный орган состоял из пастора, старейшин, диаконов, секретаря, казначея. В целях предосторожности их имена были засекречены. В ведении консистории находилась вся религиозная и повседневная жизнь членов общины: она имела право суда над нарушителями канонов, могла налагать штрафы, отлучать от общины, выставлять у позорного столба и применять другие меры наказания. Старейшины, избираемые в каждом квартале города, должны были следить за поведением верующих и увещевать нарушителей строгих дисциплинарных правил. Дяконам вменялась забота о больных, неимущих и сбор милостыни. Наиболее широкие полномочия имели пасторы, которые вели богослужение, состоящее из нравоучительной проповеди и пения псалмов, следили за религиозным и

³⁴ *Barbot A. Histoire de La Rochelle*, t. II, p. 139.

правственным поведением мирян, вместе с другими членами консистории налагали наказания на отступников.

Подобные органы управления кальвинистскими общинами были созданы и в других городах юго-запада Франции: Сенте, Сен-Жан-д'Анжели, Коньяке, Ангулеме, Пуатье³⁵. Вопреки политике гонений правительства Франциска I, а затем Генриха II и Франциска II, «протестанты утвердились в этом городе (Ларошель. — О. Т.), как ни в какой другой соседней провинции»³⁶.

Для дальнейшего развития протестантского движения во Франции большое значение имело проведение 25 мая 1559 г. в Сен-Жерменском предместье Парижа первого национально-го синода кальвинистских церквей, установившего символ веры и устав новой церкви³⁷. В его работе участвовали представители из Пуатье, Сента, Сен-Жан-д'Анжели, островов Олероп и Экс. Синод утвердил 80 статей, половина которых содержала все догмы кальвинизма, а другая посвящалась церковной организации. В частности, речь шла о поддержании моральной и догматической чистоты церкви, о субординации всех ее звеньев, об институте пасторов, старейшин, диаконов и т. д. Низшей ступенью были признаны общины, руководимые консисториями; далее следовали коллоквиумы и провинциальные синоды из числа пасторов и старейшин. Из представителей провинциальных синодов формировался общенациональный синод, решавший вопросы о догматах веры и внутренней жизни церкви в масштабах страны.

В данной структуре, во-первых, подчеркивалась выборность в противовес назначению на должности в католической церкви; во-вторых, в ней сочеталась деятельность духовных и светских членов общины, наиболее состоятельные из которых получили возможность активно участвовать в общественной жизни. Простота церковной организации, лишенной декоративной роскоши, украшений, скульптур, а также выборный

³⁵ Léonard E. G., t. II, p. 90.

³⁶ Barbot A. Histoire de La Rochelle, t. II, p. 156. По данным — Dupont. Histoire de la Rochelle. La Rochelle, 1830, p. 105 — в 1559 г. в Ларошели из 20 000 жителей 17 500 в той или иной степени примкнули к кальвинизму.

³⁷ Castel E. Les huguenots et la constitution de l'église réformée de France en 1559. Paris, 1859, p. 157—159; Confession de foy. Articles I—XL. — La Bible qui est toute la Sainte écriture de vieil et nouveau testament. A La Rochelle de l'imprimerie de H. Haultin par C. Hertman (commencement du XVII siècle).

принцип импонировали вкусам городского населения, особенно в таких городах, как Ларошель, где живы были традиции самоуправления и еще сохранялась муниципальная автономия. Стройная организация кальвинистской церкви могла служить не только духовным, но и светским и военным целям, могла обеспечить протестантское движение мощными средствами сопротивления против гонений королевского правительства. Некогда разрозненные и преследуемые, протестанты обрели «прочно организованный институт пасторов»³⁸, которые сразу же после синода развернули активную проповедническую деятельность и приступили к массовому созданию церквей³⁹.

В конце 1559 г. по просьбе ларошельских протестантов в город на постоянное жительство прибыли два пастора Брюле и Ла Велле, которые доставили устав, утвержденный синодом, и начали проводить его в жизнь⁴⁰. Одним из первых в ларошельской консистории заняли места старейшин видные буржуа Жан Буше сьер де Мортье и Жан де Ла Гэз. Очевидно, пасторы лишь упорядочили кальвинистскую организацию в Ларошели, возникшую годом ранее⁴¹.

В связи с развитием реформационного движения, которое принимало угрожающие размеры в городах Атлантического побережья Ларошели и Бордо, в юго-западных провинциях страны, королевская власть пытается усилить борьбу против инакомыслящих. После завершения Итальянских войн в апреле 1559 г.⁴² правительство могло нанести удар по своему внутреннему противнику. Вместе с тем окончание войн высвободило массу солдат и офицеров-дворян, которые лишились своего ремесла и способа обогащения и пополнили ряды недобровольных.

Осенью 1559 г. в районе близ Ларошели, на островах Олероп и Экс, началось преследование протестантов. Из черновиков писем герцога Гиза и короля Франциска II от 7 сентяб-

³⁸ Клячин В., с. 24.

³⁹ В докладе Колиньи Екатерине Медичи в 1560 г. упоминается 2150 общин кальвинистов (см.: Chartrou-Charbonnel J., p. 130).

⁴⁰ Barbot A. Histoire de La Rochelle, t. II, p. 156.

⁴¹ В литературе встречается датировка учреждения кальвинистской церкви в Ларошели 1557 г. и 1559 г. (Луцицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинизм во Франции, ч. 1. Киев, 1871, с. 216; Mandrou R., p. 604; Léonard E. G., t. II, p. 90).

⁴² Некоторые исследователи полагают, что именно рост протестантизма в стране заставил Генриха II заключить мир в Като-Камбрези (Jonson A. Europe in the XVI century. London, 1964, p. 390).

ря 1559 г. к генеральному наместнику Гиени де Бюри, который осуществлял репрессии, явствует, во-первых, стремление устранили массы жестокостью; во-вторых, признание больших масштабов религиозного пожара на Мареннских островах (Олерон и Экс) и в провинции Гиень, «где... происходят бесчинства»; в-третьих, отмечается, что большинство прозелитов составила «беднота, которая не ведает, что творит»⁴³. Обеспокоенный создавшейся обстановкой и тем, как бы смута не перекинулась в Ларошель, король в течение этого года направляет ряд специальных посланий магистрату, в которых подчеркивается стратегическое значение города для охраны Гиени от происков английской и испанской корон и указывается на необходимость строгого контроля мэра над внутренней жизнью коммуны. В ответных письмах ларошельский муниципалитет, обсуждавший королевские указы на расширенном заседании с участием наиболее знатных буржуа и членов президиального суда, уверяет в преданности горожан королю. Однако королевская власть продолжала издавать антипротестантские указы. 25 декабря 1559 г. в Ларошели были опубликованы два эдикта от 4 сентября и 9 ноября. Первый запрещал кальвинистам собираться на молитвенные собрания, «подобно тому как они делали по ночам во многих городах этого королевства под страхом наказания, что дома, где производятся упомянутые ассамблеи, будут разрушены»⁴⁴. Согласно второму эдикту их инициаторы карались смертью, а доносчики получали 100 экю вознаграждения. Несмотря на угрозы, «на таковых ассамблеях, хотя и ночью, и с трудом, и со страхом, присутствовали видные люди города, охваченные реформированной религией»⁴⁵.

Три года — 1559—1561 гг., наполненных волнениями, смутным недовольством различных социальных слоев, составили прелюдию к Гугенотским, или, как их называли современники, Религиозным войнам. За этот период раскрылась полная неспособность правительства предотвратить надвигающуюся

⁴³ Документы по истории Франции («Средние века», вып. 12. с. 157—159). Иконоборческое движение весной 1562 г. в Ларошели и близлежащих городах показало, что его основными участниками были ремесленники и «мелкий люд» (*Barbot A. Histoire de La Rochelle*, t. II, p. 170—171). А. Н. Чистозвонов на материалах Нидерландов доказал, что кальвинизм получил широкое распространение в городских низах (*Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958, с. 45*).

⁴⁴ *Recueil général*, t. XIV, P. I, N 8, p. 7; N 12, p. 11.

⁴⁵ *Barbot A. Histoire de La Rochelle*, t. II, p. 154.

угрозу гражданских войн, которое лихорадочно продолжало публиковать антипротестантские постановления⁴⁶.

В конце 1560 — начале 1561 г. современники отмечали необычайно большой прогресс кальвинистской пропаганды. В открытые дискуссии по вопросам религии вступали теперь те, «кто прежде не осмеливался сказать слово»⁴⁷. По сообщениям иностранных дипломатов, на трех четвертых территории государства протестанты публично проводят ассамблеи, на которых «они читают, проповедуют, живут по женеvскому образцу, не уважая ни священников короля, ни его указов»⁴⁸. Высокоставленные королевские должностные лица также извещают, что особенно укрепились протестанты в западных областях — Пуату, Онисе, Сентонже, Гиени.

О положении в Ларошели имеются два свидетельства от 17 и 18 сентября 1560 г. Первое, исходящее от великого приора Франциска Лотарингского, прибывшего в Ларошель с 10 галерами и ротой солдат по пути в Нант, сообщало: «дела и настроение народа в столь хорошем состоянии, что нельзя и представить его более единым и согласным с волей вашего величества», к тому же ларошельцы предоставили нужное количество съестных припасов войскам⁴⁹. Возможно, услужливость горожан объяснялась тем, что в это время еще не был окончательно решен вопрос о возведении королевской крепости с правом экстерриториальности в самом важном стратегическом районе Ларошели — порту, согласно указу Генриха II в августе 1556 г. Они добились прекращения строительства, начатого в 1557 г., не без покровительства адмирала Колиньи и его брата кардинала Шатийона. Дело разрешилось в пользу города лишь в конце 1560 г., когда Карл IX пожаловал горожанам право застраивать территорию, предназначенную для сооружения крепости⁵⁰.

Губернатор Ларошели барон Жарнак в письме к герцогу Гизу, отмечая преданность жителей города и губернаторства короне, с тревогой извещает о кальвинистских пасторах, «которые разъезжали по области, отвращая народ от исполнения долга королю, и устраивали ночные сборища, где принима-

⁴⁶ Например, *Recueil général*, t. XIV, P. I, p. 21—22; N 27, p. 31—33; N 46, p. 54.

⁴⁷ *M. de Castelnau. Mémoires (Coudy J., p. 108)*.

⁴⁸ *Relations des ambassadeurs vénitiens*, p. 411—413.

⁴⁹ Документы по истории Франции («Средние века», вып. 15. № 52, с. 171—172.

⁵⁰ *Barbot A. Histoire de La Rochelle*, t. II, p. 162.

лись решения, касающиеся их замысла, каковой должен был быть исполнен в конце сентября», и просит принять необходимые меры для стабилизации обстановки⁵¹. Неясно, о каком «замысле» пасторов информирует губернатор.

Из другого письма от 11 ноября 1560 г. следует, что в Пуату и Сентонже действует «много проповедников, которые, по слухам, говорят вредные вещи и делают все возможное, чтобы возбудить в народе недовольство»⁵². В Ларошели «число протестантов умножилось в высшей степени», а проповеди звучали гораздо чаще обычного, правда, пока тайно, ночью⁵³. Участились случаи сдачи домов членами муниципалитета в аренду для проведения молитвенных собраний кальвинистов, например, экуйе Жаном Тевененом, состоятельным домовладельцем, родственником семейств Таркве и Бланденов, принадлежавших к городской купеческо-чиновничьей элите; эшевенном и пэром Манго, купцом и арматором, крупнейшим ларошельским судовладельцем и купцом, членом городского совета Луи Гаргуйо и его сыном.

Вскоре ведущие пасторы города Ла Валле, Брюле и Жан дель Эспин перешли к проведению ассамблей и проповедей в самом большом зале Ларошели — Сен-Мишель, где обычно устраивались приемы королей. Активизация деятельности протестантов проходила под покровительством мэра Жана Саллебера сэра де Вильер, постоянного члена муниципалитета, и его заместителя и тестя Пьера Буассо. К этому моменту на сторону протестантизма стали могущественные «отцы города»: многочисленный купеческий клан Ги, известные судовладельцы и купцы, торговавшие с Испанией, Португалией, Англией, Нидерландами, Германией и на протяжении первой половины XVI в. входившие в магистрат — братья Пино, братья Никола, отец и сын Бландены, Кошон, Берн, Буэро, Понтар и другие. Некоторые из них представляли королевскую чиновничью бюрократию. Например, род Понтаров, именитых буржуа, неременных членов муниципалитета, приобретших чиновные должности. В 50-е годы в общественной жизни Ларошели участвует королевский прокурор Жорж Понтар, в начале столетия пэр Андре Понтар избирался суб-мэром⁵⁴. В 1527 г. мэром стал «именитый человек» Гюго Пон-

⁵¹ Документы по истории Франции («Средние века», вып. 19. № 55, с. 299).

⁵² Там же, № 67, с. 317.

⁵³ Barbot A. Histoire de La Rochelle, t. II, p. 163.

⁵⁴ Ibid., t. I, p. 473.

тар, королевский прокурор Ларошели и губернаторства, впоследствии губернатор Ларошели. Он вошел в историю города как первый протестант, погребенный согласно новым обрядам кальвинистской церкви. В 60-е годы семейные традиции продолжил Франсу Понтар сьер дю Трей-Шарэ, избранный мэром в 1567 г. в возрасте 27 лет⁵⁵.

В 1561 г. усилиями пасторов Ла Валле и Брюле на сторону кальвинистов стали губернатор и сенешал города и губернаторства Ларошель Ги Шабо сеньор де Жарнак, генеральный лейтенант губернаторства по делам правосудия Жан Пьер и другие⁵⁶. Благодаря их покровительству ларошельская консистория в конце октября 1561 г. добилась права пользоваться наравне с католиками церквями Сен-Совер и Сен-Бартелеми, где поочередно проводилась месса и протестантская служба. Католические священники церкви Сен-Совер согласились для удобства протестантам передвинуть часы службы и начинать заутреню незадолго до рассвета при условии, что консистория оплатит расходы на освещение. Во избежание столкновений между прихожанами губернатор и члены магистрата присутствовали в различные часы богослужения, поскольку кальвинисты оставались в храме и старались прервать католическую службу громким пением псалмов⁵⁷. Католическая вера подвергалась осмеянию до такой степени, что монахи и монахини «частью из страха, частью из-за нежелания быть осмеянными» бежали из города, и пять ларошельских монастырей опустели. Некоторые монахи усвоили символ новой веры и пополнили ряды протестантов. Источники показывают, что утверждения ряда исследователей о гармонии католицизма и кальвинизма летом — осенью 1561 г. необоснованны⁵⁸. Более того, начинается захват католических церквей протестантами в Ларошели, Пуатье, Орлеане, Туре, Анжере, Мо, Лионе, Монпелье, во всей Гасконии⁵⁹.

Протестантское движение во Франции приобрело такой размах, что правительство вынуждено было признать его офи-

⁵⁵ Ibid., t. I, p. 494; t. II, p. 84, 96—97, 211, 235—236, 254, 258—260, 268, 275; Inventaire-sommaire, série E., t. II, p. 2—4. Характеристика протестантских купеческих семей дана в статье: Трофимова О. В. Социально-политическая борьба в Ларошели (см. выше).

⁵⁶ Barbot A. Histoire de La Rochelle, t. II, p. 163—164.

⁵⁷ Ibid., p. 164, note 1.

⁵⁸ Romier L. Catholiques et Huguenots à la cour de Charles IX. Paris, 1924, p. 255; Baird Ch. W., p. 266.

⁵⁹ Vienot J., t. I, p. 342.

циально. Это признание впервые прозвучало в «Декларации о подавлении смут, рожденных из-за реформированной религии» от 17 января 1562 г., согласно которой протестанты получили право на легальное существование.

Таким образом, документальный материал позволяет установить основные вехи развития реформационного движения в Ларошели, крупном экономическом центре Ониса, Путату, Сентонжа. Его начало связано с распространением лютеранского учения с середины 30-х до начала 40-х годов XVI в. Оно нашло отклик у наименее обеспеченной части населения города и прибрежных островов — рыбаков, солеваров, моряков, слуг. На этом раннем этапе протестантское движение имело неорганизованный характер. С середины 50-х годов происходит интенсивное и успешное распространение кальвинистского вероучения, что выразилось в организации в 1558 г. первой консистории, закрытии католических монастырей, переходе на сторону кальвинизма в течение 1559—1561 гг. как низших слоев населения, так и купеческо-чиновничьей элиты. Если лютеранские идеи проникали, по-видимому, благодаря широким контактам горожан со странами, охваченными Реформацией, то кальвинистские насаждались путем организованной пропаганды, проводимой женевскими пасторами.

Кальвинизм, провозглашавший, что каждый человек независимо от его социального статуса может быть божьим избранником и добиться преуспевания, был поддержан трудовыми низами города, которые испытывали гнет со стороны местной олигархии и королевского налогового аппарата. Кальвинизм нашел своих адептов и в среде наиболее состоятельных горожан, наживавшихся на международной торговле, грабеже испанских кораблей, доставлявших в метрополию богатства американских колоний⁶⁰, всякого рода махинациях при раскладке налогов и т. п. Новое учение как никакое другое соответствовало духу накопительства, выражало интересы и оправдывало с религиозной точки зрения экономическую деятельность и мораль стяжательства нарождавшегося класса буржуазии. Догма Кальвина, писал Ф. Энгельс, «отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии»⁶¹.

⁶⁰ *Otte E.* La Rochelle et l'Espagne. L'expédition de Diego Ingenios à l'île des Perles en 1528. — «Revue d'histoire économique et sociale», vol. 37, 1959, N 1, p. 46—47.

⁶¹ *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22, с. 308.

Но стремление ларошельских буржуа к обогащению в условиях первоначального накопления капитала наталкивалось на постоянные посягательства королевской власти в отношении богатств города путем разрушения барьера налоговых и муниципальных привилегий, возводимого столетиями. Возможность под прикрытием защиты своих религиозных убеждений упрочить привилегированное положение города способствовала необычайному успеху кальвинизма в Ларошели.

В. В. Штокмар

БЕРИК-НА-ТВИДЕ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Берик-на-Твиде (Berwick-on-Tweed) — город, расположенный на границе Англии и Шотландии, испытал все превратности судьбы, которые могут выпасть на долю небольшого пограничного города, многократно переходящего из рук в руки в постоянной борьбе между Англией и Шотландией. Осады, штурмы, бои у стен города, бои на его улицах, а наряду с этим, торжественные встречи и церемонии во время заключения мира или во время переговоров. И Англия, и Шотландия считают город и крепость важнейшим стратегическим пунктом и не жалеют средств на его укрепление.

В 1482 г. английский король Эдуард IV захватил город Берик, замок был осажден и несколько позднее сдался англичанам. С этого времени Берик уже постоянно остается во власти Англии. Содержание гарнизона в Берике обходилось в это время английской казне в 10 тысяч марок в год, что само по себе свидетельствует, сколь большое значение придавала Англия Берик-на-Твиде.

При Ричарде III смешанная англо-шотландская комиссия определила границы города, причем спорная земля осталась незастроенной. В 1502 г. между Генрихом VII Тюдором и шотландским королем Яковом IV был заключен договор, по которому обе стороны обязывались не нападать на Берик. Тогда же в Берике торжественно принимали Маргариту, старшую дочь Генриха VII, выданную замуж за Якова IV. В последующие годы Берик — и место встреч представителей

двух враждующих королевств, и пункт, где заключались мирные договоры, и плацдарм английских войск для вторжения в Шотландию.

В 1550 г. в Берике были проведены значительные ремонтные работы, потребовавшие очень больших затрат, на которые ссылались как на одну из причин проведенной правительством Англии порчи монеты.

В 1552 г. на совершенствование укреплений Берика было потрачено 6000 фунтов¹. Очевидно, эти укрепления были скрыты при Елизавете I, когда она велела перестроить их по новому плану. Укрепив Берик, Елизавета в 1576 г. разместила там гарнизон и утвердила штат военного поселения в городе. Гарнизон состоял из 8 рот мушкетеров: две из них по 100 чел., а остальные по 65 чел. каждая. Платили рядовым в этих ротах 8 пенсов в день. Капитанам больших рот — по 4 шил. в день, капитанам малых рот — по 2 шил. в день. Помимо этого, в состав гарнизона входило 80 всадников под командой 8 констеблей. Всадники получали по 4 пенса в день в дополнение к годовому содержанию в 6 фунтов 13 шил. 4 пенса для каждого. Число пушкарей было увеличено с 28 до 60. В целом на содержание только артиллерии шло более 860 фунтов в год². Лорд правитель Берика имел большой, оплачиваемый казной штат, куда входили и слуги, и лакеи, и солдаты, а также секретарь, капеллан, клерки, герольды и состоящие при правителе джентльмены. Входили в штат и различные ремесленники, подчиненные начальнику артиллерии. Жалование получали также мэр города (10 фунтов) и контролер таможи (5 фунтов). При правителе (им был в это время лорд Хундсон) функционировал Совет. Содержание всего гарнизона, состоявшего из 980 человек, обходилось английскому правительству свыше 12 734 фунтов в год³.

Горожане и городские власти, в том числе и мэр, получавший деньги от казны, часто конфликтовали с лордом правителем и жаловались на него в Лондон. Жалобы эти касались всевозможных злоупотреблений правителя, притеснявшего горожан и ущемлявшего их права⁴.

¹ Fuller J. The History of Berwick-on-Tweed. Newcastle upon Tyne, 1973, p. 128. Сочинение Дж. Фуллера содержит большой документальный материал, освещающий различные стороны истории города.

² Ibid., p. 130.

³ Ibid., p. 132. Сравнить: The Border Papers. Ed. by J. Bain. vols 1—2. Edinburgh, 1894—96, v. 1, p. 8—9.

⁴ Border Papers, v. 1, p. 441, 442—443, 447, 451, 461, 534, 556, 427 etc.

Для города было тягостным и пребывание гарнизона, и то, что спокойствие горожан постоянно было под угрозой в случае пограничного конфликта, набега, не говоря о более серьезных осложнениях. Горожане Берика более остро, чем кто-либо, чувствовали, насколько неустойчиво и опасно положение в так называемых «Пограничных районах». Для Берика какая-то нормализация жизни была возможной только в случае объединения королевств. Все это позволяет считать искренними изъявления радости горожан по поводу объединения корон после смерти Елизаветы Тюдор. 26 марта 1603 г. Якову I Стюарту было отправлено письмо, в котором мэр, олдермены, и община города провозглашали его королем Англии, Франции и Ирландии. Яков I в ответ заверил горожан в своем милостивом к ним отношении и в том, что он утверждает их вольности и привилегии. Когда король, направляясь в Лондон, подошел к Берику, его встретили с почетом и вручили ему ключи от города, которые он тотчас же возвратил горожанам. На рыночной площади мэр передал королю хартию города, которая также была возвращена мэру⁵. Торжества были нарушены обычным для жителей города известием об очередном разбойничьем налете на окрестности. Король послал военный отряд, грабители были разбиты, многие из них захвачены и казнены в Карлайле.

Яков I стремился уничтожить все, что напоминало о прежней границе между двумя королевствами. Пограничные области (Borders) должны были теперь именоваться «Средние графства». Король приказал уничтожить в этих районах все укрепления, кроме резиденций знати. Гарнизоны в Берике и Карлайле подлежали ликвидации. В Берике гарнизон сразу же был сокращен до одной роты (100 чел.). Это само по себе было большим облегчением для жителей Берика, а ликвидация постоянной угрозы военных столкновений на границе ставила город в более нормальные условия развития. Но самое главное — во второй год своего правления в качестве английского короля Яков дал городу обширную хартию⁶. Берик объявлялся свободным городом (Free borough), а его жители свободными горожанами (Free burgesses). Мэр, бейлифы и граждане признавались законной корпорацией со всеми привилегиями, вольностями, юрисдикцией и правами распоряжения имуществом. Корпорация Берика получала печать и пол-

⁵ Fuller J. Op. cit., p. 133—135.

⁶ Fuller J., Op. cit., Appendix, p. 3—45.

ную власть устанавливать конституцию города, ордонансы и законы, какие сочтет для себя полезными и необходимыми, а также право наказывать штрафами нарушителей своих законов, при условии, если это не будет противоречить законам английского королевства. Корпорация имеет мэра и четырех бейлифов, избираемых гражданами города. Город должен иметь одного ученого юриста в качестве уголовного судьи (рекордера), также избираемого гражданами. Мэр, бейлиф и уголовный судья держат в городе судебную курию и каждый вторник проводят судебное разбирательство в соответствии со старыми обычаями. Рассматриваются дела как гражданские, так и уголовные, в частности о вооруженных нападениях, совершенных в городе, пригородах и в округе, а также всевозможные дела о земле, спорном имуществе, долгах, обмане, контрактах, угоне скота и т. п., независимо от суммы, о которой идет речь. Мэр может распоряжаться выморочным имуществом горожан в этом городе. Мэр, бейлифы и граждане могут избирать следователя (коронера) для города, предместьев и округи, а также иметь четырех сержантов (судебных приставов) ⁷.

Город может иметь купеческую гильдию со всеми ее вольностями и привилегиями. Ни один купец, не принадлежащий к этой гильдии, не может торговать в городе, предместьях и округе без разрешения мэра, бейлифов и граждан и не может заключать здесь сделок с другими посторонними купцами, но в то же время любой купец может приехать со своим товаром в Берик, будь он английский подданный или иностранец, получивший лицензию на въезд в страну.

Таким образом, купцы Берика получили привилегии, позволявшие наладить регулярную торговлю. В то же время запрещалось встречать за городом купцов, подъезжающих к Берику по суше или по морю, с целью покупки и последующей перепродажи их товаров или съестных припасов до того, как эти приезжие купцы придут в город и выставят свои товары на продажу. Нарушителям этого правила грозила конфискация товара и тюремное заключение. Посторонний купец, не являющийся членом купеческой гильдии Берика, может продавать любой товар в городе только оптом. Граждане Берика, прикрывающие товары посторонних купцов своим

⁷ Ibid., p. 18.

именем, лишаются своих привилегий. Товары взвешиваются и измеряются местной мерой и весами ⁸.

Все эти пункты обычны для хартий, выдаваемых королем городским купеческим гильдиям. Берик же в начале XVII века по сути дела впервые получает сколько-нибудь нормальные условия ведения торговли, ибо до этого времени, что бы ни говорилось в предшествующих хартиях, он существовал лишь как поселение при крепости, крепости пограничной, подвергающейся осадам, штурмам, разграблению. И хотя Берик получил от английского короля право фирмы в 1307 г., выборное городское самоуправление в 1302 ⁹, все потенциальные возможности успешного экономического развития сводились на нет превратностями пограничной судьбы города.

В хартии Якова I далее следуют пункты, ограждающие права полноправных граждан города (их в это время около 500, не считая членов гильдии, которые могли проживать вне Берика) ¹⁰. По хартии полноправные горожане не могут быть включены в состав судебного жюри вне пределов города, не могут быть принуждаемы короной к военным походам вне города (если не будет специального приказа). Мэр, бейлифы и горожане не должны отвечать за вторжения, захваты, долги, нарушения контрактов и т. п., совершенные не перед мэром и бейлифами города.

Более существенным было то, что горожане освобождались от уплаты пошлин в пределах всего королевства: мостовых, провозных, с груза и при всяких покупках, продажах и перепродажах. Они освобождались также от уплаты всех субсидий, поборов и платежей, десятых и пятнадцатых долей с движимого и недвижимого имущества. Они получили право вывозить зерно всякого рода из гавани Берика, если оно принадлежит им, без поборов и пошлин, иных, нежели взимались раньше.

Горожане могут грузить и отправлять морем уголь, именуемый морским углем, и уголь, называемый каменным углем. Отправлять его они могут на любых судах или баржах из порта в Берике или из любой гавани, принадлежащей к этому порту. Они могут свободно транспортировать уголь в лю-

⁸ Ibid., p. 19.

⁹ Городской совет возник в Берике в 1249 г. (см.: Кириллова А. А. Английский город XIII—XIV веков. — «Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1949, т. 59, вып. 3, с. 69, 91).

¹⁰ Fuller J. Op. cit. Appendix, p. 20—21.

бой порт английского королевства или в любой иной страны за морем без уплаты иных пошлин, нежели взимались издавна.

Все горожане, желающие пользоваться вольностями и привилегиями города, проживающие в городе и входящие в гильдию, должны уплачивать поборы на нужды города, согласно присяге, принесенной ими, когда их допускали к городским привилегиям. В противном случае они теряют право пользоваться привилегиями и вольностями. Все жители Берика, не являющиеся полноправными горожанами, облагаются в пользу города поборами по решению мэра, бейлифов и полноправных горожан. Все собранные суммы тратятся только на нужды города.

В Берике устанавливаются два рыночных дня (среда и суббота) и раз в год — ярмарка, с соблюдением обычных ярмарочных правил, уплатой соответствующих пошлин и поборов и с ярмарочным судом (pewdew court). Город имеет тюрьму; его суд может судить преступников, схваченных как в самом городе (infang theif), так и в округе (outfang theif).

Не менее существенным было и то, что городские власти получали все штрафы и выкупные платежи за любые правонарушения или преступления, совершенные в городе, предместьях и округе. Точно так же городские власти получают право на конфискованное имущество осужденных преступников.

Мэр и бейлифы получают разрешение покупать и получать от кого бы то ни было любые маноры, держания, земли, ренты, десятины, обязательства нести службу и т. п. Всем разрешается жаловать земли городу. Сам король уступил городу земли, прилегающие к городским владениям и считавшиеся домениальными. Отныне Берик должен был платить в казну 20 фунтов в год вместо всех других рет, служб, поборов и платежей¹¹. Парламентский акт того же года утвердил королевскую хартию Берика¹².

Хартия 1604 года была дана городу, оказавшему большие услуги новому королю, городу, который с давних пор имел все основания считать себя столько же шотландским, сколько и английским городом. Это, а также, видимо, и то обстоятельство, что прежний пограничный район все еще оставался не очень спокойным, объясняет большой объем привилегий и

¹¹ Fuller J. Op. cit. App., p. 41.

¹² Ibid., App., p. 46—50.

прав, пожалованных хартией. Кроме того, город получил большие земельные владения. Они должны были давать корпорации изрядную ренту. Большая часть этой земли была поделена на участки, находившиеся во владении фрименов: луга горожан (burgesses meadows или stints). Всего их было 300—400. Практически их держали так называемые senior burgesses или их вдовы, затем эти участки переходили к следующим по старшинству полноправным горожанам.

После получения хартии Берик живет и управляется по своим законам: он имеет свою особую юрисдикцию и не входит ни в одно из соседних графств, хотя сам не имеет статуса графства. Мэр и бейлифы вместе действуют как шериф, исполняя предписания правительства. Хотя Берик имеет свой суд, но истцы могут переносить свои тяжбы в высшие суды.

Управление городом возглавляет Совет, который состоит из мэра, 4 бейлифов, одного олддермена на каждый год и членов—братьев. Вопросы, имеющие отношение ко всей городской корпорации, решаются большинством полноправных горожан. Совет собирается четыре раза в год. Для исполнения его приказов назначаются комиссии. По требованию 12 полноправных горожан мэр может собирать и внеочередные сессии. Сыновья полноправных горожан получают полноправие в 21 год, прочие же, — только пройдя ученичество у полноправного горожанина сроком в семь лет. Требуется очень большой вступительный взнос. Иногда полноправие дается горожанам за особые заслуги, иногда Совет запрещает его давать (например, шотландцам), что было отменено после объединения.

Общее число жителей, очевидно, около 3 000 чел. (для первой половины XVIII века мы имеем цифры 3 816 чел.)¹³. Основной доход корпорации, помимо ренты с земель, составляли пошлины, взимаемые у причалов и у ворот. Ремесло в городе развито минимально. Жил город обслуживанием гарнизона (до объединения), а после 1604 г., используя льготы, предоставленные хартией, развевывает торговую деятельность (зерно, уголь, рыба). Такова судьба пограничного города Берика, утратившего значение важного стратегического пункта в начале XVII века и только тогда приобретшего потенциальные возможности развития.

¹³ Fuller J. Op. cit., p. 264.

В. А. Евсеев

КОМПАНИЯ ТОРГОВЦЕВ УГЛЕМ НЬЮКАСЛА-НА-ТАЙНЕ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

История развития провинциальных городов Англии в позднее средневековье и изменения, происходившие в них как старых центрах цехового ремесла и торговли, за малым исключением еще не были предметом специального исследования советских историков¹. Английские историки интересовались муниципальной историей еще с конца XVIII века, но лишь в последнее время вышел ряд общих работ и статей, посвященных проблеме истории английских провинциальных городов XVI—XVII вв.²

В данной статье делается попытка проследить историю развития торговых компаний одного из крупных провинциальных городов Англии XVI в. — Ньюкасла-на-Тайне, более всего — компании углеторговцев (Hostmen). Для этой цели нами использованы документы этих компаний, издаваемые в Англии в конце XIX — нач. XX вв.³ Это ордонансы, акты, приказы компаний, отчеты их чиновников, списки фрименов и учеников.

По истории Ньюкасла-на-Тайне написано несколько работ. Однако специальной работы, посвященной развитию города в позднее средневековье, нет. Основные труды по истории этого города написаны в XVIII и XIX вв.⁴ Новейшая, 1950 года, работа М. Мидельбрука содержит историю Ньюкасла от его

¹ Штокмар В. В. Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов в XVI веке. — В кн.: Средневековый город, вып. 2. Саратов, 1974, с. 174—182; Петрова С. П. Социальный состав магистрата Йорка в XIV—XVI вв. — Там же, вып. 3, 1975, с. 96—106.

² Thomas J. H. Town government in the XVI century. L., 1933; Crises and order in English towns 1500—1700. Ed. by P. Clark and P. Slack. Toronto, 1972; Town privileges and politics in Tudor and Stuart England. — In: Our history pamphlets, 1958, N 11, p. 1—17; Evans N., Bend Sh. The process of granting charters to English boroughs, 1547—1649. — «English Historical Review», 1976, p. 102—120.

³ Extracts from the records of the Merchant Adventurers of Newcastle-upon-Tyne, v. 1—2. Durham. Edinburgh, 1894, 1899; Extracts from the records of the company of Hostmen of Newcastle-upon-Tyne. Durham. Edinburgh, 1901.

⁴ Brand J. The History and antiquities of the Town and County Newcastle-upon-Tyne, 2v., 1789; Weisford R. History of Newcastle and Gateshead during 14th to 17th centuries (1301—1640). 3v., 1885—1888.

возникновения до середины XX в.⁵ С точки зрения развития угольной промышленности истории Ньюкасла XVI—XVII вв. касался в своей книге Джон Неф⁶.

Ньюкасл-на-Тайне в середине века входил в число наиболее крупных городов Англии. Если в начале XV в. в городе жило около 4 тыс. человек, то в середине XVI в. в нем уже насчитывалось около 10 тыс. жителей⁷. В 1353 г. Ньюкасл, среди 10 прочих английских портов, получает право организации складов для шерсти. Это значительно усилило экспортные возможности его купцов.

В начале XVI в. Ньюкасл получил от короны монопольное право торговли по Тайну от устья и на 20 миль вверх по реке, т. е. все корабли, входящие в Тайн, должны были грузиться и разгружаться только в гавани Ньюкасла⁸.

Шерсть, кожи, свинец вывозили из Ньюкасла во Францию, Фландрию и Северную Германию в XV—XVII вв. Генрих VII в 1505 г. дал Ньюкаслу свободу торговли в Кале.

В конце XV в. появляется новая форма организации купцов Ньюкасла — объединение купцов, торговавших шерстью, сукном, кожами. Это так называемое «товарищество», или «компания». Первое товарищество-компания купцов Ньюкасла было образовано в 1480 г., оно по-прежнему оставалось еще в рамках торговой гильдии города. В мае 1506 г. эта компания получила право на покупку шерсти в окружающих город районах и вывоз ее за границу. При Генрихе VIII было заключено соглашение между этим братством купцов Ньюкасла и лондонской компанией купцов-авантюристов, возникшей еще в начале XV в., о выплате пошлины в 8 фунтов в год в пользу Лондонской компании⁹. До середины XVI в. компания купцов Ньюкасла была местным отделением лондонской компании купцов-авантюристов. Добившись привилегий на экспорт таких товаров, как шерсть, кожи, сукна, компания сконцентрировала в своих руках заморскую и оптовую торговлю и подняла экономическое значение Ньюкасла как самого крупного торгового порта на Севере Англии. Но, Ньюкасльская компания купцов-авантюристов торговала теми же

⁵ Middlebrook M. A. Newcastle upon Tyne. Its growth and achievements. Newcastle, 1950.

⁶ Neff J. U. The Rise of British Coal Industry, v. 1—2. L., 1932.

⁷ Middlebrook M. A. Op. cit., p. 321.

⁸ Grey W. Chronographia or a Survey of Newcastle upon Tyne in 1649. — In: The Harleian Miscellany, v. 3. L., 1745, p. 264.

⁹ Extracts from the records of the Merchant..., v. 1, p. 5, 82, 355.

товарами, что аналогичная Лондонская компания и, конечно, не могла конкурировать с ней на внутреннем и внешнем рынке. Городу был нужен такой новый товар, который дал бы дальнейший толчок развитию его торговли. Этот толчок дала новая компания, которая нашла такой товар.

В начале XVII в. ведущее положение в торговле Ньюкасла и в городском самоуправлении захватывает компания хостменов, или углеторговцев. Термин *Hostmen* в средние века означал в Англии полноправных жителей города, домовладельцев, которым было вменено в обязанность принимать иностранных купцов и купцов из других городов, отвечать за их мирное поведение и наблюдать за продажей и покупкой ими припасов и товаров. Одной из привилегий хостменов было то, что они могли доставлять своим гостям (*Hosts*) такие товары, торговля которыми не была монополизирована какой-либо торговой гильдией, уже имевшейся в этом месте. Кроме того, хостмен имел определенную часть прибыли со сделок своего гостя. Это право «*hosting*» возникло в Англии в XIII в., а в 1318 г. его получил от Эдуарда II и Ньюкасл¹⁰. Парламентские статуты предписывали, чтобы городские власти обеспечивали достаточное количество хостменов для иностранных купцов. Статут 1439 г. запрещал иностранным купцам что-либо продавать друг другу в Англии. В течение 3-х дней иностранный купец должен заявить о себе властям, и те за 4 дня должны назначить ему хостмена. Если хостмен отказывается принимать гостя, а тот не желает идти к нему, то оба штрафуются¹¹. Этот обычай «*foreign bought and foreign sold*» был во всех городах, т. е. чужаки могли продавать и покупать только у фрименов того города, куда они приехали. В Ньюкасле этот обычай «*hosting*» остался, и значение его было усилено статутом Генриха VIII от 1529 г., который гласил, что разгружать товары и продавать их можно только в Ньюкасле¹². В результате этого статута владыки шахт в Дареме и Нортумберленде должны были перенести свою деятельность в Ньюкасл, так как из-за обычая «*foreign bought and foreign sold*» они не могли бы продавать уголь прямо покупателям из других городов.

В Англии XVI в. из-за нехватки дров все большее значение

¹⁰ Extracts from the records of the Company of Hostmen..., p. XVI.

¹¹ Statutes of the Realm... L., 1812—1817, 18 Henr. VI, c. 3, 4.

¹² Ibid., 21, Henr. VIII, c. 18.

в качестве топлива получает уголь. Его используют ремесленники в своем производстве и жители городов, особенно бедняки Лондона. Уголь в районе Ньюкасла стал добываться с конца XIII в. В XV в. экспорт угля из Ньюкасла быстро догоняет экспорт шерсти. Горожане Ньюкасла могли добывать уголь по королевской хартии только в двух местах—рядом с городом, в графстве Нортумберленд¹³. Основные же запасы угля и шахты были на южном берегу Тайна в графстве Дарем и принадлежали церкви. Снабжение углем Лондона и других городов в середине XVI в. шло из шахт епископа Даремского в Гейтсхеде и Викхаме. Судя по акту Генриха VIII от 1529 г.¹⁴, горожане были более заинтересованы в сохранении контроля над экспортом угля по Тайну, чем в его добыче. Поэтому до середины XVI в. между епископом и городом шла борьба за монополию вывоза по Тайну. Горожане пытались заставить епископа продавать уголь только в Ньюкасле и объявили право «*hosting*», т. е. настаивали на том, чтобы фримен города имел часть прибыли в каждой сделке с приезжими купцами. Вот по этой причине хостмены Ньюкасла при Тюдорах стали известны как углеторговцы. За хостменами Ньюкасла было признано право в начале XVI в. продавать их гостям уголь и точильный камень. Они добились практически монополии в продаже своим гостям этих товаров.

Большое значение для Ньюкасла, и особенно для его хостменов, имела Реформация и упадок феодальных и церковных прав. Уничтожение церковных привилегий привело к окончанию долгого спора с епископом Даремским. В 1553 г. герцог Нортумберленд разрешил горожанам Ньюкасла аннексировать у епископа Дарема манор Гейтсхед, но королева Мария восстановила епископа в правах, и эти земли были отрезаны от города. Наиболее важный эффект секуляризации на Тайн-сайте — это быстрый рост угледобычи при Елизавете I и Якове I.

Пока хозяином шахт была церковь, их развитие сдерживалось высокими рентами, краткосрочной арендой и условиями, ограничивающими добычу. После Реформации корона сдала шахты в аренду на более легких условиях предпринимателям, которых к увеличению добычи угля толкал недостаток дровяного топлива по всей стране. В 1583 г. Елизавета сдала в так называемую аренду «*Grand Lease*» шахты Гейтсхеда и

¹³ Middlebrook M. A. Op. cit., p. 41.

¹⁴ Statutes of the Realm..., 21, Henr., c. 18.

Викхама, двум влиятельным купцам Ньюкасла — Генри Андерсону и Вильяму Селби, которые распределили права добычи угля на этих шахтах между ведущими углеторговцами Ньюкасла. Эта «Grand Lease» была постоянным поводом для споров между хостменами и другими купцами и ремесленниками города в течение всего XVII в., ибо плата за участие в этой аренде была высока.

Рост добычи угля в конце XVI — начале XVII вв. был значительный. В конце XV в. в год экспортировалось 15 тыс. тонн угля, в 1565 г. — 35 тыс. тонн, в 1625 г. — 400 тыс. тонн. Каждые 15 лет добыча угля удваивалась¹⁵.

Нет записей о том, как хостмены получили монополию на торговлю углем. По-видимому, используя свое право «hosting», т. е. продавая те товары, торговля которыми еще не была монополизирована другими торговыми компаниями. В XVI в. число хостменов постоянно росло. Очевидно, они развивались как отдельная группа внутри компании купцов-авантюристов, инкорпорированной в 1547 г. и, наверное, имели уже какую-то организацию до своей инкорпорации в 1600 г. В записях компании купцов-авантюристов есть два упоминания о хостменах — в 1518 и 1548 гг., где о них говорится наряду с членами компании купцов-авантюристов¹⁶.

В 1600 г. Елизавета I дала Ньюкаслу великую хартию, которая стоила городу 600 фунтов; хостмены дали притом еще 80 ф. за свою инкорпорацию по этой хартии. Согласно хартии компания получала обычные права. Главное же заключалось в том, что была подтверждена привилегия хостменов на вывоз угля до Тайну только через Ньюкасл. Затем Елизавета I обязала компанию хостменов собирать в пользу королевы пошлину — 1 шиллинг с каждого чалдера (1163 кг) угля или точильного камня, проданного или вывезенного из Ньюкасла¹⁷. Но теперь монополия хостменов базировалась на законе, а корона была заинтересована в получении пошлины, а значит — и в сохранении привилегий компании, и в том, чтобы уголь продавался и вывозился. Эта хартия дала хостменам на долгое время монопольный контроль над экономической жизнью Тайнсайда и над городским самоуправлением. Все меры Ньюкасла с 1600 по 1640 гг., кроме одного, были ведущими членами этой компании¹⁸.

¹⁵ Middlebrook M. A. Op. cit., p. 55—56.

¹⁶ Extracts from the records of the Merchant, v. 1, p. 51.

¹⁷ Extracts from the records of the Company, p. 23, 10—18.

¹⁸ Middlebrook M. A. Op. cit., p. 66.

Хотя для Англии начала XVII в. характерно было недовольство системой монополий, но акт 1623 г. против них не коснулся хостменов. Они укрепляли свою монополию через право допуска в компанию. Они приняли в качестве учеников своих сыновей и сыновей владельцев шахт. Некоторые фримены города, стремившиеся стать членами компании хостменов, допускались в нее в редких случаях, но платили ей огромные вступительные взносы в 10, 20 и даже 30 фунтов¹⁹. Это ограничение допуска членом в компанию было причиной жалобы на нее горожан Ньюкасла в Совет Севера; горожане жаловались также на то, что компания захватила все шахты, повысила цены на уголь. Выслушав стороны, Совет Севера в 1603 г. постановил, что каждый фримен Ньюкасла может быть допущен в компанию хостменов. Сыновья и ученики хостменов платят за допуск 33 шиллинга 4 пенса, а любые другие фримены — 53 шиллинга 4 пенса. Хостмены были недовольны декретом Совета о допуске в компанию фрименов других гильдий. Они игнорировали его и хотели ограничить допуск только своими сыновьями и учениками²⁰.

Регулирование торговли в компании хостменов осуществлялось подобно тому, как это было в компании купцов-авантюристов. Каждому члену компании разрешалось вывозить определенное количество угля в год и не выходить за пределы этой нормы, предоставлять записи о количестве и качестве угля клерку компании; запрещалось покупать уголь у не членом компании, предписывалось правильно платить пошлины и грузить уголь в присутствии чиновников компании и т. п.²¹.

Обратимся к выяснению социального состава компании. Из 168 членом, допущенных в компанию с 1601 по 1651 г., социальный статус можно определить у 82. Из них 47 человек, или более 1/2, — купцы или сыновья купцов, примерно 1/6 — это фримены города и 1/10 — ремесленники. Поэтому можно предположить, что компания хостменов в основном состояла из купцов города. Это те члены компании, которые получили допуск в нее, не проходя срока ученичества, а только за уплату вступительного взноса 53 шиллинга 4 пенса, хотя некоторые платили 10 фунтов и более. У 56 человек, записанных в компанию в 1600 г., при ее инкорпорации, социаль-

¹⁹ Extracts from the records of the Company, p. 21—22, 28, 267.

²⁰ Ibid., p. XLI.

²¹ Ibid., p. 67—87.

ная принадлежность не указана. Причем прием в компанию после 1600 г. составлял всего лишь от 2 до 7 человек в год²². Это опять-таки говорит о замкнутости компании.

При определении социального статуса учеников компании бросается в глаза, что за период с 1603 по 1652 г. записан всего 31 ученик, т. е. в среднем менее 1 ученика в год. Социальная принадлежность дана для 19 учеников: йоменов — 14 человек (73%), джентльменов — 3 человека (17%), 1 сквайр и 1 клерк. Выходцы из верхушки крестьян и новых дворян составляют 95% всех учеников. Происходили они: из Дарема — 45%, Нортумберленда — 19%, Камберленда и Йоркшира — по 10%²³. Как мы видим, 2/3 учеников компании поступали из двух ближайших графств, окружающих Ньюкасл, притом почти половина из Дарема, где были более крупные запасы угля и развита его добыча. Припомним, что компания предпочитала допускать в свои члены тех, кто имел шахты или угольные участки, а не иных фрименов города²⁴. Уголь же как раз был на землях йоменов и джентльменов, и поэтому их сыновья и преобладали среди учеников компании.

В компании хостменов отнюдь не было экономического неравенства. 7—8 наиболее богатых семейств, составлявших примерно четверть всех ее членов, вывозили более половины всего ньюкаслского угля. Причем они постоянно увеличивали свою долю вывоза: в 1617 г. — 55%, а в 1628 г. — 67%, т. е. 2/3 вывоза приходится на их долю²⁵.

Рассмотренный материал позволяет яснее представить, как старый город гильдейской системы приспособивался к новым экономическим условиям XVI—XVII вв. Главным руслом его дальнейшего развития становились крупные торговые компании, осуществлявшие экспорт в больших масштабах. Данных о ремесленниках очень мало, и можно предполагать, что старые ремесленные гильдии города замкнулись, и их продукция шла только на местный рынок, а не на экспорт.

Наиболее ярким показателем того, как город возрождается в новых экономических обстоятельствах, является история торговой компании хостменов. Она стала торговать новым товаром — углем, который поставил Ньюкасл на одно из ведущих мест в экономике Англии конца XVI — начала XVII вв.

²² Ibid., p. 267—269.

²³ Ibid., p. 285.

²⁴ Ibid., p. 21—22.

²⁵ Ibid., p. 64—74.

Н. Ю. Черепенина

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ЛОНДОНСКОЙ БУРЖУАЗИИ В КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

(Из истории так называемых частных плантаций Виргинии)

В конце XVI — начале XVII в. английская буржуазия, и прежде всего богатое лондонское купечество, активно включилось в борьбу за новые рынки сбыта и сырья, за приобретение колоний. Основной организационной формой ее участия в колониальной экспансии являлись компании, созданные как для торговли с заморскими странами, так и для основания переселенческих колоний. В зависимости от степени централизации капитала компании делились на регулируемые и паевые¹. Имели место и смешанные формы, и тенденция к возврату к регулируемой форме. Объединение индивидуальных капиталов, как правило, было временным — на срок, необходимый для осуществления экспедиции или освоения новой территории².

Интересный материал для изучения структуры компании начала XVII в. дают документы Виргинской компании³, в которой наряду с объединенным капиталом допускалось создание отдельными пайщиками малых ассоциаций для организации так называемых частных плантаций⁴. Этот аспект проблемы и будет рассмотрен в данной статье.

В советской историографии вопрос о частных плантациях — поселениях, основанных на территории Виргинии группами пайщиков Виргинской компании, а не корпорацией в целом, — практически не исследовался. Самую общую характеристику их можно найти в работе А. С. Самойло «Английские колонии в Северной Америке в XVII в.»⁵. Нет специальных иссле-

¹ В советской исторической литературе паевые компании XVI—XVII вв. называют также акционерными.

² Scott W. R. The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720, v. 1—3. Washington, 1951, v. 2, p. 247.

³ Полное название компании: «Казначей и компания авантюристов и плантаторов города Лондона для основания первой колонии в Виргинии».

⁴ Particular plantation, в источниках называются также «сотнями».

⁵ Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М., 1963.

дований и в зарубежной литературе. В многочисленных работах по истории Виргинии и Виргинской компании⁶ частным плантациям уделяется мало внимания. Рассматривая плантации только как форму земельного пожалования, исследователи не пытаются проследить их взаимоотношения с колонией. Совершенно не разработан вопрос об ассоциациях, основанных на подобных поселениях, о влиянии этих ассоциаций на характер компании.

Возникновение частных плантаций было важным этапом в решении земельного вопроса в Виргинии. Вначале Виргинская компания обещала пайщикам часть доходов, полученных от колонии, соответствующую количеству внесенных павев (один пай равнялся 12 ф. 10 ш.) и участок земли⁷. При этом доходы от торговли, разработки рудников и т. п. предполагалось выплачивать по мере их получения, а раздел земли произвести спустя некоторое время после завоевания и освоения необходимой территории.

Несмотря на значительные затраты компании, освоение новых земель шло медленно. В условиях непривычного климата, страдая от болезней, голода, ведя борьбу с местными племенами индейцев, горсточка колонистов жалась к берегам Чесапикского залива и реки Джемса. И если в 1608 г. компания обещала на каждый пай 500 акров⁸, то в 1616 г., когда начался процесс раздачи земли пайщикам, речь шла уже о 50 акрах⁹. Впоследствии была установлена норма 100 акров на пай, и только после того, как владельцы освоят эти земли, предполагалось произвести второй раздел и дать дополнительно по 200 акров на пай. Раздача пайщикам земельных участков привлекла в компанию новых членов. По данным Т. Рэбба, за 1613—1615 гг. была проведена подписка на 2 пая, в 1616 — на 6, в 1617 — на 17, в 1618 — на 125¹⁰. При этом главной целью новых пайщиков являлось приобретение земель, и их пай представляли собой плату за участки в Виргинии.

Но даже самый богатый пайщик не мог самостоятельно организовать экспедицию за океан, так как для этого требо-

⁶ См.: Swem E. G. A Select Bibliography of Virginia, 1607—1699, Williamsburg, 1957.

⁷ Robinson W. S. Mother Earth—Land Grants in Virginia, 1607—1699, Williamsburg, 1957, p. 12.

⁸ Force P. Tracts and other Papers, v. 1—4. N. Y., 1947, v. 1, N 6, p. 23.

⁹ Morthon R. Colonial Virginia. Chapel Hill, 1960, v. 1, p. 46.

¹⁰ Rabb Th. The Enterprise and the Empire. Cambridge, 1967, p. 90.

вались огромные средства. Поэтому, стремясь как можно скорее освоить свои владения в Виргинии, отдельные пайщики объединяются в «ассоциации для организации частных плантаций», заключают с компанией соглашения и получают патенты на основание собственных поселений. Первые подобные ассоциации возникли в 1616 г., но форма их организации, порядок выдачи патентов определились позже и были зафиксированы в инструкциях правителю Виргинии (ноябрь 1618 г.) и в «Законах и устройстве компании» (1619—1620 гг.)¹¹. Компания стремилась взять под строгий контроль выдачу всех патентов на основание частных плантаций и не допустить их смешения с «общей» или «основной» колонией, принадлежавшей самой компании. Для получения патента необходимо было представить в Королевский совет Виргинии свидетельство об уплате пая (bill of adventure), затем составлялось соглашение (indenture), которое проверялось Советом и утверждалось общим собранием пайщиков. В ассоциации могли входить как пайщики компании («авантюристы»), так и плантаторы, но запрещалось выдавать патенты не членам компании, включать в состав ассоциации новых членов без ведома Совета и общего собрания. Поселения следовало располагать на расстоянии пяти миль от основной колонии и десяти миль от других частных плантаций¹². Общее собрание пайщиков Виргинской компании, состоявшееся в Лондоне 2 февраля 1620 г., разрешило совладельцам частных плантаций, отправляющим в Америку сервентов (за контрактных рабочих) за свой счет, «до того, как форма управления будет установлена компанией, принимать решения, ордонансы и постановления для лучшего управления сервентами и делами при условии, что их законы не будут противоречить законам Англии»¹³.

В инструкциях правителю 1618 г. устанавливался также ряд положений, обязательных для всех колонистов частных плантаций: при военной опасности они должны были подчиняться правителю основной колонии, на всей территории Виргинии вводился единый суд, не разрешалось разводить только табак, пренебрегая производством зерна, винограда, шелка. В случае открытия месторождений драгоценных металлов

¹¹ The Records of the Virginia Company of London. Ed. S. Kingsbury, v. 1—4. Washington, 1906—1935, v. 3, p. 98—109, 360—365.

¹² Компания стремилась избежать споров о земельных границах и не допустить переманивания ее рабочих на частные плантации.

¹³ Records, v. 1, p. 303.

владельцы плантации были обязаны 1/5 часть добычи отправлять королю и 1/5 — компании.

Таким образом, в рамках основной паевой компании допускалось существование более мелких объединений, которые не столько являлись ее дочерними предприятиями, сколько конкурентами¹⁴. В отношениях между компанией и ассоциациями для основания частных плантаций прослеживаются две противоположные тенденции. С одной стороны, идя навстречу владельцам плантаций, которые сами являлись членами корпорации, стремясь привлечь их капиталы к освоению колонии, Виргинская компания предоставляла им широкие права, и ассоциации превратились в полунезависимые компании. С другой стороны, реальная обстановка в колонии требовала централизации средств и усилий. Разбросанность поселений, отсутствие общего руководства ослабляли колонистов в борьбе с индейцами, чрезмерное увлечение посевами табака приводило к голоду. К тому же разобщенность плантаций и острая нехватка рабочей силы способствовали бегству и переманиванию сервентов от хозяев. Не случайно именно эти вопросы обсуждались на Генеральной ассамблее Виргинии, которая собралась в июле 1619 г. в Джемстауне, и в протоколах которой было записано: «Установление равного и единообразного управления над всей Виргинией — наша цель»¹⁵. Ликвидация Виргинской компании в 1624 г. и объявление Виргинии королевской колонией означало победу второй, централизаторской тенденции.

Изучение каждой отдельной ассоциации затруднено скудостью источников, поэтому особый интерес вызывает комплекс документов частной плантации Ричарда Беркли. 3 февраля 1619 г. сэр У. Трогмортон, сэр Дж. Ирдли, правитель Виргинии, Р. Беркли, Дж. Торп и Дж. Смит, эсквайры, заключили с Виргинской компанией соглашение, по которому подписывались на 45 паев стоимостью 12 ф. 10 ш. каждый и обещали выплатить все 562 ф. 10 ш. в течение года¹⁶. На каждый пай компаньоны получали 150 акров земли: 100 по

¹⁴ Уже в 1619 г. на общих собраниях пайщиков отмечалось, что компания несет очень большие убытки из-за ввоза в Англию владельцами патентов табака и других товаров.

¹⁵ The Narratives of the Early Virginia. Ed. L. Tyler. N. Y., 1907, p. 256.

¹⁶ Эта сумма так и не была выплачена, см. списки авантюристов (Records, v. 3, p. 75—85). Авантюристы довольно часто отказывались от уплаты паев, на которые ранее подписывались — в июле 1620 г. их долг компании составил 16 тыс. ф.

обычной норме, а 50 дополнительно для строительства и содержания школы и церкви. Пятьдесят акров полагалось также на каждого человека, перевезенного за счет компаньонов в Виргинию. Владельцы сотни Беркли, как стала называться новая плантация, могли свободно торговать в своем поселении, платя только пошлины королю, а через семь лет они должны были получить статус корпорации с правом самим устанавливать законы и порядки в поселении. Ассоциация для организации частной плантации Беркли была основана на акционерных началах. Компаньоны обязались поровну оплачивать все расходы и совместно рассматривать возникающие вопросы, для принятия решения необходимо было согласие трех пайщиков из пяти¹⁷.

В течение лета 1619 г. шла подготовка экспедиции — был зафрахтован корабль «Маргарет», закуплены разнообразные товары, начиная от бус и кончая 24 мушкетами, снаряжены 36 человек¹⁸. В инструкциях управляющему ассоциация рекомендовала с помощью Дж. Ирдли¹⁹ выбрать место для поселения на берегу реки, расчистить 400 акров леса, оградить участок забором в 7,5 футов высотой, отвести место для выгона скота, засеять участок табаком, насадить виноградную лозу. Предполагалось построить жилые дома, склад для оружия и инструментов, специальный дом для собраний колонистов, общих молитв и трапез. Расходы на снаряжение корабля превысили 1200 ф., только на закупку товаров в июле—сентябре 1619 г. потребовался 891 ф. 1 п.²⁰ 15 сентября 1619 г. «Маргарет» покинула Бристоль и 4 декабря благополучно бросила якорь вблизи Джемстауна. В феврале 1620 г. на корабле, зафрахтованном Виргинской компанией, в Америку отправился один из компаньонов — Дж. Торп, везя с собой трех переселенцев и шесть коров. Расходы на вторую экспедицию составили 126 ф. 5 ш. 8 п.²¹

Частная плантация Беркли, основанная на левом берегу реки Джемса в 66 милях от «столицы» Виргинии Джемстауна, как и вся колония в целом, не окупала средств, затраченных

¹⁷ Ibid., v. 3, p. 201—207.

¹⁸ Records, v. 3, p. 210—211, 213.

¹⁹ Дж. Ирдли в ноябре 1618 г. был избран правителем Виргинии и с апреля 1619 г. находился в Америке. Он обещал прислать в счет своей доли (450 ф.) виргинские товары.

²⁰ Records, v. 3, p. 178—183.

²¹ Ibid., p. 263.

на ее основание, и постепенно ослабевала²². В мае 1620 г. самый богатый и влиятельный пайщик Дж. Трогмортон продал за 75 ф. свое право на участие в делах сотни У. Трейси²³. Новый компаньон энергично взялся за подготовку третьей экспедиции. Эта экспедиция из 56 человек²⁴, отправившаяся в Виргинию 18 сентября 1620 г., оказалась последней. Она обошлась компаньонам в крупную сумму — 702 ф. 10 ш. 6 п.²⁵, деньги были собраны с большим трудом, а сам Трейси перед отплытием в Америку попал в долговую тюрьму и только благодаря ходатайствам друзей получил освобождение. Уже после отплытия экспедиции в ассоциацию вошел еще один компаньон — Роберт Олдуотер, который совместно с Дж. Смитом выкупил за 50 ф. одну четвертую часть пая Дж. Торпа²⁶. В следующем году ассоциация сотни Беркли истратила 266 ф. 9 ш. 11 п. для поддержки колонистов²⁷. В марте 1622 г. плантации был нанесен сильный удар — в результате нападения индейцев погибло 27 человек, в том числе управляющий Трейси с семьей. В августе 1622 г. в живых оставался 21 человек, часть из них впоследствии переселилась на другие плантации, и в январе 1624 г. в поселении Беркли проживало всего 16 колонистов²⁸. Таким образом, затратив в общей сложности 2346 ф. и отправив в колонию 96 человек, ассоциация для организации частной плантации Беркли потерпела неудачу.

Виргинская компания довольно широко практиковала раздачу патентов на основание частных плантаций. По данным сохранившихся протоколов, с июня 1619 г. по июнь 1624 г.²⁹ общие собрания пайщиков обсуждали выдачу 65 патентов, из них 53 были утверждены всеобщими или квартальными куриями. В течение 1616—1618 гг. компания выдала 6 патентов³⁰, в 1619 г. — 11³¹, а общее число пожалований составля-

²² 1619—1620 гг. были очень тяжелыми для всей колонии, только в 1619 г. в Виргинии умерло около 300 человек (*Ibid.*, v. 1, p. 319).

²³ *Ibid.*, v. 3, p. 271—273.

²⁴ Из 56 человек — 4 остались в Ирландии, 2 уехали обратно в Англию, 17 умерло, 7 были убиты (*Records*, v. 3, p. 397).

²⁵ *Ibid.*, p. 392.

²⁶ *Ibid.*, p. 412—414.

²⁷ *Ibid.*, p. 402—404.

²⁸ *Hatch Ch. The First Seventeen Years. Virginia, 1607—1624. Williamsburg, 1957, p. 46.*

²⁹ Последние патенты были выданы летом 1623 г.

³⁰ *Robinson W.*, p. 20.

³¹ *Records*, v. 1, p. 350.

ло 68—72 патента³². Далеко не каждый обладатель разрешения на основание плантации сумел организовать экспедицию за океан, и лишь единицы основали жизнеспособные поселения. Из 65 человек, чьи имена упоминаются в протоколах общих собраний в связи с выдачей им патентов, только 10 имели в Виргинии поселения, которые к тому же разительно отличались от планируемых. Так, капитан Бэсс собирался перевезти 100 человек, а в 1625 г. в его поселении проживало только 12³³, некто Беннет вместо 200 имел только 16³⁴, некто Гукинс вместо 300—20³⁵. Даже самые крупные плантации, основанные заправилами Виргинской компании, испытывали значительные трудности. Например, сотня Мартина, владельцы которой в 1619 г. послали 200 человек, в 1625 г. имела 31 жителя³⁶.

В начале XVII в. центром английской колониальной экспансии был Лондон, где находилось подавляющее большинство корпораций, связанных с организацией колониальных экспедиций³⁷. Виргинская компания, созданная специально для основания переселенческой колонии на территории Северной Америки, была среди них одной из крупнейших — по своим общим капиталам она уступала только Ост-Индской компании³⁸. Однако условия колонизации Виргинии сильно отличались от того, с чем встречались и о чем знали англичане ранее. Компания впервые столкнулась с задачей не простого ограбления страны (как Испания в Южной и Центральной

³² По данным М. Харриса — 72 патента (*Harris M. Origin of the Land System in the U. S. N. Y.*, 1967, p. 188). Р. Мортон — 70 (*Morton R. Op. cit.*, p. 62), У. Робинса за 1619—1623 гг. — 44 патента (*Robinson W. Op. cit.*, p. 20). Разница в подсчетах объясняется неполнотой и противоречивостью источников. Протоколы общих собраний пайщиков Виргинской компании сохранились только с июля 1619 г., часто они дают очень краткие сведения о выдаче патентов, не раскрывают состава ассоциаций, нередко встречаются искажения в именах, не все патенты оформлены надлежащим образом, некоторые пайщики участвовали в нескольких ассоциациях. Следует также учитывать, что члены ассоциаций получали землю не только как пайщики, т. е. по «праву денег» (*treasure right*), но и за перевоз своих людей в колонию (*head right*), а некоторые компаньоны, будучи сами колонистами с большим стажем, получали землю на правах «старых авантюристов» (*Old adventure*).

³³ *Records*, v. 1, p. 579, 584; *Hatch Ch.*, p. 89.

³⁴ *Ibid.*, p. 534, 562; *Hatch Ch.*, p. 88.

³⁵ *Ibid.*, p. 502, 554; *Hatch Ch.*, p. 100.

³⁶ *Ibid.*, p. 350; *Hatch Ch.*, p. 106.

³⁷ *Rabb Th.*, p. 22—24.

³⁸ *Ibid.*, p. 104.

Америке), не установления прибыльной торговли (как сама Англия в России и Индии), а с задачей организации поселения, которое бы производило выгодные для продажи товары — табак, шелк, вино, строительные материалы и т. п. Не сумев создать крупное централизованное хозяйство, корпорация искала новые формы освоения колонии. Раздавая патенты на частные плантации как компенсацию за пай, внесенные акционерами, компания фактически продавала американские земли английским купцам и джентри³⁹. Последующие перепродажи участков в сочетании с другими формами пожалованных земель (за службу, за перевозку сервентов, за личное плавание в колонию) приводили к сосредоточению у отдельных пайщиков огромных владений — у крупнейшей сотни Мартина они равнялись 800 000 акров⁴⁰. Несмотря на большие потери, частные плантации расширили колонию: в 1620 г. им принадлежало 6 поселений из 11⁴¹, а в 1619 г. одна треть всех переселенцев (390 человек из 1211)⁴² отправилась в Америку за счет владельцев частных плантаций.

Одновременно с раздачей земли пайщикам Виргинская компания должна была разрешить им их самостоятельное освоение, что привело к изменению ее структуры, к возникновению автономных ассоциаций в рамках большой корпорации. Сумма капиталов, затраченных отдельными пайщиками на развитие своих собственных поселений и на торговые экспедиции, значительно превышала размер объединенного капитала компании: к 1623 г. ее общие издержки составили 200 000 ф., из них только 36 862 ф. 2 ш. 9 п. были внесены самой корпорацией⁴³.

Ассоциации, сохранявшие определенную самостоятельность по отношению к компании и основанные на акционерном принципе, явились главной организационной формой, в которой английское купечество и джентри осуществили колонизацию Виргинии — первой английской колонии на территории Северной Америки.

³⁹ Как правило, купцы финансировали организацию новых поселений, а джентри выступали в роли организаторов и руководителей.

⁴⁰ Records, v. 4, p. 559.

⁴¹ Ibid., v. 3, p. 115.

⁴² Ibid., v. 1, p. 314.

⁴³ Scott W., v. 2, p. 184.

А. П. Батулин

МАЛОПОЛЬСКАЯ ШЛЯХТА И ГОРОД В XVII в

Прогрессирующий упадок городов в Польше и бесправие горожан находят достоверное отражение в источниках XVII в. Речь об этом заходила даже в дворянской публицистике того времени. Один из наиболее известных политических писателей XVII столетия Шимон Старовольский, отмечая рост дороговизны в стране, падение ремесла и торговли, писал около 1650 г., что «никогда еще Польша не была столь бедна и слаба... города разорены из-за постоянных переходов войск..., горожане бегут в Силезию, Венгрию, Пруссию...»¹. В упадке городов, по мнению Старовольского, во многом повинна шляхта, которая «вывозит зерно и скот за границу, лишая горожан хлеба», «не платит государству пошлин» и т. п.² Ущемление интересов мещанства отмечал также Анжей Цесельский: «Как же ремесленники и прочие могут спокойно существовать и работать, если мы (шляхта. — А. Б.) на своих дворах содержим достаточно пивоваров, пивниц, корчем и пр.? И не диво, что города и местечки от этого попадают в беду...»³. В анонимном трактате середины XVII в. «Беседа об умножении городов в Польше» автор — шляхтич призывал уделить самое пристальное внимание городам и горожанам. Считая, что город может свободно расти и развиваться лишь при условии нерушимости его прав и привилегий, он требует, «чтобы мещанин не был у нас так презираем... чтобы мещанское сословие пользовалось надлежащим уважением, а не стыдилось бы своего происхождения»⁴.

Насколько эти идеи находили отклик в среде шляхты? В чем реально выражалась ее политика относительно города и горожан? Судить об этом позволяет деятельность сеймиков — региональных съездов польского дворянства, на которых обсуждались, наряду с местными делами, всевозможные вопросы внутренней и внешней политики. Поднимались в том числе

¹ Starowski Sz. Reformacja obyczajów polskich. Kraków, 1859, s. 25, 70, 176.

² Ibid.

³ Ciesielski A. Mowa o obronie Królestwa... — In: Merkantylistyczna myśl ekonomiczna w Polsce XVI i XVII wieku. Wybór pism. Warszawa, 1958, s. 8—9.

⁴ Ibid., s. 360—363.

и вопросы, касающиеся городов и мещанства, хотя сами горожане, кроме представителей Кракова, были лишены права представительства.

В основу настоящей статьи положены акты краковского сеймика, изданные С. Кутшебой и А. Пшибосем⁵. В публикацию наряду с универсалами (обсуждавшимися на сеймике постановлениями сейма), разного рода решениями, инструкциями и другими актами вошли сеймиковые дневники, речи депутатов сеймика, письма сеймиков и к сеймикам. Дневники сеймика сохранились в отрывках и приходится в основном опираться на готовые инструкции, имеющиеся за каждый год. Для анализа взят период в последней четверти XVI в. до военных потрясений середины XVII в. (в целом в публикацию вошли документы с 1572 по 1660 гг.).

Краковский сеймик не допускал в свой состав мещан. Составлявшие исключение представители Кракова практически права голоса не имели⁶. Более того, сеймик, на котором доминировало среднее дворянство, нередко выступает как орудие борьбы шляхты против мещанства. Особо часто на сеймике поднимался вопрос о проникновении в шляхетское сословие мещан, или «людей плебейского звания». Такого рода «новая шляхта» встречалась в штыки шляхтой потомственной, родовой. «Чтобы шляхетства никому не давали, кроме заслуживших его на войне и одобренных сенаторами и нашими послами на сейме» — требуют представители сеймика (т. I, с. 193, 234). «Численность шляхты значительно возросла за счет плебеев и мещан, — сетует шляхта, требуя, — заставить их нести военную службу», «не допускать на сеймик», «запретить покупать земские имуществы, так как от этого сокращается военная служба... а те, кто их держат, пусть отдают половину доходов на уплату жалования солдатам...» (т. I, с. 211, 227, 256, то же в дальнейшем неоднократно повторялось). Однако повторявшиеся на всем протяжении последней четверти XVI — первой половины XVII вв. требования запретить покупку мещанами земель и нобилитации указывают на то, что эта практика не только не сокращалась, а скорее становилась более

⁵ Akta sejmikowe województwa krakowskiego. Wyd. Kutszeba S., Kraków, 1932, t. 2. Wyd. Przyboś A. Kraków, 1953. В дальнейшем ссылки см. в тексте.

⁶ Urban W. Skład społeczny i ideologia sejmiku krakowskiego w latach 1672—1606. Przegląd historyczny, XLIV, z. 3. Warszawa, 1953, s. 313, 328.

частой⁷. Предложения же сеймика наказывать шляхтичей, «идущих наговор с плебеями и мещанами» (т. I, с. 256), говорят о том, что, по-видимому, иные шляхтичи сами способствовали нарушению запретов приобретения мещанами земель. Продавая свои земли, они тем самым увеличивали численность «новой шляхты».

Укрепляя добытые ранее привилегии, шляхта стремилась ущемить и без того ограниченные права мещанства. Так, касаясь судопроизводства, сеймик напоминал, что тяжбу между шляхтичем и мещанином должен решать не городской суд, а земский (т. I, с. 217, 394, т. II, с. 125). Приводя примеры медленного разбора дел между мещанами и «притесненными с их стороны шляхтичами», недовольные дворяне требуют более быстрого решения тяжб, и «по справедливости для людей шляхетского сословия...» (т. I, с. 186). И уж из ряда вон выходящим событием, по мнению шляхты, являлись случаи неподчинения мещан решению сеймика, сейма или высшей судебной инстанции — трибунала. В сеймиковой инструкции 1630 г. выдвинуто требование наложить штраф на горожан Кракова, которые, «забыв общие законы и силу трибуналов, постановления которых являются священными и обязательными даже для сейма, осмелились начать тяжбу против пана Дембинского, посланного трибуналом для проведения в жизнь одного из его постановлений» (т. II, с. 125).

Обращая внимание на злоупотребления городских властей при уплате налогов, шляхта ревностно следит за полной и своевременной выплатой городами и горожанами положенных сумм. Сеймик призывает королевских комиссаров следить за купцами, которые «всевозможными уловками избегают уплаты пошлин» (т. I, с. 335—336), выступает против приобретения частновладельческими городами новых льгот и привилегий без согласия сеймика, «поскольку это сокращает поступления в казну» (т. II, с. 239). Королевским комиссарам и старостам предлагалось ежегодно заслушивать отчеты городских властей о доходах города. «Шос⁸ должно платить не по старым, а по новым записям, под обязательной присягой представителей города» — требовала шляхта (т. I, с. 189, 394). Почти на каждом сеймике шляхта добивалась посылки ревизоров в тот или иной город для проверки доходов и ис-

⁷ См.: Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975, с. 92—93.

⁸ Налог с недвижимости.

правной выплаты налогов. Подобного рода требования отражали определенную тенденциозность сеймиковых актов. Злоупотребления при сборе налогов — вопрос больной для Речи Посполитой. Однако на сеймике об этом говорится односторонне, отмечаются злоупотребления лишь со стороны городов и мещанства, умалчивается о шляхте, которая сплошь и рядом при составлении податных реестров подавала преуменьшенные данные о размерах крестьянских наделов, количестве крестьян и прочем в своих имениях⁹.

Постоянно обсуждались на сеймике вопросы, связанные с торговлей. Его представители на сейм получают предписания требовать отмены «водных», «мостовых» и прочих пошлин с провозимых шляхтой товаров, как «противных публичному праву». Напоминая, что со сплаваемого к Гданьску и Эльбэнгу хлеба, лесных и прочих товаров должны платить пошлины все, сеймик непременно оговаривает — «кроме шляхты...» (т. I, с. 83). Около двух десятков раз поднимался на сеймике вопрос о торговле вином и пивом. Отстаивая свои привилегии, шляхта добивается запрета ввозить эти напитки из-за границы, «а тех из мещан, кто продает или покупает такое вино, наказывать конфискацией оного и штрафом...» вместе с тем — «людям шляхетского звания должно быть вольно посылать за вином в Венгрию» (т. I, с. 235, 236, 246, 255). Добиваясь того, чтобы все везущие вино и пиво из городов в местечки и деревни облагались побором, сеймик оговаривается — «за исключением шляхетских пивоваров...» (т. I, с. 82). И хотя шляхта признает пропинационные привилегии Кракова, они на деле, по-видимому, нарушались, ибо краковские пивовары вынуждены были обращаться к сеймику с просьбой, чтобы побор с них взимался в прежнем размере и «постановления старых королей и настоящего по этому поводу не нарушались» (т. I, с. 347). На сеймике 1637 г. обращено внимание на состояние краковских мельниц, которые несут убытки от большого количества привозного пива. «Поэтому и шляхетский хлеб не может быть скупен», — жалуется шляхта (т. II, с. 219), видимо, имея в виду падение спроса на хлеб со стороны местных пивоваров и, как следствие, сокращение доходов мельниц от помола солода. Предлагаемый

⁹ См. напр.: *Kula W. Stan i potrzeby badan nad demografią historyczną, dawniej Polski. Roczn. dziejów społecznych i gospodarczych*, t. XIII, 1951; *Górska K. Przyczynek do krytyki rejestrów poborowych z XVI w. Studia źródłoznawcze*, t. I. Warszawa, 1957.

при этом запрет не ввозить пива из-за границы ограждал интересы не столько городских мельниц, сколько самой шляхты, нуждавшейся в краковском рынке, с которым она была связана достаточно тесно. Вывозя на городской рынок хлеб, скот и прочие товары, шляхта наблюдает даже за местом проведения торгов — требует у городских властей Кракова привести в порядок городской рынок, который «расположен на неудобном месте... деревянные настилы, палатки и прочие постройки обветшали, что опасно как для скота, так и для людей» (т. II, с. 285). Обращается также шляхта к городским властям с требованием содержать в порядке дороги и мосты.

Активное участие шляхты в торговле заставляло ее проявлять известную заботу об обеспечении условий торговли и даже иногда, хотя бы на словах, — заботу о городах. На всем протяжении последней четверти XVI — первой половины XVII вв. сеймовым послам от краковщины предписывалось требовать упорядочения по всей Короне мер и весов, и «чтобы воеводы и городские власти следили за этим» (т. I, с. 189, примерно та же формулировка повторялась более десяти раз). Шляхта выступала против участвовавшей практики отдачи пошлин на откуп, требуя обязательного согласия на этой сейме, — «чтобы эти новшества не становились отягощением для купцов» (т. I, с. 201). На сеймиках 1603, 1622, 1624, 1642, 1647 гг. выдвигались требования, направленные против иностранных купцов¹⁰. Активно торговавшая шляхта не оставалась безучастной к остро обозначившемуся в конце XVI — первой половине XVII вв. так называемому «монетному кризису»¹¹. По существу ни один сеймик не проходил мимо вопроса о состоянии монеты и требования ее «улучшения». Шляхта настаивала на запрете вывоза из страны золота и серебра, ибо «...все, что дают наши недра, отправляется в чужие страны» (т. II, с. 185), на пресечении мошенничества со стороны «прежде всего евреев и иностранцев», на том, чтобы наладить контроль за чеканкой монеты со стороны королевской казны, так как «из-за плохой монеты и роста дороговизны всякие трудности в стране и, упаси бог, может произойти бунт» (т. II, с. 46, 47). Более

¹⁰ «Венгры, покупающие у нас скот и другие товары, должны платить пошлины такие же, какие берут с нас в Венгрии (т. I, с. 236). «Чтобы не привозили товаров иноземных выше установленного количества» (т. II, с. 332). «Следить за иноземными купцами, чтобы не привозили худую и фальшивую монету» (т. II, с. 12, 35, 276).

¹¹ См.: *Sadowski Z. Pieniąz a początki upadku Rzeczypospolitej w XVII w.* Warszawa, 1964.

того, отметив, что в Кракове шляхта и духовенство вопреки праву скупили много домов и не платят податей, сеймик 1627 г. потребовал проверить положение дел и заставить виновных платить установленные подати (т. II, с. 95). Сеймовым послам неоднократно поручалось просить сейм об освобождении на ряд лет от побора и субсидии городам: Новому Сончу, Прошовицам, Ксенжцу, Лелеву — пострадавшим от пожаров, Освенциму, Усьцю, Анжейову и другим — пострадавшим от мора и грабежей солдат (т. I, с. 259, 282, 364, 385, 408; т. II, с. 53, 74). На сеймике оговаривались особые права и привилегии Кракова, как города «столичного, много сделавшего на благо родины». В 1590 г. шляхетские посланцы на сейм получили инструкцию с просьбой отменить некоторые новые пошлины на краковские товары (т. I, с. 361). Подобного рода просьбы в дальнейшем неоднократно повторялись. Поддерживая повторяющиеся петиции краковских мещан, сеймик просил короля вернуть им долг в 12 тысяч злотых и помочь «в других делах» (т. I, с. 257, 280, 323, 338; т. II, с. 363). Выходя за пределы своего воеводства, сеймик нередко, хотя бы на словах, выступал в защиту прав и привилегий портовых городов, прежде всего Гданьска и Эльбэнга, «от которых зависят все наши достатки и государство польское большие выгоды имеет» (т. I, с. 338, 345, 348; т. II, с. 68, 80).

Обращая внимание на рост числа «своевольных», «разбойных» и прочих тому подобных людей, шляхта стремилась обезопасить от их «бесчинств» столицу. Сеймик требовал от городских властей принимать самые решительные меры против «своевольников», а также разного рода «гулящих», «убогих», — «высылать их из города, кроме тех, кто находится в госпиталях», «чтобы в Кракове жили только те, кто занимается ремеслом или торговлей... усилить охрану купцов... ловить и беспощадно расправляться с разного рода бродягами, бездельниками, разбойниками» (т. I, с. 7, 8, 345; т. II, с. 24, 25, 27, 35, 300)¹². Эти меры, впрочем, диктовались в первую очередь заботой помещиков об удержании своих крепостных («гулящие», «убогие» и прочие в большинстве

¹² Неоднократно на сеймике поднимался вопрос о пресечении бесчинств краковских студентов, которые «не признают никаких прав, никакого порядка... избивали ряд уважаемых людей...» «Жалобы ректору, констатируют делегаты сеймика, ни к чему не приводят...» (т. II, с. 242). Призывает сеймик городские власти покончить с разного рода беспорядками, связанными с похоронами людей различного вероисповедания, борьбой между краковской Академией и иезуитами, и пр.

своем не кто иные, как бегущие из деревни крестьяне)¹³.

Акты краковского сеймика содержат некоторые сведения об экономических трудностях, переживаемых страной, в частности и городами, в XVII в. Характерно при этом, что говоря о бедственном положении того или иного города или местечка, шляхетский сеймик в качестве причин называет всегда одно и то же — пожары, мор, нападения врагов (в основном на пограничные города), грабежи и бесчинства со стороны солдат... Вопросы о пагубном влиянии на развитие города господствующих в стране барщинных порядков на сеймике не всплывали. Вместе с тем частые требования сеймика проверять, чтобы городские власти отдавали шос «не по старым, а по новым записям», наталкивает на мысль, что города, о которых идет речь, в конце XVI — первой половине XVII вв. не всегда находились в состоянии упадка. Очевидно, эти «новые» записи предполагали более высокий шос в сравнении со «старыми», — в противном случае было бы абсурдным предположить, что горожане стремились платить по-старому, т. е. больше, чем полагалось... Повышение же налога относительно приходящих в упадок городов представляется сомнительным.

Хотя материал краковского сеймика не дает полного представления о состоянии польского города и взаимоотношениях мещанства со шляхтой, он является важным источником, показывающим повседневную практику шляхетского съезда и отношение краковской шляхты к различным вопросам городской жизни. Как мы видели, отношение сеймика к мещанам двойственно. С одной стороны, мещане — враждебная и конкурирующая социальная сила, с другой — торговые интересы шляхты толкали ее к постоянным контактам с городами и горожанами. Первый аспект проявлялся прежде всего в стремлении шляхты за счет мещан расширить приобретенные ранее экономические и политические права и привилегии. Второй — в поддержке, хотя бы словесной, Кракова и других городов в различного рода вопросах, главным образом относительно податей, а также охраны мещан от «своевольных людей» и т. п. Хотя враждебное отношение шляхты к мещанству на сеймике доминирует, было бы не совсем верно видеть только

¹³ «Чтобы людей, которые бежали от своих панов, пограничные старосты не выпускали из Короны за границу в поисках работы...» (т. I, с. 67). «Многих беглых и должников вывозят венгры, продающие вино... не допускать этого, возвращать оных» (т. II, с. 217), — требует шляхта.

эту сторону дела, что характерно для многих работ, касающихся взаимоотношений польских городов и шляхты. Объективно верный вывод о том, что шляхетская политика вредила развитию городов, требует конкретизации, уточнения различных оттенков этой достаточно противоречивой политики.

В целом материал краковского сеймика более чем за 70 лет (последняя четверть XVI — первая половина XVII вв.) позволяет констатировать постоянство шляхетской политики относительно города. По существу одни и те же вопросы поднимались как в конце XVI в., так и в начале — середине XVII в., с той лишь разницей, что в 20-х—40-х гг. XVII столетия чаще рассматривались вопросы, касающиеся налогов, необходимости укрепления пограничных городов. При этом большинство вопросов попросту из года в год повторялись, видимо, по причине безрезультатности прежних требований.

Анализ сеймикового материала вместе с тем показывает, что в период прогрессирующего упадка польского города насущные, жизненно важные проблемы его развития оставались вне забот шляхетского сеймика. (Благие пожелания относительно некоторых городов, высказываемые на сеймике, в большинстве своем оставались на бумаге). Шляхта поднимала преимущественно второстепенные вопросы жизни городов и мещанства, затрагивавшие прежде всего ее собственные интересы, и патетические призывы публицистов «обратить должное внимание на города» оставались без ответа.

ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Т. М. Негуляева

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА И БЮРГЕРСТВА В УРБАНИСТИКЕ ГДР

Характерной чертой современной медиевистики ГДР является ее устойчивый интерес к средневековому городу. В последние годы в журнале «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*» появилось немало статей, посвященных различным аспектам городской истории, причем значительное место занимают исследования социальной структуры городского населения на различных этапах городского развития. Показательна также и дискуссия, начало которой положил V конгресс историков ГДР в Дрездене (1972)¹. В центре этой дискуссии была проблема средневекового бюргерства: его возникновение и становление, его социальная характеристика, имущественная и социальная структура, коммунальное движение и борьба между различными группами городского населения.

В задачу данной статьи не входит всесторонний охват и анализ урбанистики в ГДР; ее задача скромнее: рассказать о некоторых, наиболее интересных, иногда спорных работах немецких историков, посвященных истории средневекового города и бюргерства.

Предпосылку возникновения средневековых городов большинство урбанистов ГДР усматривает в процессе общественного разделения труда, в отделении ремесла от сельского хо-

¹ См.: Чистозвонов А. Н. Проблемы истории средневековья на V конгрессе историков ГДР. — «Средние века», вып. 37, 1973.

зьяства². Видимо, эта проблема перестала быть дискуссионной в германской медиевистике. Тем не менее у некоторых историков все еще сохраняется тенденция, говоря о возникновении города, ставить рядом факторы далеко не равноценные. Например, В. Мегдефрау, говоря о складывании городов в Тюрингии, замечает: «Все признаки, свойственные превращению поселения в город, в Тюрингии были представлены полностью: концентрация ремесла и торговли, обмен ремесленных изделий на сельскохозяйственные продукты аграрной округи на городском рынке, специфическое обозначение (*civitas, stat*), обнесение крепостной стеной и городское право»³. Примерно такую же мысль высказывает и В. Эггерт: городские поселения (*urbane Siedlungen*) отличались от прилегающей сельской округи укреплениями, «внутренней структурой», тем, что они образовывали «собственный судебный округ», наконец, тем, что отвоевывали или получали иным способом от сеньора самоуправление⁴. Между тем не раз отмечалось, что обозначение городов в момент их становления не было устойчивым: *civitas, stat, urbs* перемежаются с *burgum, villa, oppidum, locum*⁵, и название не может быть веским критерием при определении города. Крепостная стена в средние века окружала не только города — для замков и монастырей она была столь же необходимой. Наконец, городское право, собственный суд (тем более — собственный судебный округ) и особенно самоуправление, как правило, завершают довольно длительный этап городского существования, эти институты свидетельствуют не о превращении поселения в город, а о довольно высокой степени зрелости города.

Коммунальное движение в городах Тюрингии рассматривается в статье В. Мегдефрау⁶. Автор возражает тем, кто счи-

² См.: Bertold B., Engel E., Laube A. Die Stellung des Bürgertums in der deutschen Feudalgesellschaft bis zur Mitte des 16. J. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1973, H. 2; Vogler G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft. Z. f. G. 1973, H. 10; Eichler H. Die geschichtliche Rolle des deutschen Bürgertums im Feudalismus Z. f. G. 1973, H. 12; Eggert W. Städtenetz und Stadtherrenpolitik. — In: Stadt und Städtebürgertum in der deutschen Geschichte des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1976.

³ Mägdefrau W. Stadtentstehung und revolutionäre Kommunalbewegung aus regionaler Sicht. Z. f. G. 1971, H. 5, S. 627.

⁴ Eggert W. Op. cit., p. 108.

⁵ Ibid., p. 111—112.

⁶ Mägdefrau W. Stadtentstehung und revolutionäre Kommunalbewegung aus regionaler Sicht. Z. f. G. 1971, H. 5.

тает возникновение городов в этом регионе Германии результатом осознанной политики крупных феодалов, прежде всего Людовингеров. «Пожалование городского права и связанное с ним политическо-правовое утверждение производственной и рыночной монополии со стороны феодалов могло совершиться лишь там, где уже существовали объективные необходимые предпосылки для возникновения города, а именно, где могло существовать товарное производство»⁷. Истоки коммунального движения В. Мегдефрау ищет в сеньориальном режиме и в тех противоречиях, которые неизбежно возникали между интересами городского товарного производства и системой феодального обирательства: «Феодальный сеньориальный режим в городах превратился в оковы для дальнейшего развития городов, в невыносимое бремя для горожан. Из процветающих ремесел, торговли, рыночного права и монетного дела сеньоры извлекали огромные доходы в форме пошлин и поборов. Чем более росло самосознание городских жителей, тем сильнее тяготились они финансовым обирательством, состоянием зависимости, политическим бесправием»⁸. К сожалению, в статье нет материала, говорящего о реальном содержании поборов и пошлин в пользу сеньоров. Сам же вывод возражений не вызывает: «Бюргер был в равной степени носителем и продуктом успешного революционного коммунального движения»⁹. В. Мегдефрау убедительно показывает, что коммунальное движение было делом всех горожан, а не только «купеческой элиты», хотя именно купцы возглавляли борьбу против феодальных сеньоров в Эрфурте, в Нордхаузене и в других городах Тюрингии¹⁰. Борьба велась всеми средствами — от кровопролитной борьбы¹¹, разрушения замков¹², изгнания министериалов¹³ до выкупа отдельных прав и привилегий¹⁴.

К аналогичным выводам приходит и Г. Фоглер: «Эта борьба за отмену или ограничение феодальных прав и зависимости, за экономическую, политическую и юридическую автоно-

⁷ Ibid., p. 628.

⁸ Ibid., p. 634.

⁹ Ibid., p. 636.

¹⁰ Ibid., p. 633, 635, 636.

¹¹ Ibid., p. 637.

¹² Ibid., p. 637.

¹³ Ibid., p. 637—638.

¹⁴ Ibid., p. 638.

мию составляет содержание коммунального движения»¹⁵. Эта цель достигалась различными способами. Для многих городов это было восстание, но использовались и выкуп, и выгодная внешнеполитическая ситуация¹⁶. «Зачастую требовалось множество попыток, прежде чем достигалась желанная цель. Коммунальное движение — длительный процесс, последней и высшей ступенью которого было образование коммуны»¹⁷.

Но в то же время некоторые работы немецких историков создают впечатление, что коммунальное движение недооценивается их авторами. Так, обширная статья В. Эггерта «Сеть городов и политика городских сеньоров»¹⁸, посвященная возникновению и становлению городов в Вюртемберге, содержит обильный фактический материал, но ни словом не упоминает о коммунальном движении. Когда и в какой грамоте город упомянут впервые, кому принадлежала городская территория, когда был учрежден постоянный рынок, когда появилась городская печать, должности шультгейса, судьи, монетария, когда впервые упоминается городская община и имена бюргеров, какие суммы выплачивает каждый город своему сеньору, — всему нашлось место в статье, кроме проявления противоречий между горожанами и сеньором. В результате история городов предстает как вереница мирных и добровольных пожалований со стороны сеньоров: рынок, собственный суд, городской совет, печать, уменьшение поборов, — горожане же оказываются совершенно пассивной массой, думает и действует за них сеньор.

С другой стороны, есть тенденция и преувеличивать роль коммунального движения в истории средневекового города. Так, Г. Фоглер, возражая против употребления термина «феодалный город»¹⁹, ибо он до некоторой степени двусмыслен («должно ли это означать, что базис их развития составляет феодальный способ производства — пусть модифицированный, — или это значит, что они есть продукт феодального общества и существуют в этой среде»²⁰), в конце концов приходит к выводу, что название это можно принять, «если пони-

¹⁵ Vogler G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft. Z. f. G., 1973, H. 10, S. 1187.

¹⁶ Ibid., p. 1888.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Eggert W. Städtenetz und Stadtherrenpolitik. — In: Stadt und Städtbürgertum in der deutschen Geschichte des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1976.

¹⁹ Vogler G. Op. cit., 1193.

²⁰ Ibid., 1194.

мать под ним докоммунальное (präkommunale) поселение. Для городских же поселений в момент и после коммунального движения, в ходе которого достигнута автономия, такое определение кажется не соответствующим, так как они высвободились из-под зависимости от феодального городского сеньора или ограничили ее, и бюргерские органы власти стали инструментом для преобразования их судьбы»²¹. Спорным и малоубедительным выглядит это деление городской истории на «феодалный» докоммунальный период и «не-феодалный», наступающий в момент коммунального движения. Природа простого самостоятельного товарного производства с его отношениями собственности не изменяется в связи с освободительным движением в городах, она остается одной и той же и накануне антисеньориальной борьбы (больше того, она и вызывает к жизни эту борьбу) и после ее победы; победа коммунального движения создает более широкий простор для развития этого экономического уклада в городах, но не создает и не изменяет его сути. Если же понимать под выражением «феодалный город» само существование его в рамках феодального общества, то ведь от таких условий существования город не извлекла самая полная победа освободительного движения.

Наиболее горячо и остро обсуждается в исторической литературе ГДР «вопрос о классовой природе новой общественной силы, проявившейся в коммунальном движении»²², — вопрос о классовой природе бюргерства. Для большинства историков несомненно, что «общественное разделение труда не только вызвало к жизни города, но и должно было привести к изменению отношений собственности и эксплуатации»²³. Если феодальные отношения покоились на феодальной земельной собственности и труде зависимых крестьян, то в городе речь шла об отношениях простого товарного производства на базе частной собственности производителей на средства производства²⁴. Бюргерство, состоявшее из двух боль-

²¹ Ibid.

²² Ibid., Op. cit., p. 1191.

²³ Ibid.

²⁴ Bertold B., Engel E., Laube A. Die Stellung des Bürgertums in der deutschen Feudalgesellschaft bis zum Mitte des 16. Jahrhunderts. Z. f. G., 1973, H. 2, S. 198—199; Vogler G. Op. cit., p. 1190; Mägdefrau W. Op. cit., p. 635; Eichler H. Die geschichtliche Rolle des deutschen Bürgertums im Feudalismus. Z. f. G., 1973, H. 12, S. 1507; Küttler W. Zur Problem der Anwendung des marxistisch-leninistischen Klassenbegriffs auf das mittelalterliche Städtbürgertum. Z. f. G., 1974, H. 6.

ших групп, купцов и ремесленников, отличалось по своему положению в феодальной системе производства от обоих классов феодального общества, — дворянства и феодально-зависимых крестьян, ибо его существование основывалось на собственности на ремесленные орудия, сырье, на движимое имущество²⁵.

Тем не менее существуют и иные взгляды на характер производственных отношений в средневековом городе. Г. Фоглер признает, что все еще весьма распространено мнение, будто для бюргерства оставались характерными феодальные общественные отношения, ибо отношения собственности в городах определялись формами феодальной и сословной собственности, так как они покоились на феодальной привилегированности²⁶.

Однако наблюдения многих исследователей свидетельствуют, что в городе развивались иные отношения собственности, и не только на движимое имущество. «После образования бюргерской собственности на движимое имущество последовало постепенное развитие форм бюргерской собственности и на землю»²⁷. По мере того как городская земельная собственность постепенно высвобождалась из феодальных ограничений, отношения простого товарного производства в городе получали более широкий и прочный базис и могли развиваться дальше²⁸. Превращение земельной собственности в товар создало возможность приобретения земли отдельными горожанами и городским советом. Но феодальные привилегии и земли, приобретенные в деревне, и эксплуатация крестьян горожанами, как справедливо отмечает Г. Фоглер, не ликвидировали достижений городского освободительного движения и характера городского товарного производства, равно как и распространение отношений простого товарного производства на деревню не могло автоматически повлечь изменения ее феодального характера. Приобретение земли и эксплуатация крестьянства ни в коем случае не были необходимой основой экономического существования бюргерства²⁹.

У ряда историков ГДР сложилось мнение, что бюргерство

²⁵ Vogler G. Op., cit., p. 1190; Witz E. Die europäischen Städte im Spätmittelalter. Z. f. G., 1973, H. 4, S. 410.

²⁶ Vogler G. Op. cit., p. 1191.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.; Witz E. Op. cit., p. 411.

²⁹ Vogler G. Op. cit., p. 1192.

может быть названо самостоятельным, хотя и промежуточным, классом (Nebenklasse) феодального общества³⁰. От основных классов, землевладельцев-феодалов и крестьян, его отличало то, что оно было носителем товарного производства и обмена и занималось своей деятельностью, не вступая в феодальные производственные отношения, не завися от феодальной земельной собственности³¹. Однако сами же сторонники этой теории признают, что в ней много нерешенного и спорного. Во-первых, нужно учитывать, что бюргерство не было идентичным всему городскому населению на протяжении всей городской истории³². Наряду с полноправными бюргерами очень рано появляются ремесленники и торговцы без бюргерских прав; плебейские слои — на одном полюсе и «коммерческая верхушка бюргерства» — на другом³³. Но если даже речь идет только о бюргерстве, то и в этом случае возникает много вопросов и проблем. «Этот класс изначально дифференцирован. Ремесленники и купцы различаются по своему положению в сферах производства и обмена... Их общие интересы в борьбе с дворянством объединяли их как класс, но в конкуренции они противостояли друг другу», — замечает Г. Фоглер³⁴. По В. Кюттлеру, тоже «главный пункт полемики состоит в выявлении связей между ремесленными производителями и купцами. Можно ли считать, что торговый капитал в докапиталистических условиях занимает позицию в системе производства общую с ремесленными группами населения?»³⁵. В конце концов, и В. Кюттлер, и Г. Фоглер пришли к заключению, что «купцы и ремесленники — части или слои особого, промежуточного класса, городского бюргерства»³⁶.

Статья К. Фритце «Структура собственности и характер средневекового городского бюргерства»³⁷, написана с целью

³⁰ Этот термин употребляет Г. Фоглер, Б. Бертольд, Э. Энгель, А. Лаубе, В. Кюттлер, Э. Уитц, В. Эггерт.

³¹ Vogler G. Op., cit., p. 1192.

³² Bertold B., Engel E., Laube A. Op. cit., p. 211—212; Küttler W. Op. cit., p. 611.

³³ Küttler W. Op. cit., p. 611. Следует отметить, что авторы работ, рассматриваемых в статье, избегают упоминаний о патрициате. Можно лишь предположить, что под «коммерческой верхушкой бюргерства» В. Кюттлер подразумевал патрицианский слой.

³⁴ Vogler G. Op. cit., p. 1193.

³⁵ Küttler W. Op. cit., p. 612.

³⁶ Ibid.; Vogler G. Op. cit., p. 1193.

³⁷ Fritze K. Eigentumsstruktur und Charakter des mittelalterlichen Städtebürgertums. Z. f. G., 1974, H. 3.

«проверить, насколько правильна характеристика бюргерства как промежуточного класса феодального общества»³⁸. Материал для этой проверки взят, в основном, из налогового регистра г. Ростка за 1404 год. Анализ этого регистра выявляет резкую имущественную дифференциацию среди населения Ростка, — достаточно сказать, что из 2232 человек, названных в налоговых списках, 142 человека платили от 3-х до 30-ти марок налога, а 1130 человек платили либо меньше 10 шиллингов, либо не платили вовсе, ибо не обладали никакими средствами³⁹. Однако интересны не столько эти цифры, сколько подход К. Фритце к материалу. Он считает, что из всех видов собственности подлинно «бюргерской» можно называть лишь ту, которая «типична для городских отношений» и которая «представляет собой частную собственность (Privateigentum)»⁴⁰. К этой категории он относит дома, участки земли, товары, транспортные средства, долговые обязательства, деньги и домашнюю утварь. Но вот средства производства он отказывается включать сюда, ибо в ремеслах, организованных в цехи, «регламентация ограничивала производственные мощности мастерских... а также приобретение орудий труда, сырья и вспомогательных материалов»⁴¹. В результате собственность на средства производства в ремесле имела двойственный характер: с одной стороны, она была свободна для отчуждения и обременения, как и бюргерская собственность, но с другой стороны, ее приобретение и использование подчинялось ограничению, которое носило феодальный отпечаток⁴². Купцы же были связаны с товарным производством лишь паразитически, как кредиторы. К тому же значительная часть товаров, из обмена которых купцы извлекали свою долю доходов, происходила из феодальной сферы хозяйства⁴³. Правда, несмотря на все различия в положении ремесленников и купцов, их объединяла и значительная общность: общность поселения, особое городское право, новая городская культура и тот факт, что для обеих групп земля не имела первостепенного значения⁴⁴. Но в целом, по мнению К. Фритце, средневековое бюргерство было еще тесно связано с феодальным

³⁸ Ibid., p. 331.

³⁹ Ibid., p. 332—333.

⁴⁰ Ibid., p. 334.

⁴¹ Fritze K. Op. cit., p. 334.

⁴² Ibid., p. 335.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid., p. 336.

способом производства, «оставалось гетерогенной группировкой различных прослоек, из которых лишь постепенно, по мере изменения в способе производства, с генезисом капитализма, могли образоваться новые самостоятельные классы»⁴⁵.

Теория, объявляющая бюргерство промежуточным классом феодального общества, имеет немало уязвимых мест, но и позиция К. Фритце вызывает серьезные возражения. Как бы ни ограничивала цеховая регламентация приобретение и использование орудий труда и масштабы производства, она не изменяла главного: ремесленник был собственником этих орудий и произведенного продукта, и его товарное производство, не связанное с землей, с надельной системой и производством феодальной земельной ренты, не было феодальным по своей сущности, по способу производства. И городские купцы, как бы ни наживались они на перепродаже продукции феодальных вотчин, превращали эту продукцию в массу товаров, в средства существования горожан и средства их товарного производства (сырье). Сбывая же феодалам изделия ремесленников, они активно способствовали экономическому росту городского товарного производства. Это не позволяет определить их экономическую функцию ни как феодальную, ни как паразитическую в отношении ремесла. Не следует забывать и того, что купцы не только наживались на торговле, но также, подобно ремесленникам, подвергались жестокому обирательству со стороны феодалов. Все это и объединяло обе группы, если и не в единый класс, то по крайней мере, в одно сословие, которое по своим коренным жизненным интересам противостояло сословиям господствующего класса феодалов.

Т. С. Никулина

ГАНЗЕЙСКИЕ ГОРОДА В ПЕРИОД РЕФОРМАЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИКА-МАРКСИСТА

История Ганзы и ганзейских городов давно привлекает к себе внимание историков, ей посвящено множество томов, не говоря уже о бесчисленных статьях. Но при этом основным объектом интереса была ганзейская торговля, главным образом XIV—XV вв., столь импозантная на общем неказистом фо-

⁴⁵ Ibid., p. 337.

не по преимуществу застойного развития глубинных районов средневековой Германии. Внутреннее же — экономическое и социальное — развитие ганзейских городов до недавнего времени почти не привлекало внимания ученых. Что касается общественной борьбы первой половины XVI в., то, как известно, буржуазные ученые исследуют историю Реформации преимущественно в русле борьбы религиозных идей, замалчивая или активно отрицая ее социальные классовые корни. Да и самые события Реформации в ганзейском регионе до сих пор остаются весьма малоизученными.

Исследования известного историка-марксиста ГДР, профессора Грейфсвальдского университета И. Шильдхауера посвящены социальной структуре и реформационному движению в ганзейских городах Северной Германии в первой трети XVI в.¹ Автор поставил перед собой большую и сложную задачу — выяснить взаимосвязь религиозных противоречий с социальной и политической борьбой в Балтийских городах и, таким образом, «изобразить Реформацию» в этой части Германии «как бюргерское движение»².

В работах И. Шильдхауера впервые в зарубежной историографии предметом специального исследования с позиций марксистской методологии становится сложное по своему социальному составу и идеологии бюргерско-плебейское движение в ганзейских городах, социальное положение «мятежников» — низших и средних слоев городского населения, их участие в борьбе за демократизацию городских режимов и в религиозных столкновениях. Регион, избранный автором для своего исторического исследования, очень интересен. Именно в Северной Германии Реформация особенно ярко проявилась как движение, главным образом, средних и низших слоев городского бюргерства.

Основой для изучения социальной структуры и реформационного движения стали преимущественно неопубликованные источники — документы городских архивов Штральзунда, Росток, Висмара, содержащие сведения о низших слоях

¹ Schildhauer J. 1) Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansistädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959; 2) Die Sozialstruktur der Hansestadt Rostock von 1378—1569. — Hansische Studien, Bd. 8, Berlin, 1961; 3) Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1974.

² Schildhauer J. Soziale, politische... S. V.

городского населения, которых западно-германские историки называют «анонимной массой», не представляющей интереса для истории³. Это — городские грамоты, судебные книги, бюргерские книги, списки жителей подвалов, фамильные акты, городские, домовые, рентовые садовые книги и, особенно важные, налоговые списки (Schoßregister). Из опубликованных источников: хроники вендских городов⁴, цеховые уставы, церковные хроники, протоколы ганзейских съездов (Hanseerzesse) 1256—1530 гг., ганзейские Urkundenbücher и др.

В работе Шильдхауера «Социальные, политические и религиозные столкновения в ганзейских городах Штральзунде, Росток и Висмар в первой трети XVI в.» центральное место, на наш взгляд, занимает третья глава, где освещаются имущественное положение различных слоев бюргерства, способ и высота налогообложения, жалобы бюргеров на действия совета и духовенства. На основе анализа налоговых регистров автор выявляет социальную структуру трех вендских городов, а следовательно, и истоки социально-экономических противоречий внутри города. Это, в свою очередь, дает возможность понять причины и своеобразие Реформации в ганзейских городах и особенности восприятия различными слоями населения определенных направлений в Реформации.

Состояние источников позволило автору выяснить имущественное положение отдельных слоев городского населения только для Штральзунда и Росток. Критерием оценки служит высота налогообложения. Автор объединяет всех налогоплательщиков в 7 групп в зависимости от суммы налога. На основании налоговых списков за 1482, 1490 и 1533 гг. для Росток и за 1534 г. для Штральзунда автор составляет таблицы налоговых групп, размеров налога, количества налогоплательщиков и процентное соотношение их. Анализ этих данных позволил автору сделать следующие выводы.

1-ю и 2-ю налоговые группы образуют крупные купцы и сукноторговцы (Gewandschneider); они составили в Росток в 1482 г. 0,9%, в 1490 и 1533 гг. — 0,5% и в Штральзунде 1,7% налогоплательщиков; в Штральзунде к этим группам относилось 37 семей налогоплательщиков с имуществом от 5000 до 28 800 марок. 3-я и 4-я группы охватывают в основном зажи-

³ Hubatsch W. Unruhe des Nordens, Göttingen, 1956, S. 59.

⁴ Так назывались ганзейские города, возникшие на территории между устьями Лабы и Одры, принадлежавшие до середины XIII в. полабским славянам (в немецких источниках — венды — Wenden). К ним относились Любек, Штральзунд, Росток, Висмар, Люнебург и др.

точное и среднее бюргерство, которое составляло в Ростоке в 1482 г. — 14,7%, в 1490 г. — 11,5% и в 1533 г. — 14,5%; в Штральзунде в 1534 г. — 10,9%, то есть 237 семей с имуществом от 1 000 до 5 000 марок. 5-я и 6-я группы включают в себя мелких лавочников, торговцев и ремесленных мастеров. В Ростоке в 1482 г. они составляли 28,6%, в 1490 г. — 30,6%, в 1533 г. — 21,4% налогоплательщиков; в Штральзунде в 1534 г. — 41,7%, то есть 907 семей с имуществом от 75 до 1000 марок. К низшему социальному слою (7-я группа и неплатежеспособные семьи) относились в Ростоке в 1482 г. — 55,8%, в 1490 г. — 57,4%, в 1533 г. — 63,6%. В Штральзунде эта группа охватывала в 1534 г. 45,7% всех налогоплательщиков — 996 семей. Но в действительности, подчеркивает Шильдхауер, низшие слои городского населения были еще более многочисленными, так как в налоговые списки не вносились экономически несамостоятельные группы населения (ученики, слуги, нищие).

В приведенных цифрах поражает прежде всего острейшая дифференциация: незначительное число горожан, обладавших огромным имуществом, и больше половины налогоплательщиков — неимущие слои, беднота. До исследования И. Шильдхауера историки не предполагали такой значительности плебейского слоя в ганзейских городах⁵. И не случайно эти социальные слои ганзейских городов стали объектом дальнейшего исследования историков-марксистов⁶.

Столь резкая имущественная дифференциация в ганзейских городах, как подчеркивает исследователь, порождала заинтересованность низших слоев бюргерства в изменении социальных и политических отношений. Именно здесь лежат причины острых социальных столкновений в городах рассматриваемого региона в первой трети XVI в.

Как отмечает Шильдхауер, налоги должны были платить только экономически самостоятельные бюргеры⁷.

⁵ Исследование В. В. Стоклицкой-Терешкович «Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв.» (М.—Л., 1936), в котором отмечается «грозный факт пауперизации 50% городского населения (стр. 58), относится к городам Центральной и Юго-Западной Германии (Франкфурт, Эрфурт, Мюльгаузен, Базель, Констанц, Равенсбург).

⁶ Frütze K. Zur Lage der hansestädtischen Plebejer. — «Rostocker Beiträge», Bd. 1, 1967.

⁷ Налогообложению подлежали только владеющие бюргерским правом (Bürgerrecht). В ранний период существования города предпосылкой приобретения бюргерского права было владение землей или домом. С экономическим развитием городов, ростом торгового капитала и движимого

Перед нами картина разрушения прежней социальной структуры ганзейских городов, стремительной поляризации средневекового бюргерства.

К причинам социальных противоречий в Штральзунде, Ростоке и Висмаре в первой трети XVI в. Шильдхауер относит и финансовый гнет. Вот основные виды налогов в трех вендских городах: постоянный прямой налог с движимого и недвижимого имущества — шос (Schoß), являющийся всеобщей бюргерской повинностью; экстраординарный прямой налог с имущества (Sondersteuer), особенно часто взимавшийся во время войн, для неимущих слоев выступавший как поголовный налог (Personalsteuerung). Кроме прямых налогов с жителей балтийских городов взимался косвенный налог — акциза (Akzise) с пива, а также в отдельных случаях с вина и продовольствия. К этому надо добавить налог, собираемый с городов герцогами (Landessteuer), а также налог в пользу духовенства. Тяжесть налогообложения средних и низших слоев усугублялась исключением из него членов совета и духовенства, а также льготами для имущих (например, из обложения экстраординарным налогом были исключены платье, драгоценности, посуда, стальные товары). При этом часто повышались чрезвычайные налоги, а городские патрицианские советы бесконтрольно распоряжались собранными суммами. Об этом говорят многочисленные жалобы бюргерства Ростока, Штральзунда, Висмара, требования ограничения власти, а также постоянной отчетности советов.

Существующие социальные противоречия в городах усугублялись процессом так называемой княжеской централизации, связанной с явлениями феодальной реакции. Централизаторская политика померанских и мекленбургских герцогов ограничивала привилегии и вольности городов. Пунктами столкновения стали и торговая конкуренция князей ((собственная торговля зерном и древесиной с Голландией), и их притязания вменить в обязанность городам новые налоги — Bede и Fräeleinststeuer (налог герцогским сестрам или дочерям), то есть типичные феодальные платежи, и стремление феодальных суверенов рассматривать поместья, которые с 80-х гг. XV в. они продавали или закладывали бюргерам, как Lehngüter, с вытекающими отсюда повинностями, и распро-

имущества решающим фактором для получения статуса полноправного бюргера становится экономическая самостоятельность — обладание орудиями производства (см.: Schildhauer J. Die Sozialstruktur der Hansestadt Rostock..., S. 344).

странение княжеской юрисдикции на ганзейские города. В новом *Polizeiordnung'e*, введенном 10 декабря 1516 г., мекленбургский герцог даже требовал ежегодного отчета бургомистров и городских советов.

К сожалению, этот материал не получил в монографии достаточного обобщения, а между тем учет явлений феодальной реакции на рубеже XV и XVI вв. должен немало помочь более глубокому осмыслению предпосылок той широкой общественной борьбы, которая развернулась в Германии в эпоху Реформации и которая так бурно проявилась в городах.

Анализ социальной структуры Штральзунда, Росток и Висмара привел автора к рассмотрению проблемы патрициата в ганзейских городах. Это тем более важно, что буржуазные историки зачастую склонны отрицать наличие патрициата в городах данного региона, допуская его образование лишь там, где образуется формально очерченный замкнутый круг привилегированных родов — «Geburtsstanden» (работы М. Вермана, Ф. Техена, Ф. Адлера, А. Брандта).

И. Шильдхауер определил социальный состав, родственные связи, профессиональную деятельность и имущественное положение членов городских советов Штральзунда, Росток и Висмара в период с 1500 по 1524 гг. и выявил тот привилегированный слой *Ratsfähigen* внутри богатого городского купечества, который, реально, хотя и не составлял полностью замкнутого круга, составлял правящий патрициат этих городов в рассматриваемый период⁸. В Штральзунде совет образовали преимущественно *Gewandschneider* (крупные сукно-торговцы)⁹, в Росток и Висмаре — купцы и пивовары (на-

⁸ В одной из последних работ И. Шильдхауер отмечает значение городских союзов, в частности Ганзы, в укреплении власти господствующего слоя в городах — патрициата. (*Schildhauser J. Charakter und Funktion der Städtebünde in der Feudalgesellschaft — vornehmlich auf dem Gebiet des Reiches.* — *Hansische Studien* 111. Weimar, 1975, S. 167).

⁹ В исторической литературе нет однозначного понимания термина «*Gewandschneider*». У В. В. Стоклицкой-Терешкович это «цех розничных торговцев привозным сукном» (Очерки по социальной истории..., с. 87; Основные проблемы средневекового города, М., 1960, с. 232). Ева Гун, ссылаясь на К. Фритце, отмечает, что понятие «*Gewandschneider*» могло быть первоначально почти равнозначным с «*Fernhändler*» — крупное купечество, разбогатевшее на торговле с заграницей (*Zu den Stralsunder Bürgerkämpfen am Ende des XIV. Jh.* — In: *Hansische Studien*. В., 1961, S. 91). В книге «Ганза» Шильдхауер приравнивает понятие *Gewandschneider* и *Tuchkaufmann* (сукноторговец) (стр. 274). В рассматриваемой работе *Gewandschneider* понимается как *Tuchgrosshändler* (крупный сукно-торговец). Очевидно, это наиболее правильное толкование термина.

пример, в Висмаре в 1464—1465 гг. из 24 членов городского совета 21 был пивоваром; этот год в источниках назывался *Braujahr*).

Несмотря на частичное пополнение советов экономически сильным бюргерством, автор считает возможным говорить даже об определенной замкнутости патрициата в трех рассматриваемых городах. Об этом свидетельствуют скрупулезно выявленные тесные родственные связи бургомистров и членов советов. Так, из 55 членов Ростокского совета 17 непосредственно происходили из *Rats* фамилий, а у 15 было родство с членами совета. 17 советников имели дочерей замужем за бургомистрами и членами совета, у 16 сыновья стали членами совета. При этом владение землей не было решающим для достижения *Ratsfähigkeit*. И хотя, по наблюдению Шильдхауера, в начале XVI в. многие ратсманы владеют двором и землей, и помещение части торговой прибыли в земельные владения несомненно способствовало приобретению ими *Ratsfähigkeit*, в любом случае торговая деятельность предшествовала земле-владельческой. Эти выводы автора оказались научно плодотворными и были восприняты историками ГДР¹⁰.

В итоге изложенного рассмотрения социальных и политических противоречий в трех вендских городах, Шильдхауер пришел к заключению, что нарастает оппозиция, которая создала основу для восприятия предреформационных и реформационных учений.

Автор отмечает, что почва для этого была подготовлена уже в конце XIV в. и в XV в. проникновением вальденского, виклифского и гуситского учений, чему способствовали торговля вендских городов с Англией и тесные связи Пражского и Ростокского университетов. В XIV в. в Померании в значительной степени нашло распространение вальденское движение, носителями которого были крестьяне, поденщики и бедные ремесленники. Но в XV в. вальденссы все шире воспринимают идеи гусизма, и во 2-й половине XV в. в Померании и Мекленбурге распространилась вальденско-гуситская ересь.

Вывод автора: как в жалобах горожан, так и в восприятии виклифского и вальденско-гуситского учений нашла свое

¹⁰ Примером может служить понятие патрициата, даваемое исследовательницей социальной структуры Росток в XIII—XIV вв. Роземарией Виганд: «Это экономически и политически самый сильный слой торгового бюргерства города, который через родственные связи и концентрацию торгового капитала стремится к внешней замкнутости» (*Hansische Studien*, Bd. 8. В., 1961, S. 416).

выражение оппозиция против существующего социального и церковного порядка, которая подготовила почву для восприятия в ганзейских городах лютеровского учения, а также анабаптистских и цвинглианских учений (стр. 91). Первыми сторонниками новых проповедников были средние и низшие слои городского бюргерства (ремесленники, ученики, портовые рабочие, рабочие-пивовары), видевшие в новых учениях поддержку своим политическим и экономическим требованиям (стр. 99). Таким образом, религиозное движение в городах Мекленбурга и Померании и явилось формой выражения социальных противоречий.

Правда, трудно согласиться с некоторыми утверждениями автора: об «особом значении» францисканцев в распространении новых религиозных учений в Мекленбурге (стр. 92—93), о том, что «...бюргерские восстания... исходили из францисканских монастырей» (стр. 94), — известно, какую борьбу пришлось вести радикальным представителям Реформации против нищенствующих орденов¹¹.

Большой интерес представляет V глава монографии, в которой непосредственно прослежен ход реформации и революционного движения в ганзейских городах. Автор подчеркивает взаимосвязь религиозных столкновений первой половины 20-х годов XVI в. с политической борьбой за демократизацию городского управления. В результате совместных действий бюргерства и плебейства возникает представительство горожан в лице бюргерских комитетов (в Висмаре — комитет «40» в 1524 г., в Штральзунде — комитет «48» в 1525 г., в Ростоке — комитет «64» в 1534 г.), которые приняли на себя ряд функций городских советов.

В отличие от некоторых буржуазных историков (например, Г. Вентца), считавших, что демократическое движение в ганзейских городах не добилось успеха¹², Шильдхауер полагает, что бесконтрольному господству советов был положен конец и решение всех хозяйственных и политических вопросов практически перешло в руки оппозиционного бюргерства. Он убедительно показал внутренние предпосылки политических преобразований в вендских городах, роль средних и низших сло-

¹¹ См.: Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955.

¹² Weniz G. Der Prinzipat Jürgen Willenwevers und wendischen Städte (HGBL, 56, Lübeck, 1932, S. 85, 94, 92).

ев горожан, особенно в Штральзунде, где в 1525 г. произошло восстание, предшествующее образованию комитета «48».

Заслугой Шильдхауера является выяснение социального состава бюргерских комитетов. На основании анализа актов комитетов, налоговых регистров, счетных книг автор приходит к выводу: бюргерские комитеты Росток, Штральзунда, Висмара состоялись из «Burger'ов» и «Amter'ов». В ганзейских городах до такой степени был аристократизирован общественный строй, что бюргерами считались только купцы; обозначение профессии купца, как отмечает автор, в городских актах того времени встречается очень редко и «Bürger» в собственном смысле, как правило, обозначает купца; «Amter» — ремесленные мастера¹³. Руководящей силой в бюргерских комитетах было непатрицианское бюргерство: в Висмаре — пивовары, в Штральзунде — Gewandschneider, в Росток — среднее и мелкое купечество (65% ростокского комитета «64» относилось к 4 и 5 налоговым группам). Однако союз различных социальных слоев городского бюргерства, действовавший успешно при устранении безраздельного господства патрицианского совета, не был длительным. Внутри комитетов «бюргеры» все больше оттесняли представителей цехов. Но, самое главное, бюргерские комитеты не соответствовали своему назначению в качестве представительства всех горожан: в них не были представлены низшие, не налогоспособные слои — масса жителей подвалов, грузчиков, подмастерьев и слуг.

Эти выводы естественно привели автора к рассмотрению целей, идейных устремлений и действий плебейской оппозиции, которой (хотя она и не имела ясных политических целей), по его мнению, принадлежала решающая роль в борьбе за демократизацию городской власти. В церковно-реформаторском движении плебейская оппозиция поддерживала направление, которое шло дальше лютеровской умеренной реформации. В то время как умеренное бюргерство в участии в городском управлении и введении лютеранства видело конечную цель своего движения, плебейские слои искали осуществления своих социальных стремлений в анабаптизме. Начали раздаваться призывы к сопротивлению господствующим классам и властям, к установлению социального равенства. Вендские города, особенно Росток, стали важнейшими

¹³ «Amt» во многих ганзейских городах было равнозначно «Zunft» (цех) (см.: Hartwig J. Der Lübecker Schoss bis zur Reformationszeit. Leipzig, 1903)..

убежищами и сборными пунктами для гонимых (особенно после поражения Мюнстерской коммуны) анабаптистов.

Исследователь большое внимание уделяет плебейскому восстанию в Штральзунде в апреле 1525 г., видя в нем проявление революционности плебейской оппозиции. (Число восставших бедняков и подмастерьев достигало 4 000). Оно было направлено не только против городского высшего духовенства, но и против патрицианского правления в городе. (Страх имущих Штральзунда был так велик, что некоторые богатые бюргеры отправили деньги и имущество в Грейфсвальд). Однако плебейские слои еще не могли создать новые, соответствующие их желаниям и представлениям формы организации, и их революционный образ действий привел только к более быстрой победе лютеровской реформации (стр. 173). Думается, что такой вывод сужает подлинное значение борьбы плебейства и не учитывает роль активных боевых действий плебейства в частичной демократизации городского управления и отстранении от власти патрициата. Ведь и сам автор отмечает заинтересованность низших слоев горожан в изменении не только церковных, но также политических и социально-экономических отношений. Плебейская оппозиция, состоявшая из подмастерьев, поденщиков, слуг, бедняков и нищих, стала при проведении Реформации и демократизации городского управления силой, постоянно ускорявшей развитие событий (*vorantriebende*) (стр. 191—192). Факты, приводимые Шильдхауером, не оставляют камня на камне от утверждений буржуазных историков о том, что самостоятельные действия плебейской оппозиции — это лишь «бунт черни» (*Aufruhr des Pöbels*), который не имел других целей, кроме разрушения существующего порядка (стр. 192). Именно в результате революционных акций плебейских слоев, при их активной поддержке бюргерские комитеты достигли господствующего положения (*Machtstellung*).

Деятельности бюргерской оппозиции и ее упадку посвящена последняя глава монографии. В связи с введением в городские советы членов бюргерских комитетов в первых значительно сократилось число представителей патрицианских фамилий. Но ремесленники и теперь не вошли в советы, хотя некоторые из них играли ведущую роль в бюргерских комитетах. Новые члены совета приспособились и продолжили старую политику патрицианских советов. Тем самым они отошли от выдвинувшего их бюргерства и оттолкнули плебейские слои, по отношению к которым вскоре заняли открыто

враждебную позицию. Новые советы городов ничем не улучшили экономического и социального положения самых низших слоев (стр. 199).

Руководители бюргерской оппозиции, вступившие в совет, использовали свое положение для собственного обогащения (приобретали имущество, крестьянские хутора). Бюргерские комитеты все больше превращались в «купеческие корпорации» (стр. 201). Это вызвало отпор широких слоев бюргерства и плебейства: в Висмаре простое бюргерство в 1532 г. в качестве своего представительства образовало «комитет 100», в Штральзунде вся городская община, наряду с советом и комитетом, привлекалась к важнейшим решениям. Автор констатирует раскол бюргерской оппозиции. Причину гибели бюргерских комитетов (они были распущены в Росток в 1536 г., в Висмаре и Штральзунде — в 1537 г.) автор видит в компромиссе руководителей бюргерской оппозиции с патрициатом, вследствие чего ими была потеряна поддержка низших слоев, которые надеялись на экономические и социальные преобразования. А плебейские слои были еще не способны «сами продолжить революцию» (стр. 204).

Интересная работа немецкого исследователя оставляет острую неудовлетворенность в одном отношении: в ней совершенно не рассматривается эволюция цехового ремесла и системы торговли в изучаемых вендских городах. Как шло здесь развитие ремесла, в чем было его своеобразие и как оно соотносилось с господством торговых интересов? Верно ли, что эти города вовсе не знали ранних форм капиталистической эксплуатации и производства? Это тем более важно, что в современной историографии ФРГ балтийские ганзейские города (*Ostseestädte*) выделяются в особый тип: «чисто торговый город» (*«reine Handelstadt»*)¹⁴. Отсутствие анализа экономической структуры мешает глубокому обоснованию и особенностям социальных отношений, и причин бурных социальных движений в этих городах в первой трети XVI в.

Хотя автор отмечает массовое обнищание бюргерства, которое стало общим явлением в названных городах (стр. 44, 48), как и вообще в Европе, и было следствием разложения цеховой системы и начинавшегося кризиса феодального

¹⁴ Brand A. von. Die gesellschaftliche Struktur des spätmittelalterlichen Lübeck. — Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa, Konstanz—Stuttgart, 1966, S. 216; Reincke H. Bevölkerungsprobleme der Hansestädte. — HGBL, 70, 1951, S. 26.

стройка в целом, — эти факты не получили должного освещения. В работе рассматривается вообще плебейская оппозиция, протывостоящая бюргерской. Пестрота, гетерогенность элементов, из которых складывался плебс, разнородность их социально-политических устремлений при этом в значительной мере сглаживаются.

Самая борьба за демократизацию городского самоуправления, за расширение его социальной базы, очевидно, может быть правильно понята лишь в связи с изменениями в экономической жизни вендских городов, и прежде всего в сфере ганзейской торговли¹⁵, повлекшими за собой эволюцию социальной структуры города.

В зависимости от анализа экономического развития находится и вопрос о наличии или отсутствии буржуазии в вендских городах в первой трети XVI в. А решение этого вопроса очень важно для понимания хода и исхода всей общественной борьбы эпохи Реформации в Северной Германии.

В работе совершенно не уделено внимания роли императорской власти князей и Ганзы в деле подавления бюргерских движений в ганзейских городах и вообще отсутствует, если можно так выразиться, исторический фон: события в Штральзунде, Висмаре и Ростокке рассматриваются изолированно от развития Реформации во всей Германии. А ведь, например, роспуск бюргерских комитетов в этих городах именно во второй половине 30-х годов XVI в. не случаен, очевидна связь этих событий с общей волной реакции: гибель Мюнстерской коммуны (июнь 1535 г.), подавление восстания Вулленвевера в Любеке (август, 1535 г.).

Думается, что влияние любекских событий 30-х гг. на развитие общественной борьбы в Ростокке, Штральзунде, Висмаре прослежено недостаточно, хотя автор упоминает о связи трех вендских городов с мятежным Любеком и его бургомистром Ю. Вулленвером (стр. 131, 138, 140, 163). О правомерности такой постановки вопроса говорят позднейшие исследования историков ГДР¹⁶.

¹⁵ Имеется в виду упадок ганзейской посреднической торговли, начало которого современные исследователи относят к концу XV в. (см.: *Brandt A. von Geist und Politik in der Lübeckischen Geschichte*. Lübeck, 1954, S. 157; *Stark W. Lübeck und Danzig in der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts*. Weimar, 1973; *Fritze K. Die progressive Rolle des hansischen Handelskapitals und ihre Grenzen*. — *Hansische Studien*, 111, Weimar, 1975).

¹⁶ *Heyden H. Jürgen Wullenwevers «Grafenhede» und ihren Auswirkungen auf Pommern*. — *Greifswald-Stralsunder Jahrbuch*, Bd. 6. 1966, Rostock, 1966.

Вызывает сожаление отсутствие должной характеристики использованных в работе исторических источников (тем более, что введение их в научный оборот является несомненной заслугой автора). Недостает и развернутой критики литературы вопроса, что совершенно необходимо в виду его значимости и полемической заостренности.

Изучение социальной структуры ганзейского города И. Шильдхауер продолжил в последующие годы¹⁷. Предметом его изучения стала эволюция социального строя Ростокка за 200 лет — с конца XIV в. и до второй половины XVI в. Позволяя увидеть историческую тенденцию городского развития, статья углубляет основные положения предшествующей монографии.

Основой для исследования автору послужили находящиеся в Ростокском городском архиве в большом числе и хорошем состоянии налоговые списки (*Schoßregister*).

Заслуживает внимания социально-статистическая методика исследования. Автор разделил всех налогоплательщиков на 7 групп в зависимости от размера налога. В каждой группе было установлено абсолютное число и процентное соотношение налогоплательщиков приблизительно за 20 лет. Таким образом составлено 10 налоговых списков и на их основании 5 таблиц, из сравнения которых автор получил следующие результаты. Число самых богатых ростокских бюргеров (I и II группы) между 1376 и 1569 гг. выросло вдвое: с 0,3% до 0,7% всех налогоплательщиков. Зажиточное и среднее купечество (III и IV группы) увеличилось с 12,5% (1378 г.) до 15,9% (1552 г.). Резко (в 3 раза!) сократилось количество ремесленных мастеров и мелких купцов (V и VI группы) — с 60% налогоплательщиков в конце XIV в. до 20% в начале XVI в. И так же, почти в 3 раза, возросла низшая группа налогоплательщиков населения: в 1378 г. — 24,4%, в 1409 г. — 34,4%, а в первые десятилетия XVI в. — 63%! Но автор подчеркивает, что плебейский слой в Ростокке фактически был шире (до 3/4 населения), так как в налоговые списки, как экономически несамостоятельные, не включались подмастерья, слуги, нищие. Общее число налогоплательщиков с начала XV в. до середины XVI в. уменьшилось с 2448 (1409 г.) до 1850 (1569 г.).

Автор делает вывод, что в итоге относительная социальная уравновешенность предшествующего времени все более

¹⁷ *Schildhauer J. Die Sozialstruktur der Hansestadt Rostock von 1378 bis 1569*. — *Hansische Studien*, Berlin, 1961.

терялась и росло противоречие между «бедными» и «богатыми» (стр. 352) (терминология, применяемая автором, несколько расплывчата). Именно здесь автор видит причину повышения социальной напряженности в городах со второй половины XV в., нарастания революционной ситуации в первые десятилетия XVI в., оппозиции против патрицианских совета и духовенства, мятежей и восстаний, а также восприятия реформаторских учений низшими и средними слоями городского населения.

Но, к сожалению, и в этой работе не ставится вопрос о причинах столь резких изменений в социальной структуре города.

Новый, существенный шаг в этом направлении сделан автором в работе «Ганза»¹⁸. Это коллективный обобщающий труд историков-марксистов ГДР И. Шильдхауера, В. Штарка, К. Фритце. Перу Шильдхауера принадлежат четыре главы: IV — Ганза в XV и начале XVI в.; V — Ганза в период раннебуржуазной революции; VI — Ганза в период борьбы за «господство на Балтийском море»; VII — Тридцатилетняя война и конец Ганзы. Нас интересуют IV и V главы.

Если в работах буржуазных историков¹⁹ при характеристике Ганзейского союза в XV—XVI вв. рассматривается традиционный круг вопросов, связанных только с посреднической торговой деятельностью Ганзы (регламентация торговли, привилегии, борьба с конкурентами, международные отношения, осложненные соперничеством за торговое господство в северных морях, упадок ганзейских контор за границей), то Шильдхауер как историк-марксист освещает этот период ганзейской истории с принципиально иной позиции. Он связывает эволюцию Ганзы XV — начала XVI вв. с переходом от феодализма к капитализму, с Реформацией как раннебуржуазной революцией. Его интересуют прежде всего новые явления в экономике ганзейских городов, для которых были «также характерны новые тенденции развития» (это отличает данную работу автора от его предыдущих исследований). Автор отмечает развитие экспортной торговли изделиями городского ремесла и продуктами городской округи (Hinterländer).

¹⁸ *Schildhauer J., Fritze K., Stark W.* Die Hanse. B., 1974.

¹⁹ Напр.: *Daenell E.* Die Blütezeit der deutschen Hanse. Bd. 1—2, Berlin, 1905; Сборники под ред. А. фон Брандта: *Die Hanse und die Nordischen Mächte im Mittelalter.* Köln—Opladen, 1962; *Deutsche Hanse als Mittler zwischen Ost und West.* Köln—Opladen, 1963; *Dollinger Ph.* Die Hanse. Stuttgart, 1966.

В вендских городах на экспорт идут пиво, металл и металлическая посуда, предметы одежды, меха и оружие, четки и художественные изделия, а также продукты земледелия, лесного хозяйства (стр. 174). В ряде ремесленных отраслей, связанных с экспортом или не ограниченных цеховыми рамками, появляются элементы капиталистического производства в форме мануфактурных в пивоварении, мукомолии, кораблестроении (стр. 178).

Новым в работе Шильдхауера является также экономическая характеристика Любека. В работах буржуазных историков Любек фигурирует как политический центр Ганзейского союза, «духовный центр» Нижней Германии, или, в лучшем случае, исследуется история любекского купечества²⁰. Шильдхауер анализирует ремесло и торговлю Любека в конце XV — начале XVI вв. в связи с теми изменениями, которые были вызваны зарождением капиталистических форм производства.

Любек — центр локальной торговли (2/3 ремесленников производят для местного рынка), но в то же время ряд его цехов работает на экспорт. Это цехи, производящие металлоизделия, особенно посуду (Graßen-, Apen-, Kannengießerei) и обработчики янтаря (Paternostermacher)²¹, достигшие к середине XVI в. монопольного положения в бассейне Балтийского моря. Автор указывает на появление в вендских городах элементов капиталистической эксплуатации (Zunftverlag). Любекские Paternostermacher получали производственный заказ от купца и ему же сдавали свою продукцию для продажи. Налицо раздача работы, новые формы применения купеческого капитала. Шильдхауер приходит к выводу, что в ганзейских городах сравнительно рано зародились раннекапиталистические формы производства. Однако они не стали ведущим явлением в их экономике: посредническая торговля все еще сохраняла здесь свое преобладание над производством. Этому способствовало также приобретение богатым ганзейским купечеством земельной собственности за стенами города. По мнению автора, эксплуатация таких земель носила феодальный характер (к сожалению, доказательств нет) и препятствовала прогрессивному развитию бюргерства ганзейских городов в класс буржуазии.

²⁰ Указ. работы Дэнеля и Доллингера, а также: *Rörig F.* Hansische Beiträge zur deutschen Wirtschaftsgeschichte. Breslau, 1928; *Brandt A. von.* Geist und Politik, S. 11.

²¹ Назывались так, очевидно, потому, что изготовляли четки (Gebetskränze).

Но почему развилась скупка земель? Быть может, торговля перестала приносить прежние доходы и не было широкой сферы приложения капиталов? Тогда понятнее станут факты, приводимые Шильдхауером по Любеку. Там с конца XIV в. появляются «рантье» (Rentner), которые отстранялись от активной торговой деятельности, свое богатство помещали в земле- и домовладение и жили на эту ренту (стр. 183).

Далее автор рассматривает вопросы изменения социальной структуры ганзейских городов, проникновения реформационных учений, социально-политической борьбы и религиозных столкновений в этих городах в первой трети XVI в., опираясь в этих вопросах на свои предшествующие исследования.

В V главе, посвященной истории Ганзы в период раннебуржуазной революции. Шильдхауер, наряду с реформационным движением в ряде ганзейских городов, рассматривает события 30-х годов XVI в. в Любеке, посвятив им вторую часть главы под названием «Юрген Вулленвевер в Любеке». Движение Вулленвевера — явление сложное и многозначное. Будучи, наряду с Мюнстерской коммуной, одним из поздних взлетов революционной активности эпохи Реформации, оно явилось также одним из последних звеньев в длинной цепи антипатрицианских выступлений бюргерства немецких городов; оно же, вместе с тем, тесно связано с упадком ганзейской посреднической торговли на Балтийском море, а также с началом капиталистического развития в Нидерландах и сложным переплетением политической борьбы государств Северной Европы в первой половине XVI в.

Юрген Вулленвевер, пожалуй, самая выдающаяся и в то же время самая спорная личность в многовековой истории Ганзы. В буржуазной историографии XIX—XX вв. шкала оценки исторической роли любекского бургомистра простирается от «демократа», «революционера»²², «великого и искусного государственного деятеля»²³ до «политического дилетанта»²⁴, «демагога и диктатора»²⁵, возвестившего «паде-

²² Altmeyer J. J. Der Kampf demokratischer und aristokratischer Principien zu Anfang des 16. Jahrhunderts. Lübeck, 1843, S. 88, 90, 114.

²³ Barthold F. W. Geschichte der deutschen Hansa, 1862, 3 Teil.

²⁴ Wentz G. Der Prinzipat Jürgen Wullenwevers, S. 110, 111.

²⁵ Brandt A. von. 1) Geist und Politik... S. 31; 2) Das Allgemeine im Besonderen. Vom Erkenntniswert der Lübeckischen Geschichte («Zeitschrift des Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde», Bd. 51, 1971, S. 23).

ние немецкого могущества»²⁶ и «довершившего распад существовавших до тех пор гармонических форм жизни», судьба которого «представляет собой второстепенный исторический интерес»²⁷. Такая противоречивость оценок не случайна. Для буржуазных историков Вулленвевер — выразитель только внешнеполитических или внутриганзейских противоречий, а самое главное, он ненавистен им как мятежник.

В работе Шильдхауера (как и в других немногочисленных и частных исследованиях историков ГДР²⁸) намечен иной методологический подход к проблеме движения Вулленвевера. События в Любеке он рассматривает не только в плане истории Ганзы и международных отношений на Севере Европы первой трети XVI в., а как часть общереформационного движения в Германии, которое, вслед за Энгельсом, трактуется как раннебуржуазную революцию. В центре внимания историка стоят социальные и политические аспекты движения Вулленвевера: образование и деятельность бюргерских комитетов в Любеке, их социальный состав, социальная опора Вулленвевера во внутренней политике; связь реформационного движения с борьбой бюргерской оппозиции за демократизацию городского управления. И хотя автор считает, что внутригородское развитие Любека в 30-е годы XVI в. едва ли отличалось от других городов происшедшими переменами (стр. 230), приводимый им материал позволяет увидеть нечто существенно новое: антипатрицианский переворот в самой цитадели патрицианско-купеческой Ганзы; особое внешнеполитическое значение внутригородских столкновений, приведших к международному конфликту на Балтийском море; значительную демократизацию городского режима, аристократическо-патрицианские элементы были полностью вытеснены из городского совета; более широкий союз бюргерской и плебейской оппозиции, который явился опорой политической деятельности Вулленвевера.

В отличие от буржуазных историков Шильдхауер исходит прежде всего из рассмотрения классово-политической борьбы в Любеке и

²⁶ Weitz G. Lübeck unter Jürgen Wullenwever und europäische Politik, Bd. 3. Berlin, 1855—1856, Bd. 3, S. 352.

²⁷ Häpke R. Der Untergang der Hansischen Vormachtstellung in der Ostsee 1531—1544 (HGBL, 1912, S. 109).

²⁸ Pannach H. Einige Bemerkungen zu den sozialökonomischen Problemen um Jürgen Wullenwever (Vom Mittelalter zur Neuzeit, Berlin, 1956); Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1965; Heyden H. Zu Jürgen Wullenwevers «Grafenhede»...

внутренней социальной политики Вулленвевера. Отрицая негативную оценку мятежного любекского бургомистра, даваемую буржуазной историографией ФРГ, он в то же время считает, что исключительно позитивная оценка Вулленвевера невозможна. Борьбу, которую он вел, опираясь на бюргерскую и плебейскую оппозицию Любека и в союзе с такими же силами других ганзейских городов, против господства патрициата и княжеской власти, автор оценивает как прогрессивную. Его же попытка восстановления и консервации отживших отношений в Балтийском и Северном морях, а именно господства Ганзы, покоящегося на посреднической торговле, — полностью противоречила общему экономическому и политическому развитию в данном регионе Европы и требованиям эпохи. Внешняя политика Вулленвевера была реакционной и обречена на неудачу (стр. 236—237).

Действительно, монополия Ганзы на посредническую торговлю между Западной и Восточной Европой на рубеже XV и XVI вв. пришла в противоречие с устремлениями купечества стран — контрагентов Ганзы, которые сами переживали значительный экономический подъем. С полным основанием К. Маркс писал: «...Монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования»²⁹. Что касается Ганзы рассматриваемого периода, то следует также учесть складывание и усиление централизованных монархий в ряде стран Западной и Восточной Европы (Англия, Швеция, Дания, Россия).

Для этой работы Шильдхауера («Ганза») характерен более широкий взгляд. Автор делает попытку дать анализ экономического развития ряда ганзейских городов, выявить принципиально новые явления. Но, к сожалению, некоторые положения историка носят излишне категоричский характер: например «всеобщий переход к капиталистическому производству» (стр. 173), «транзитная торговля уступает место экспортной» (стр. 174) и др. Необходимо было, как нам кажется, учесть влияние начавшегося кризиса Ганзы и ее по преимуществу посреднической торговли, что не могло не вести к возрастанию веса и значения ремесла, к известному его высвобождению из-под безраздельного господства купеческого

²⁹ Маркс К. Капитал, т. III. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 361.

патрициата, что сказалось на результатах борьбы бюргерской оппозиции за демократизацию городских режимов.

Работы И. Шильдхауера (особенно монография «Социальные, политические и религиозные противоречия») положили начало марксистскому изучению истории ганзейских городов в позднее средневековье и внесли большой вклад в исследование «белого пятна» — реформационного движения в этих городах (его выводы приложимы не только к трем рассматриваемым городам). Результаты исследований ученого об имущественной и социальной дифференциации в вендских городах в первой половине XVI в., о связи в них реформационного движения с социальной и политической борьбой, о положении низших слоев городского населения, о роли их борьбы за демократизацию городских учреждений обусловили научную значимость его работ и уже прочно вошли в современную науку³⁰.

Но есть и нерешенные вопросы. Необходимо полнее исследовать развитие ремесла в ганзейских городах, соотнесенность его с господством торговли, степень и формы зарождения капиталистических отношений и выяснить, почему ганзейские города не стали центрами ранне-капиталистического развития; как в обстановке засилья купечества складывались и развивались цеховые союзы и какие формы принимала борьба бюргерских и плебейских масс города против всевластия купеческого патрициата (особенно в Любеке). Вопросы эти имеют не только конкретное и региональное, но и серьезное методологическое значение. От их решения зависит многое в научном понимании типологии средневекового городского развития, в дальнейшем раскрытии его закономерностей.

Ценность исследований И. Шильдхауера в том, что эти вопросы ставятся. Очевидно, историческая мысль пойдет далее, отталкиваясь от них.

³⁰ Wiegand R. Zur sozialökonomischen Struktur Rostocks im 14. und 15. Jahrhunderts («Hansische Studien», 1961); Spading K. Probleme der ursprünglichen Akkumulation im hansischen Handelsgebiet («Hansische Studien», 111, Weimar, 1975, S. 142); Brandt A. von. Die gesellschaftliche Struktur..., S. 228.

В. А. Постников

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ
О ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

О Франческо Гвиччардини (1483—1540) всегда писали немало, особенно в западной исторической литературе. Этот младший современник Н. Макьявелли — виднейший историк своего времени, крупный политический деятель, очень своеобразный философ. В важнейшем своем историческом произведении — «Истории Италии» — он впервые сделал попытку толковать историю страны как единого целого: это была «важная веха в развитии буржуазной историографии»¹. Его работы отличает «широта исторического полотна, обилие конкретных данных, любопытных деталей, мастерски исполненных портретов политических деятелей, внимание к явлениям экономической жизни, добросовестное использование первоклассных источников»². Как политический деятель, он был — в теории и на практике — идейным последователем своего старшего современника и друга Макьявелли, создателем оригинальной концепции общества и государства. А сочинения Гвиччардини — «философа Возрождения и критика реформационного толка, который по новизне и размаху своих положений... стоит между Макьявелли и новой философией XVII века»³, создали ему славу и популярность, вряд ли преувеличенные.

И в то же время Гвиччардини — фигура весьма противоречивая. Как историк, он тщательно выявляет причинно-следственные связи событий, но тем не менее считает, что все события лишь повторяют самое себя, двигаясь по некоему извечному кругу; как политик, он считает церковное государство язвой Италии — и без малого 20 лет занимает в этом государстве весьма высокие должности; как философ, он верит в могущество человеческого разума — и считает мир непознаваемым. Неудивительно поэтому, что и по сей день са-

¹ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, с. 292.

² Там же.

³ Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне Нового времени. Л., 1974, с. 275.

мые авторитетные философы и историки его родной страны далеко расходятся между собой в оценках его творчества.

Между тем правильная оценка необычайно важна не только сама по себе. Она теснейшим образом связана с весьма малоизученной проблемой Позднего Возрождения, особенно в идеологическом ее аспекте, где она предстает как проблема кризиса и распада идеологии гуманизма. Труды Гвиччардини являются любопытнейшим источником, позволяющим судить об идеологии того времени. Они интересны по двум причинам: во-первых, их автор — один из самых блестящих мыслителей и осведомленных политиков своего века; во-вторых, они отличаются исключительной конкретностью, непосредственной связью с социальной психологией верхушки итальянского общества той смутной поры. Правильная оценка творчества Гвиччардини была бы очень важна для понимания изменений, происшедших в идеологии итальянского господствующего класса в сравнении с гуманизмом.

Лишь в последнее столетие итальянские мыслители попытались дать оценку творчеству Гвиччардини. Ведь начиная с XVI века и до самого периода Рисорджименто, монополия на культуру в Италии всецело находилась в руках католической церкви, а ее отношение к Гвиччардини было резко отрицательным: все известные к тому времени сочинения Гвиччардини входили в «Индекс запрещенных книг». Для этого были достаточно веские причины: «наглое пренебрежение святошью папства, бесстрашное, откровенное обхождение со светской властью духовенства или безразличие к (христианской) морали»⁴ сами по себе являлись, по ироническому замечанию известного знатока творчества Гвиччардини Винсента Лучиани, достаточным основанием для критического отношения со стороны церковных историков. Но действительные причины — сам же Лучиани понимает это — лежали глубже: «Критика Гвиччардини есть образец католической апологетической прозы, которая спасает высшую надмировую истину за счет земной, которую ставит в зависимость от нее. История должна зависеть от теологии и этики, для которых она просто вторична»⁵, — этим замечанием Лучиани показывает, что верно оценивает идеи Гвиччардини, по крайней мере, в смысле глубины

⁴ Luciani V. Francesco Guicciardini and his European reputation. N.-Y., 1936, p. 45.

⁵ Ibid., p. 219.

его расхождений с христианской идеологией. Однако сначала обратимся к тем авторам, чьи работы вышли до Лучиани.

Современная научная историография в Италии начинается в эпоху Рисорджименто. Наиболее авторитетная оценка, данная творчеству Гвиччардини в ту пору, — это, безусловно, оценка Франческо Де Санктиса, крупнейшего историка культуры: «его взгляд на Гвиччардини сделался на долгое время как бы обязательным»⁶. В своей «Истории итальянской литературы» он «нарисовал непривлекательный портрет благо разумного человека Гвиччардини»⁷: «Личное благо — вот бог, которому молится Гвиччардини. Никаких идеалов не осталось. На мировой арене остается лишь индивидуум. И это называется не разложением, которым надлежит возмущаться, а мудростью»⁸. Эта мудрость для видного либерала той эпохи была слишком откровенна — до цинизма. Он не мог принять ее. И не только он: «Эту точку зрения (Де Санктиса) можно считать логическим продолжением идей Маццини, Бальби, Эмилиани-Гвидичи»⁹. Но историки масштаба Де Санктиса в своих оценках обычно не останавливаются на простом логическом продолжении идей своих предшественников. Есть другая сторона в оценке того же Де Санктиса: «Хорошо организованная свобода, независимость и самостоятельность наций, освобождение от гнета церкви — эта программа ... стала политическим завещанием Гвиччардини и поныне является знаменем всех миролюбивых, передовых сил Европы»¹⁰. Гораздо яснее, чем многие позднейшие историки, Де Санктис сумел разглядеть позитивное ядро идей Гвиччардини и показать, что это, по сути, буржуазная политическая программа: в достаточной степени ограниченная («хорошо организованная») демократия, создание единого национального государства и секуляризация общественной жизни. Среди современников и друзей Де Санктиса многие были куда более робкими в своих трудах по созданию итальянского буржуазного государства — они ограничились монархией и частичной секуляризацией. Впрочем, из них по крайней мере один восхищался Гвиччар-

⁶ Дживелегов А. К. Франческо Гвиччардини. — В кн.: Франческо Гвиччардини. Сочинения. М., 1934, с. 13.

⁷ Luciani V. Op. cit., p. 369.

⁸ Де Санктис Ф. История итальянской литературы, т. 2. М., 1964, с. 139.

⁹ Luciani V. Op. cit., p. 369.

¹⁰ Де Санктис Ф. Указ. соч., с. 135.

дини так же бурно, как сам Де Санктис негодовал. Это был граф К. Б. Кавур¹¹.

У историков, творивших после Де Санктиса, мы обнаружим меньше эмоциональных эпитетов, но, как правило, и меньшую широту суждений и оценок. Теперь внимание сосредоточивается на отдельных положениях, деталях, нюансах — словом, на том, что сам Гвиччардини именовал своим любимым словом «*sologi*». Отчасти это, впрочем, объясняется простым сопоставлением времени написания работ Де Санктиса и времени издания не известных ранее трудов Гвиччардини. Де Санктису были известны лишь «История Италии» и «Заметки о делах политических и гражданских», в 80-е же годы в обиход исторической науки входят все основные политические трактаты и солидная часть эпистолярного наследия Гвиччардини.

Ранее не изданные произведения, особенно «Диалог об управлении Флоренцией» и «Замечания о размышлениях Макьявелли...», значительно обогатили представление о политическом мыслителе и философе не в ущерб историку Гвиччардини. Этот процесс начался с К. Джियोды. Едва ли не первым он пытается отделить в творчестве Гвиччардини общие места, обязательные для любого сочинения XVI в., от индивидуальности автора, провести чисто историческую, не морализаторскую критику его сочинений (ученик Джियोды, Альфредо Ориани, позднее поставит Де Санктису в вину отсутствие такой критики)¹² и на основе этой критики впервые ставит вопрос о том, каково действительное отношение Гвиччардини не только к папству или католицизму, но и к христианству и даже к религии вообще. По его мнению, Гвиччардини как атеист идет дальше гуманистов, которые, будучи индифферентны в вопросах религии, сохраняют чисто внешний религиозный пиетет¹³.

Если Джियोда пытается разрешить проблему, никем до него не поставленную, то его младший современник Энрико Дзаниони пытается по-новому подойти к проблемам, поставленным предшественниками. Две его громадные работы, посвященные Гвиччардини, вышли почти одновременно. Одна посвящена критическому анализу политических и исторических работ Гвиччардини, ставших известными лишь в 80-е годы прошло-

¹¹ Luciani V. Op. cit., p. 367.

¹² Ibid., p. 398.

¹³ Gioda C. Guicciardini e le sue opere inedite. Bologna, 1880.

го века¹⁴; в ней подчеркивается оригинальность Гвиччардини как историка не только в сравнении с гуманистами, но и с другими авторами XVI века. Без трудов Гвиччардини невозможно правильное понимание не только итальянской истории, но и состояния итальянской философии и социальных наук в его время. Другая работа — по сути, первая научная биография Гвиччардини — гораздо дискуссионнее¹⁵. В ней Гвиччардини предстает величайшим государственным деятелем своего времени; единственная цель его жизни — создание единой независимой Италии. Ради нее он борется с оружием в руках в составе войск Лиги; ради нее идет на сотрудничество с ненавистным ему Римом. Тяжкие обвинения в политической беспринципности, в стремлении всегда оказаться на стороне победителя, возведенные на него историками Рисорджименто, должны быть наконец сняты с великого итальянского патриота.

Агостино Росси ревизует оценки, данные предшественниками творчеству и идеям Гвиччардини, с иной стороны. Апология Росси (иначе ее трудно назвать) посвящена политической деятельности Гвиччардини во Флоренции между 1527 и 1540 годами¹⁶. В основном Росси видит свою задачу в том, чтобы оградить Гвиччардини от ряда обвинений, в частности, во взяточничестве и в антипополанском заговоре, выдвинутых против него еще современниками. Попутно все хорошее в политической жизни Флоренции почти за четверть века приписывается деятельности героя, а все плохое — проискам его противников. Однако, будучи добросовестным историком, Росси стремится не только декларировать, но и доказывать свои положения. С этой целью он вводит в свою работу интересные новые источники, особенно эпистолярные. Поэтому ценность его работы, вне зависимости от установки автора, очень значительна.

Гораздо объективнее оценивает Гвиччардини Паскуале Виллари — виднейший итальянский историк конца прошлого века. Он не занимался изучением Гвиччардини специально, но уделил ему немало внимания в работе о его друге и современнике Н. Макьявелли¹⁷. Отзываясь о Гвиччардини как о

¹⁴ Zanon E. La Mente di Francesco Guiccardini nelle opere politiche e storiche. Firenze, 1897.

¹⁵ Idem. Vita publica di Francesco Guicciardini. Bologna, 1896.

¹⁶ Rossi A. Francesco Guicciardini e la governo fiorentino dal 1527 al 1540. Bologna, 1896.

¹⁷ Виллари П. Никколо Макиавелли и его время, т. I. Спб., 1914.

выдающемся историке, проницательном политике и философе, Виллари в то же время подчеркивает его воинствующий антидемократизм, презрение и ненависть к народу. Все это, с точки зрения Виллари, в значительной степени обесценивает патриотические выступления Гвиччардини, искажает историческую и политическую перспективу в его трудах.

Специально не занимался изучением Гвиччардини и крупнейший из итальянских философов новейшего времени — Бенедетто Кроче. Однако в работе¹⁸, посвященной культуре Италии XVI века, он оценивает Гвиччардини как одного из тех новаторов, которые первыми подошли к общественным процессам чисто эмпирически, а не на основе всякого рода правил, утвержденных и предписанных авторитетами Средневековья. Интересно, что эта оценка во многом схожа с той, что дал Гвиччардини другой влиятельнейший итальянский философ первой половины нашего века — Джованни Джентиле¹⁹.

Специальную работу посвятил Гвиччардини один из известнейших учеников Кроче — Паоло Тревес²⁰. Он исходит из посыла, что нельзя, как это зачастую делалось предшествующими авторами, расчленять личность Гвиччардини на практика, политика и историка. В своей попытке синтеза он выдвигает мысль о Гвиччардини «дипломатическом» не по должности, но по образу мыслей, чей идеал, гибкий и легко приложимый к изменчивой действительности, — это *возможное*, в смысле — практически достижимое. Вера в возможное есть внутреннее содержание скептицизма Гвиччардини, его доверия исключительно к собственному опыту, его осторожного пессимизма. Он всегда ориентируется на пользу, понимаемую им весьма прагматически. Чуждается крайностей в политике и идеологии. Все это является внутренним обоснованием, на котором строится характерное для Гвиччардини неверие в абсолюты, перерастающее в релятивизм. «Лучше Компромисс, чем Утопия» — таков, по мнению Тревеса, истинный символ веры Гвиччардини. Однако ценность построенный Тревеса снижается вследствие того, что Гвиччардини рассматривается им в отрыве как от гуманизма, так и от правящей верхушки итальянского общества, к которой он принадлежал.

В отличие от Тревеса, Федерико Шабо оценивает идеи

¹⁸ Groce B. Storia dell'eta barocca in Italia. Bari, 1957.

¹⁹ Gentile G. Il. Pensiero italiano del Rinascimento Firenze, 1968.

²⁰ Treves P. Il realismo politico di Francesco Guicciardini. Firenze, 1931.

Гвиччардини именно в сравнении с гуманизмом XIV—XV вв.²¹ По мнению Шабо, одна из величайших заслуг Гвиччардини — в том, что у него, в отличие от большинства гуманистов, мысль и действие неразрывно связаны, что его логические построения всегда жизнённы. Современность для него — не повод для античных исторических реминисценций, а объект постоянного внимания. Другая величайшая заслуга Гвиччардини, по мысли Шабо, — в том, что именно его труды сыграли огромную роль в освобождении истории от телеологических построений, от власти божественного провидения. Полное освобождение от телеологии, по мнению Шабо, представляет собой шаг вперед в сравнении с гуманистической историографией. Однако Гвиччардини слабее гуманистов своим абсолютным, по мнению Шабо, неверием в человека, его разум и добродетель, а отсюда — и в прочность его земных дел. Именно это неверие и порождает у Гвиччардини представление о могуществе фортуны.

В те же 30-е годы нашего столетия, когда были написаны основные работы Ф. Шабо, в итальянской историографии появляются новые тенденции, связанные с влиянием фашистской идеологии. Представители этого направления также не обошли своим вниманием Гвиччардини. Для пояснения их подхода наиболее показательной нам представляется работа Антонио Феррау²², посвященная анализу политической теории Гвиччардини. Внимательно проследивая развитие политических взглядов Гвиччардини, отыскивая источники его воззрений то у античных авторов, то у гуманистов и даже проводя сравнение между взглядами Гвиччардини и идеологов буржуазных революций (!), автор оценивает Гвиччардини как выдающегося демократа и борца за свободу. Демократизм его странным образом доказывается тем широким пониманием слова «народ», которое, по мнению автора, характерно для Гвиччардини: оно якобы включает в себя и наиболее активную часть правящих классов и, таким образом, сближается с понятием «нация». Этим оно отличается от узкого, недемократического понимания слова «народ», включающего в себя лишь трудящиеся классы (!). Что касается борьбы за свободу, то, как известно, Гвиччардини всегда выступал про-

²¹ Chabod F. Scritti su Machiavelli. Torino, 1964; *Idem*. Scritti sul Rinascimento. Torino, 1967.

²² Ferrau A. Il. Pensiero politico di Francesco Guicciardini. Roma, 1930.

тив народных правительств, а они-то, по мнению Феррау, и есть главные противники и фальсификаторы свободы.

Чисто апологетический характер носит работа Эдоардо Биццари²³. Эта несколько беллетризованная биография интересна только в одном отношении: в ней изучается деятельность Гвиччардини-военачальника.

Не менее апологетична, но значительно более оригинальна упоминавшаяся уже работа Винченцо Лучиани²⁴. Впервые изданная ее автором в США еще до начала 2-й мировой войны на английском языке²⁵, она была переведена на итальянский самим автором, переехавшим после войны в Италию. Работа эта, посвященная проблемам историографии Гвиччардини, построена по принципу «от противного». Собственная оценка Гвиччардини, даваемая автором, в общем-то повторяет оценки Тревеса и в этом смысле не оригинальна. Действительно оригинален Лучиани в подходе к литературе, вышедшей по интересующей нас теме до конца XIX века: «фактически весь критицизм историографии (Гвиччардини)... основан на пристрастности»²⁶. Основываясь на этом убеждении, автор для удобства работы делит всю предшествующую литературу по предубеждениям: партийно-националистическим, личным, клерикальным, общим. В последнюю категорию, между прочим, попадают совместно Леопольд Ранке и Мишель Монтень. В то же время огромная эрудиция автора в избранной теме, удачный подбор примеров, богатейший справочный аппарат, наконец, множество отдельных метких оценок делают эту книгу незаменимой для изучения Гвиччардини.

Исключительный интерес представляет и другая работа, вышедшая в 40-е годы, — небольшой по объему, но содержательный труд Уго Спирито²⁷. По мнению Спирито, главное, что отличает Гвиччардини не только от гуманистов, но и от его прямого предшественника Макьявелли, — это агностицизм. Именно следствием агностицизма является то внимание, которое Гвиччардини уделяет понятию «фортуна», получающему в его трудах совершенно новую интерпретацию в сравнении с гуманистическим мировоззрением: теперь форту-

²³ Bizzari E. L'italiano Francesco Guicciardini. Firenze, 1942.

²⁴ Luciani V. Francesco Guicciardini e la fortuna dell'opera sua. Firenze, 1949.

²⁵ *Idem*. Francesco Guicciardini and his European Reputation. N.-Y., 1936.

²⁶ *Ibid.*, p. 45.

²⁷ Spirito U. Machiavelli e Guicciardini. Roma, 1945.

на выступает как фактор, исключающий возможность достоверного суждения о причинно-следственной связи событий. В области же политики главным, по мнению Спирито, является попытка Гвиччардини найти, хотя бы в теории, компромисс между частными и общественными интересами. Таким компромиссом должно служить благо государства, которое выступает в данном случае как инструмент достижения личного блага. Эта попытка позволяет, по мнению Спирито, считать Гвиччардини не только буржуазным политиком, но и предком современных буржуазных либералов.

Часть капитального труда Джузеппе Саятты²⁸, посвященная собственно Гвиччардини, невелика по объему, но чрезвычайно значительна по содержанию. По мысли Саятты, в мировоззрении Гвиччардини политический реализм соединяется с оптимизмом, с гуманистической верой в доброту и разум человека, с антропоцентризмом, отрицающим телеологию в истории и политике. Однако не менее доброе и разумное начало Гвиччардини, по мнению автора, находит и в рационалистически трактуемых основах религии, хотя в то же время негативно относится к догматике и политике церкви. Государство же не несет в себе никакого доброго и разумного начала, оно есть насилие, осуществляемое всегда в чьих-либо частных интересах; поэтому, чтобы достичь некоторого равновесия, при котором государство не ущемляло бы интересов личности, оно должно управляться квалифицированными людьми — профессиональными политиками.

Совершенно иначе оценивает мировоззрение Гвиччардини Рафаэлло Рамат²⁹, по мнению которого Гвиччардини, с его мышлением, реалистическим до цинизма, хорошо представляет себе ограниченность разума и добродетели человека. По этому гуманизм, с его «virtù», гражданскими моральными ценностями, общим благом, пользой родины и т. д., представляется ему просто беспомощным. Гораздо удобнее следовать за своим временем, посмеиваясь над благоразумием маленьких мудрецов и взглядами посредственностей. Однако реализм Гвиччардини, в том числе и его политический реализм, не мешает ему в душе придерживаться весьма консервативных воззрений: недаром его политическим идеалом является олигархический режим закоснелой, приходящей в упадок Венеции.

²⁸ Saitta G. Il Pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento, vol. 3. Bologna, 1950.

²⁹ Ramat R. Il Guicciardini e la tragedia d'Italia. Firenze, 1953.

Эудженю Гарен в своей работе³⁰, посвященной истории итальянской философии, подчеркивает прежде всего прогрессивную роль, которую сыграло для развития философской мысли отделение в творчестве Гвиччардини истории и политики — от морали, а этой последней — от религии³¹. В то же время Гарен справедливо указывает на агностицизм Гвиччардини, особенно дающий себя знать, когда речь идет о наиболее общих законах социального бытия и природы. Обратной стороной этого агностицизма является, по мнению Гарена, эмпиризм, столь абсолютизированный в творчестве Гвиччардини: знания, полученные чисто опытным путем, призваны возместить в какой-то степени незнание общих законов бытия, лежащих вне пределов постижения человеческого разума.

Работа Вирджиллио Титоне, хотя и посвящена исключительно проблемам политической теории XVI в.³², трактует и некоторые философские аспекты мировоззрения Гвиччардини: его главная заслуга в этой области заключается, по мнению Титоне, в антиномии «мир или бог», открыто поставленной и разрешаемой в пользу «мира». Однако творчество этого смелого новатора в области политической доктрины, чьи труды завершают гуманистическую традицию понимания общества и государства и в то же время открывают политическую науку Нового времени, не лишено внутренних противоречий, из которых главное — противоречие между объективной логикой событий, которая не подчинена субъективной логике человека, и этой последней.

Данным перечнем важнейших, на наш взгляд, работ далеко не исчерпывается литература о Гвиччардини. Однако и из приведенных оценок его творчества можно вывести несколько наиболее общих положений. Во-первых, во всех наиболее серьезных работах подчеркивается близость идеологии Гвиччардини к гуманизму, выражающаяся иногда в дальнейшем развитии, а иногда в прямом отрицании того или иного гуманистического тезиса. Во-вторых, выявляется наличие новых черт, не связанных с гуманизмом ни через развитие, ни через отрицание. В некоторых работах эти новые черты идеологии Гвиччардини справедливо, на наш

³⁰ Garin E. Storia della filosofia italiana, vol. 2. Torino, 1966.

³¹ К подобной формулировке в конце жизни пришел и Б. Кроче (см.: Croce B. A working Hypothesis: The Crisis of Italy in Cinquecento and Bond between the Renaissance and Risorgimento. — The Late Italian Renaissance, L., 1970).

³² Titone V. La politica dell'eta barocca. Roma, 1969.

взгляд, рассматриваются как специфически буржуазные. Как нам кажется, подобные оценки огромного, противоречивого, все еще недостаточно исследованного творческого наследия Гвиччардини дают ключ и к пониманию проблемы Позднего Возрождения как периода окончательного завершения гуманистической идеологии с одной стороны и возникновения диалектически отрицающей ее (хотя далеко еще не зрелой) чисто буржуазной идеологии — с другой.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Г. Л. Курбатов

МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ АНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

17—19 декабря 1974 г. в Ленинграде состоялась межвузовская конференция, организованная истфаком ЛГУ и Головным Советом по истории Минвуза РСФСР «Гражданская община в социально-политической жизни античности и раннего средневековья». Она была проведена как совместная конференция античников и медиевистов по проблемам, представляющим насущный интерес для университетских и вузовских преподавателей истории античности и средних веков.

Как известно, проблемы общины, рабства, генезиса феодализма и другие неоднократно рассматривались на представительных совещаниях последних лет, обсуждались и дискутировались в печати. Их разработка поставила в более широком плане проблему античного полиса как основной социально-политической ячейки античного мира, его эволюции, системы внутриволисных отношений, положения полиса в системе империи, его судеб в эпоху перехода от античности к средневековью и, в связи с этим, судеб муниципальной общины в жизни раннесредневековой Европы и др. Проблематика конференции привлекла большое число участников из более чем десяти университетских центров страны. На конференцию было представлено около 50 докладов и сообщений. Большинство их носило проблемный, обобщающий характер, отражало результаты многолетних исследований их авторов. В конференции приняли участие также археологи.

Проблемам становления раннегреческого полиса были посвящены доклады В. П. Яйленко «Социальные структуры ран-

ней Греции» и Ю. В. Андреева (Ленинград) «Гентильные объединения в гомеровское время. Большая группа докладов ученых Москвы, Ленинграда, Горького, Сыктывкара, Уфы была посвящена проблемам классического полиса, политических отношений в нем, положения городов в системе различных политических объединений под властью Рима. В ряде докладов была рассмотрена проблема сходства и отличия в развитии и организации античного полиса и городов Востока. Доклад Ю. К. Колосовской (Москва) был посвящен важной для римской эпохи проблеме взаимоотношения племенной общины и римского города.

Процессы постепенного разложения полисного строя и трансформации общественной жизни полисов были рассмотрены в докладах И. Ш. Шифмана (Ленинград) и И. С. Свенцицкой (Москва). В докладе И. Ф. Фихмана (Ленинград) была прослежена специфика эволюции муниципального строя в Египте позднеримского и ранневизантийского периода, когда, номинально существуя, муниципальная организация всё более превращалась в своего рода придаток крупного землевладения.

Проблеме своеобразия ранневизантийского города IV—VII вв. был посвящен доклад Г. Л. Курбатова (Ленинград). Опираясь на данные источников (новые публикации проповедей Иоанна Златоуста и др.), а также на новые исследования в этой области, автор показал, что, по крайней мере для IV в., нет достаточных оснований недооценивать социальную роль рабовладения в поддержании полисной организации. Процесс постепенного упадка муниципального землевладения гражданской общины в этот период свидетельствует об интенсивном разложении экономической и социальной базы античного полиса в IV—VI вв. Именно в этом процессе укрепляется собственность, не контролируемая городом, возрастает самостоятельность различных корпораций и объединений, их общественно-политическая активность, столь характерная для жизни ранневизантийского города. С разложением античной полисной организации был связан и расцвет борьбы димов и партий цирка.

Докладчик выступил также против формализованного подхода к позднеантичному полису, против традиций судить о его значимости по степени подчиненности муниципальной организации государственной власти. Полис был сложным социальным организмом, с многовековой системой социальных отношений и связей, и его разложение происходило не столь пря-

молинейно и просто, как это иногда представляется. Примечательно также, что церковь (епископы), присвоив себе в этот период функции бывших городских магистратов, оказалась вынужденной воспринять и осуществлять многие прежние муниципальные функции полисной организации. Только с конца VI в. можно говорить об окончательном сломе античного полиса.

К аналогичным выводам на конкретном материале Херсонеса IV—VI вв. н. э. пришел в своем докладе С. А. Беляев (Ленинград). Проследив строительную активность города по инициативе самой общины в IV—VI вв., автор показал силу и жизнеспособность в Херсонесе этого периода античной гражданской традиции и элементов полисного патриотизма. Исчезновение этих активных начал во второй половине VI в., фиксируемое прекращением индивидуальных донаторских надписей, свидетельствует, по мнению автора, об отмирании остатков античной гражданственности, о существенных переменах в социальной жизни полиса и психологии его населения. Античные традиции в политической жизни Константинополя V—VI вв. были рассмотрены в докладе А. А. Чекаловой (Москва).

Судьбам позднеантичного города был посвящен и доклад В. А. Коростелина (Симферополь) «Варвары-федераты в политической жизни городов и провинций поздней Римской империи». По его мнению, расселение федератов способствовало развитию земледелия в обширных районах южной Галлии, Испании, Северной Африки, придунайских провинций, но оно же ускорило экономический упадок городов и разложение позднеримской городской общины.

Проблема эволюции античных городов в раннесредневековую эпоху была в центре внимания целой группы докладчиков. Так, А. Я. Шевеленко проследил историю городов Армориканского полуострова с III по IX вв. По мнению докладчика, в процессе романо-бретонского синтеза частично, хотя и не повсеместно, исчезло существовавшее ранее разделение ремесленного и земледельческого труда, приведшее в свое время к возникновению римских городов. Оно сохранилось лишь в некоторых, в других оно вновь возродилось лишь позже. Третья группа городов впервые возникла в феодальную эпоху. По характеру происхождения 30 городов, существовавших в Бретани к концу раннего средневековья, можно разделить на 3 группы: 11 — преемники римских, 13 — пришедших в упадок в V—VII вв. и позднее возродившихся и 6 — возникших в X—XI вв.

Данные доклада свидетельствуют о глубоком упадке городов и городской жизни в этом районе в эпоху раннего феодализма и начале ее возрождения лишь в конце раннего средневековья.

В докладе М. Л. Абрамсон (Москва) были прослежены судьбы южно-итальянского города. По мнению докладчика, в VI столетии он еще сохранял позднеантичный характер. Перелом происходит с VII и до середины IX в., в условиях начавшегося складывания феодальных отношений. В этот период множество городов Юга прекращает свое городское существование, разоряется масса средних и мелких муниципальных собственников, утрачивают значение муниципальные курии. Изменился сам характер городской экономики, состав населения, микроструктуры. Город ассимилируется феодальным обществом. Докладчиком было прослежено и влияние античного наследия: значительность аграрного населения, длительная сохранность слоя мелких и средних городских земельных собственников-посессоров, римского права, традиционных поземельных отношений в городской округе, восходящих к римским формам аренды и других факторов, чье влияние очень существенно на протяжении всего раннего средневековья, да и позднее сказывается на развитии города в этом регионе.

Проблемам итальянского города был посвящен и доклад Л. А. Котельниковой (Москва) «Городская община в Северной и Средней Италии в VIII—X вв.: действительность раннего средневековья и античные традиции». На обширном материале докладчик проследила упадок римской муниципальной организации и вообще позднеимских порядков и отношений, их интенсивную феодализацию. Начало оживления торгово-ремесленной деятельности в IX—X вв. проявляется в развитии элементов так называемой «малой ассоциации» — первичных форм организации городских ремесленников и торговцев перед лицом феодального или феодализирующегося правителя (графа, епископа), а также элементов городской общины, стремящейся к самоуправлению; распоряжению муниципальными землями, городскими зданиями, сооружениями и т. п. Сила и влияние этой общины к концу периода заметно возросли, однако будущая коммуна не могла победить лишь путем накопления «количественных признаков», без борьбы горожан с городскими сеньорами. Некоторые элементы в организации городской общины и ремесленных коллегий этого периода вызывают reminiscences с позднеимским городом.

Однако это лишь внешнее сходство в некоторых функциях и названиях учреждений.

Проблемам развития городской общины и начала коммунальных движений на Юге Франции был посвящен доклад М. Е. Карпачевой (Саратов) «Коммунальное движение в Каркассоне и мелких торгово-ремесленных центрах каркассонского района». Докладчик выступила против переоценки сохранности античных городских начал в Галлии раннего средневековья. Каркассон, город «римского корня», длительное время существовал лишь как крепость, не сохранив какой-либо преемственности с античными формами городской жизни и институтов. Развитие коммунального движения в Каркассоне было неразрывно связано с его становлением как города в подлинном смысле слова, с ростом его бургов; торгово-ремесленное население которых явилось основной движущей силой освободительной борьбы. Докладчик отметила типично средневековые черты коммунальной борьбы, принципиально отличные от форм, характерных для политической жизни античного города, и подчеркнула значение начала коммунального движения как показателя нового этапа развития городской общины, резко отличного от предыдущего (догородского).

Проблемы специфики развития раннесредневекового города в Далмации были рассмотрены в докладе М. М. Фрейденберга (Калинин) «Община в далматинском городе раннего средневековья». По мнению докладчика, основной особенностью здесь было сильное сходство с античным городом и античной организацией городской общины. Главную причину этого автор видит в особенностях природно-географических условий района, наличии изолированных островов и замкнутых межгорных долин. Для далматинского города было характерно отсутствие деления города и деревни, ряд городов возникал в результате своеобразного «сселения», вследствие чего на ближней к городу периферии отсутствовали села. Далматинский город в большей степени сохранял функции коллектива землевладельцев, характерные для античного полиса (горожанам обязательно выделялись земельные наделы и т. д.). В то же время далматинская городская община VII—IX вв. существенно отличалась как от античной, так и от последующей, средневековой, городской коммуны отсутствием Совета, консулата, магистратур, меньшим значением ремесла и торговли в ее жизни.

Сохранение некоторых традиций землепользования в окру-

ге далматинского города в XIV в. было прослежено Л. А. Шаферовой (Красноярск) в докладе «Вилла Которского дистрикта». Автор рассмотрел ряд документов, освещающих хозяйственную организацию пригородных вилл Котора. Они существовали только на городской земле, в округе, подвластной городу, который не допускал образования общин. Небольшие подгородные участки, состоящие, как правило, из дома, сада и виноградника, обрабатывались руками горожан и рабов.

Интересный материал о чертах сходства и различия в организации торговых объединений античности и средневековья был приведен в докладе Г. М. Тушиной (Горький) «Средиземноморские торговые объединения и городская община в античности и в средние века». Автор попыталась последовательно сопоставить торговые объединения классической Греции, эллинистического Египта, Рима и эпохи феодализма. Существенные отличия отмечены в экономической основе и социальной структуре объединений. Последнюю, для эпохи феодализма, автор характеризовала как более демократичную и социально однородную, чем для античности. По мнению автора, в средние века экономическая основа и социальная организация торговых объединений и городской общины взаимно гораздо ближе, чем это имело место в античности.

Как готовилось и начиналось городское развитие в условиях «варварских обществ», отсутствия античной подосновы и традиций городской жизни? Г. С. Лебедев (Ленинград) в своем докладе «Социальная структура северного города эпохи викингов (IX—XI вв.)» стремился выявить основы формирования «вигов» — торговых центров, корабельных стоянок, возникающих, по мнению докладчика, на стыках племенных границ. Автор характеризовал их как предшественников городов, как специфическую для этих районов переходную форму, в рамках которой начинали дифференцироваться и кристаллизоваться зародышевые функции будущего города. Вики были пунктами концентрации и обеспечения транзитной торговли, с колеблющимся составом населения. Они утратили свое значение с развитием феодальных отношений и зарождением настоящих городов.

Процесс возникновения протогородского центра на материале раскопок у деревни Большое Тимерево под Ярославлем был рассмотрен И. В. Дубовым (ЛГУ). Для этого центра IX в., расположенного на важном торговом пути, была характерна, по мнению автора, ограниченность связи с сель-

ским хозяйством, преобладание торговли, текучесть и полиэтничность населения.

А. В. Гадло (Ленинград) по итогам раскопок Хумаринского городища VIII—IX вв. обрисовал процесс формирования поселения городского типа, происходивший по мере оседания кочевников и развития земледелия в верховьях Кубани, поселения, сочетавшего на этом этапе функции административного, торгового и ремесленного центров. Примечательно, что рассмотренное городище было во многом аналогично новым городским центрам Болгарии этого времени.

По докладам развернулась оживленная дискуссия, в которой приняли участие античники, медиевисты и специалисты по истории средневекового Востока (Э. Д. Фролов, И. С. Свенцицкая, И. Ф. Фихман, А. Д. Люблинская, В. И. Рутенбург, М. М. Фрейденберг, Г. Л. Курбатов, К. З. Ашрафян и другие). Дискуссия подтвердила, что совместное участие в конференции античников и медиевистов позволило в большей степени выявить качественные различия между средневековым и античным городом. Упадок и разложение античного полиса были рассмотрены всесторонне, как в сфере отношений собственности, так и в общественном строе и институтах. В ряде докладов было четко разграничено реальное влияние античного прошлого на развитие раннесредневекового города, роль античных традиций в его социальной жизни и институтах и — коренное изменение его «характера, иногда наполнявшего старые формы и терминологию качественно новым содержанием» (Л. А. Котельникова, М. Л. Абрамсон, М. М. Фрейденберг и др.). В связи с этим в ряде выступлений обращалось внимание на неоправданность еще встречающегося иногда «антиквизированного» подхода к терминологии и источников по городским отношениям VIII—IX вв.

Таким образом, в целом ряде докладов затрагивалась проблема «континуитета». Специально критика новейших концепций континуитивизма была дана в докладе А. Н. Немилова. Континуитивизму был противопоставлен также и материал доклада М. Е. Карпачевой.

Что касается городских движений, классовой борьбы в городе, то эта тема заняла важное место в докладах по позднеантичному городу (Г. Л. Курбатов и др.) и южно-французскому городу XI—XII вв. (М. Е. Карпачева и др.), но, к сожалению, не была достаточно представлена в докладах по VII—IX вв.

Конференция позволила уточнить представления о специ-

фике регионального развития города. Так, К. З. Ашрафян (Москва) сопоставила западноевропейский вариант развития средневекового города с восточным, не знавшим коммунальных движений, аналогичных западным.

Во многих выступлениях было обращено внимание на подлежащие разработке проблемы. Так, А. Д. Люблинская (Ленинград) проанализировала перспективные возможности источниковедческой базы исследования судеб города в раннее средневековье, особенно остановившись на задачах изучения кардинальных изменений в отношениях собственности при переходе от античности к средневековью. К. З. Ашрафян подчеркнула, что в связи с упадком торгово-ремесленного значения городов в период раннего средневековья особое значение приобретает изучение присущих им аграрных отношений. В выступлении было также рассмотрено соотношение понятий община и город.

В целом совместная конференция античников и медиевистов, в работе которой участвовало около 80 человек, представителей различных вузов и научных учреждений страны, была бесспорно полезной. Она ознакомила преподавателей университетов и вузов с состоянием изучения ряда сложных вопросов истории античного и средневекового общества и ориентировала молодых исследователей на разработку наиболее научно актуальных вопросов истории города.

Проделанная работа убедительно показала необходимость важности проведения подобного рода межвузовских проблемно-тематических конференций и симпозиумов с широким участием представителей академических учреждений. Это особенно важно в связи с ростом и становлением новых университетов, где медиевистика еще только развивается и не имеет сложившихся научных и учебно-методических традиций.

Конференция приняла решение обязать Секцию истории средних веков Головного совета по истории Минвуза РСФСР провести аналогичное научное совещание специально по проблемам истории средневекового города.

С. М. Стал, М. М. Яброва

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТОМАСУ МОРУ

29-го мая 1978 г. в Москве Комиссия по истории культуры Возрождения при Научном совете по истории мировой культуры Академии Наук СССР провела конференцию, посвященную 500-летию со дня рождения Томаса Мора.

А. Э. Штекли в кратком вступительном слове очертил основные направления, по которым в современной историографии идут споры вокруг личности и творчества, общественно-политических взглядов великого английского гуманиста. Одни видят в Море великого мыслителя, отрицавшего частную собственность, другие — мученика-католика, третьи — человека, сложившего голову за свои убеждения. Советские люди, — сказал в заключение А. Э. Штекли, — чтут Томаса Мора, в первую очередь, как автора «Утопии».

Заслушанные доклады и сообщения группировались вокруг трех проблем: содержание утопических взглядов Мора; их соотношение с другими современными идеями и их влияние на передовых мыслителей той эпохи; история изданий «Утопии» в разных странах.

С заглавным докладом выступил И. Н. Осиновский. Докладчик подробно рассмотрел те споры, которые продолжают до настоящего времени вокруг Мора и его идей. Для католических клерикалов «Утопия» остается загадочным феноменом, ее пытаются истолковать как курьез, парадоксальную «игру ума». Отрицая коммунистическое содержание «Утопии», они пытаются уверить, что Мора волновало не общественное переустройство, а чисто этические проблемы. В действительности же в «Утопии» этическое зло устраняется через новое общественное устройство, установление бесклассового общества: только без частной собственности возможна гармония этики общественной и индивидуальной. Самое важное Мор видел в том, чтобы обеспечить счастье тех, кто трудится. При этом, наряду с материальными, важнейшее внимание обращалось на удовлетворение духовных потребностей. В противовес христианской доктрине, рассматривавшей труд как наказание за грехи, в «Утопии» содержится новая трактовка труда. В основе нравственности утопийцев лежат отношения братства и взаимопомощи. И. Н. Осиновский подчеркнул, что Мор — самостоятельный мыслитель, который

черпал свои идеи из английской действительности, преодолевая буржуазную ограниченность гуманизма. Великая историческая заслуга Мора, — заключил докладчик, — в его критике зарождавшегося буржуазного строя.

Ю. М. Сапрыкин обратил внимание на то, что идейные истоки утопического социализма Мора надо искать не в христианстве и не в античности, а прежде всего в европейском гуманизме XIV—XVI вв. В конце XV — начале XVI века в гуманизме уже ощущались недостаточность чисто этического подхода к социальным проблемам, но до Мора эта ограниченность не была преодолена. Принципиальное расхождение Томаса Мора с его предшественниками-гуманистами — в отрицании частной собственности. Существенно новым у Мора является и то, что он подверг критике не только феодальные отношения, но и буржуазный индивидуализм.

А. Э. Штекли выступил против модернизации утопического идеала Мора, смешения его с утопическим социализмом XIX в. Нельзя затушевывать черты отсталости у ранних утопистов. Мор и Кампанелла не связывали свой идеал с идеей технического прогресса. Но вместе с тем в «Утопии» нет реставрации ремесленного строя, ибо последний никогда не существовал без частной собственности. С другой стороны, докладчик не считает обоснованным утверждение, что Мор первым выдвинул идею «от каждого по способностям, каждому по потребностям»: в Утопии духовные потребности преобладают над материальными и существует известное общественное регулирование индивидуальных потребностей. В заключение докладчик определил Томаса Мора как первого, кто в эпоху Возрождения облек в гуманистическую форму коммунистические идеи.

С. М. Стам в своем выступлении отметил определенную ценность аксиологического подхода, предложенного А. Э. Штекли, но подчеркнул решающую роль подхода исторического для понимания ограниченности ранних социалистических утопий. Известное регулирование обществом удовлетворения индивидуальных потребностей в «Утопии» было обусловлено не только недостаточностью экономических возможностей, — Мор уже увидел, куда ведет безграничная потребительская жажда личности. Взгляды Мора нельзя понять вне кризиса ренессансного гуманизма. Отвергая безграничный индивидуализм и предлагая разрешение проблемы личности через переустройство общества, Мор преодолевал ограниченность гуманизма, и в этом — его великая заслуга.

В докладе Ю. М. Сапрыкина «Томас Мор и Томас Старки» были сопоставлены взгляды Мора и его младшего современника Томаса Старки. В отличие от Мора, Старки считал, что общественная гармония возможна в рамках существования частной собственности. Старки не мыслил общества без масс бедных.

Л. В. Дорофеева сопоставила идеи Томаса Мора со взглядами его современника, известного в то время английского поэта-гуманиста Джона Скелтона: Скелтон видел главный регулятор человеческой этики в чувстве меры.

Попытку сопоставить идеи Мора с некоторыми идеями Эразма Роттердамского предпринял С. К. Титов.

Проблеме влияния «Утопии» на современников было посвящено три доклада. В. В. Карева на основании анализа «Гаргантюа и Пантагрюэля», а также некоторых косвенных данных, установила несомненность знакомства Рабле с «Утопией» Мора. В романе Рабле много ассоциаций с «Утопией». Эти два произведения соприкасаются, но не сходятся. Телемская обитель Рабле — тоже гармоническая утопия, но на индивидуалистической основе: ее основной принцип — «делай, что хочешь».

Л. С. Чиколони в своем докладе показала, какое широкое влияние имела «Утопия» Томаса Мора в Италии XVI в., — как среди передовых мыслителей, так и в народе. В сочинении Ортензио Ландо путешественник из Утопии сатирически критикует тогдашние порядки в Италии. Это сочинение было включено в «Индекс запрещенных книг». Франческо Сансовино широко пропагандировал в Италии вторую, утопическую часть сочинения Мора, которого ставил выше Платона. Еще шире пропагандировал утопическо-коммунистические идеи Томаса Мора Антон Франческо Дони, который смело критиковал общественные порядки тогдашней Италии и написал свое утопическое сочинение «Мудрый мир».

В докладе М. Н. Соколовой основное место было отведено взглядам первого французского издателя «Утопии» и автора предисловия к ней, близкого друга Мора — Гийома Бюде. Для Бюде, по словам докладчицы, «Утопия» была не фантазией, а программой реального общественно-политического совершенствования, хотя он и не разделял идеи ликвидации частной собственности. В целом Бюде оставался в рамках индивидуалистического гуманизма.

Э. И. Валлич посвятила свой доклад первому русскому изданию «Утопии» (с французского перевода) и дала его

филологический анализ. Строго следуя французскому тексту, русский переводчик внес дополнительную эмоциональную напряженность, что, видимо, отразило общественные настроения в России того времени.

Г. С. Кучеренко проследил историю изданий «Утопии» во Франции.

В целом конференция, посвященная 500-летию со дня рождения автора «Утопии», отразила возрастающее внимание к идейному наследию Томаса Мора, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному изучению и осмыслению творчества великого зачинателя утопического социализма.

ТЕКСТЫ

ГОСЛАР. ГОРОДСКОЕ ПРАВО, ДАННОЕ ИМПЕРАТОРОМ ФРИДРИХОМ II 13.VII. 1219

Во имя святой и нераздельной троицы Фридрих, божьим благоволением император римлян и вовеки август и король Сицилии. Мы желаем, чтобы стало известным, как город Гослар, основанный предшественниками нашими, божественной памяти королями и императорами, к каковому мы по сравнению с прочими [городами] питаем особое расположение, был нами наилучшим образом привилегирован установлением священных законов. Посему мы, внимательно выслушав горожан (burgenses) этого города (civitatis) о том, как они, ради повышения славы нашей и укрепления неприкосновенного доверия к ней, претерпели многие телесные испытания и различные имущественные затраты, и, побуждаемые просьбами этих горожан и желанием достойно их за это вознаградить, повелеваем восстановить и подтвердить права названного города, каковые были дарованы ему древними пожалованиями императоров и королей, но затем некими жителями этого города были извращены. Считая достойным, чтобы эти права, разбросанные по различным рескриптам, были тщательно собраны воедино, мы для вящей крепости постановили записать их в нижеследующем порядке и скрепить [нашей] печатью.

¶ I. Всякий, проживающий в городе Госларе и никем при жизни не изблеченный в сервильном состоянии (de servili conditione), после смерти никем не может быть назван сервом, и никто да не посмеет обратить его в сервильное состояние (in servitute redigere).

2. Если же какой-либо чужак войдет в этот город для проживания и пребудет в нем год и день так, что никто не обвинит и не уличит его в сервильном состоянии, да возрадуется он свободе, являющейся общим достоянием других горожан, а после смерти никто да не посмеет предъявлять в отношении его претензии как к своему серву (*in servum audeat vendicare*).

3. Каждый, кто захочет выступить свидетелем за другого, пусть даст фогту города (*advocato civitatis*) 5 солидов на судебные издержки и на стряпчего (*pro reliquiis et pro causidico*), чтобы согласно праву города (*jus civile*) он мог дать свидетельство в пользу того, за кого хочет выступить.

4. Если же кто пожелает очиститься от обвинения в нарушении божьего мира, ничего не нужно ни на судебные расходы, ни на стряпчего.

5. Если же кто-либо в качестве свидетеля наймет за деньги продажного и бесчестного человека, истец (*geus*) будет осужден.

6. Если кто-либо несовершеннолетний, живя в городе Госларе, с согласия опекуна своего или покровителя захочет свое имущество или наследство (*possessionem seu hereditatem*) подарить кому-нибудь, пусть свободно сделает это, и эта передача по праву пребудет крепкой и нерушимой.

7. Если кто-либо из горожан захочет отдать в залог свой дом [то], если он приведет к судье города двух или трех правдивых соседей своих, [этого] будет достаточно.

8. Если кто-либо в присутствии судьи признает, что отдал в залог [какое-либо имущество], то после он не будет иметь право отрицать [это].

9. Всякий, кто арендует (*conduxerit*) дом другого, или если [этот дом] будет уступлен ему для проживания бесплатно, не может требовать на него никакого права собственности, ложно объявляя его своим, если только не докажет в присутствии согорожан, что законно его приобрел.

10. Если кто кого-либо приведет в суд за долги, тот, кто приведен, пусть никакого протеста не заявляет, но либо откажется от долга, либо признает [его]. И пусть не говорит, обманывая, что он долг уплатил в другом месте, при другом судье; однако если захочет доказать, что действительно уже вернул долг, пусть подтвердят это один судья и двое или трое горожан.

11. Кроме того, никто из королей или князей империи или из чужаков не должен выдвигать чужака в качестве свидетеля против кого-либо из горожан Гослара, но обязан дока-

зать свое обвинение только через граждан города (*per burgenses civitatis*).

12. Никто из императоров или королей не должен приказывать кому-либо из вышеназванных горожан, под предлогом своего покровительства, чтобы [тот] обвинил кого-либо из своих согорожан перед ним самим и [тем] причинил ему ущерб; разве только кто-либо будет непокорен фогту города и мятежен, и тогда государь император должен привлекать к суду горожан под предлогом покровительства своего, если [именно] так будет.

13. Сами же горожане Гослара не должны враждовать или вести войну (*wegram facere*) ни с каким князем против другого князя и не отправляться с кем-либо в военный поход, если не для защиты родины (*patrie*) к месту, которое называется Гильдесбурх (*Hildegeshurch*), где будут пребывать 14 дней на собственном обеспечении (*in propriis expensis*).

14. Да имеет этот город нерушимый мир в домах своих, чтобы никто укрывающийся в них (*ad eas fugiens*) не был бы оттуда насильственно извлечен.

15. Если же кто впустит в свой дом кого-либо, объявленного вне закона (*proscriptum quemquam*), и будет в этом обвинен фогтом и жалобщиком (*actore*), пусть объявленного вне закона представит в суд, или же сам с двумя горожанами пусть известит фогта и прочих горожан, что он не знает, скрывается ли в каком-либо закоулке (*angulo*) его дома объявленный вне закона.

16. Любому человеку разрешается схватить и связать человека, объявленного вне закона, застигнутого в кабаке или в пивной (*in taberna vini aut cervisiae*), как бы пойманного на улице.

17. Если кто-либо из жителей этого города там же и скончается и если в течение всей своей жизни он никогда и никем не объявлялся отлученным от церкви, то после его смерти никто не должен объявлять его отлученным.

18. Никто не должен в церковном суде (*in sinodo*) обвинять женщину [в супружеской неверности], кроме ее мужа, а мужчину — кроме его жены.

19. Если кто женится вторично или более, приданое первой жены должно сохраняться прочно.

20. Ничья дочь или сестра, если она еще не достигла совершеннолетия, пусть не совершает обручения с кем-либо иначе, чем с согласия своего покровителя (*mundiburdii*).

22. В этом городе никому не будут предоставлены права,

каковыми наслаждаются (*gaudent*) горожане, если только он наравне с ними не соблюдает их прав.

23. Если у кого-либо из купцов (*mercatorum*) этого города (*loci*) или у какого-либо иного горожанина, исключая монетария, будут найдены фальшивые монеты, пусть он с этими монетами постарается задержать того, кто их ему передал, и представит его властям; в противном же случае он должен под присягой подтвердить, что, получая и давая эти монеты, он не знал, что они фальшивые, и только в этом случае они должны быть у него приняты и возмещены. Так должно совершаться только трижды. Если же с одним и тем же человеком это случится в четвертый раз, он будет привлечен к ответу как фальшивомонетчик.

24. Если же будут обнаружены фальшивые монеты у монетария [в тот момент], когда он их кому-либо дал, то, если он не сможет указать того, кто эти монеты ему дал, будет привлечен к суду как фальшивомонетчик.

25. Если же он стяжает милость у судьи золотом, серебром, медью или каким-либо иным подкупом, то может выкупить руку; однако это ему можно сделать лишь однажды.

26. Если же фальшивомонетчик руку выкупит, он будет опорочен, как нарушитель закона, что в просторечьи называется *echtlos*, как если бы он за обман руку потерял.

27. Ни в каком доме или сундуке не могут быть разыскиваемы иные вещи, кроме фальшивых денег и вещей, предназначенных для религиозного культа; и должны это делать сами горожане, призвав кого-либо из судей города.

✓ 28. Любые деньги (*monete denarii*) в городе Госларе должны обращаться в соответствии со своей стоимостью.

✓ 29. Впредь никакой горожанин Гослара не должен представлять перед судом где-либо, кроме [суда] в этом городе, в имперском дворце, при котором он проживает¹.

30. Пусть никто из горожан (*civibus*) не смеет привлекать к суду своего согорожанина вне города, или в нашей курии, или в курии наследников наших, или в ином месте, разве что истец будет иметь свидетельство остальных горожан, что тот, кого он хочет привлечь, грубо и дерзко противился фогту города.

¹ Очевидно, предполагалось, что город Гослар существует «при дворце» императоров, ведущем начало от охотничьего домика, построенного еще при саксонских герцогах.

31. Пусть ни фогт, ни судья, ни кто-либо иной вора или кого-либо иного в городе не задерживает иначе, как в присутствии того, кто против него хочет возбудить дело.

32. Купцам же названного города мы уступаем, — подобно тому, как поступали предшественники наши, — вечное и нерушимое право, по которому [все] их товары и сделки будут свободны от всякого побора (*ab omni theloneo*) во всей империи, за исключением трех мест, а именно Кёльна, Тиля (*Tyele*) и Бардевика.

33. Никто в городе Госларе не смеет иметь тюрем или темниц, кроме общественных (*publica*), которые также называются *regalia*, иначе ему самому придется понести наказание от фогта и тюремщика.

34. Фогт города не должен присваивать ничьего наследства, за исключением [наследства] комедиантов (*hystriponum*), жонглёров и чужеземцев. Однако наследство чужеземца должно сохраняться неприкосновенным в руках кого-либо из горожан в течение года; по истечении этого времени, если не придет никто, кто мог бы на него претендовать, — только тогда фогт может забрать это наследство.

35. Также фогт, когда председательствует в суде, не должен спрашивать мнения о том или ином судебном решении (*de ulla sententia debet interrogare*) никого из тех, кого он назначил судьями, ни защитника по делу, ни кого-нибудь из своей челяди, и пусть имеет только четырех судей, и не более. И никто из них не должен быть из числа его зависимых людей (*nec aliquem illorum in sua tenere debet procuratione*).

36. Также пусть названный фогт никого не спрашивает по поводу какого-либо решения, кроме одного из горожан, и пусть сам фогт не приостанавливает и не отвергает этого решения, но только один горожанин (*sed unus tantummodo burgensis*), и он должен найти наилучшее [решение] (*et idem invenire debet meliorem*).

37. И чье решение одобрит большая часть горожан, то решение и возобладает.

38. Кроме того, дано императорским предписанием, чтобы не существовало [в городе] никакого клятвенного союза (*conjuratio*), ни сговора (*promissio*) или объединения (*societas*), каковые по-немецки называются *eninge* или *gelde*, кроме [сообщества] монетчиков, — для того, чтобы они охраняли от фальшивых монет.

38. Если кто-либо, будучи ранен, обвинит в своей ране другого, который скажет, что он невиновен, тот, кто обвинен,

должен будет оправдаться свидетельством семи горожан, имеющих собственные дома (cum VII burgensibus qui proprias habent domos).

40. Предписываем, чтобы все права, кроме права захвата (absque captione), которое в просторечьи называется *vare*, соблюдались как чужеземцами, так и горожанами.

41. Если кто будет обвинен в недоплате торговой пошлины (*thelonei*) и станет отрицать содеянное, пусть оправдает себя только рукой (*sola manu*). Если же будет уличен или сознается, уплатит самую торговую пошлину и, кроме того, в восьмикратном размере, а фогту города за каждый денарий обязан будет уплатить 60 шиллингов.

42. Если кто ведет свои дела в городе и ничего не купит и не продаст, пусть уйдет свободным от торговой пошлины. Если же, продавая или покупая, что-либо выменяет, обязан уплатить установленную пошлину.

43. Пусть никто из горожан не платит торговой пошлины со своего имущества, вывозимого из города, за исключением только необработанной меди.

44. Никто из горожан или лесных жителей (*silvani*) не должен выкладывать своего имущества в уплату за держания, которыми они владеют от фогства (*pro beneficiis de advocatia solvendis... pandari*), если только это не держания от самого городского фогта (*nisi tantum bona ipsius civitatis advocati*). Кто же (из лесных жителей?) явится на городской рынок с товарами, ничего не должны выкладывать, если только [этот товар] не привезен кем-нибудь из горожан (*nisi per burgenses trahatur ad ipsum*).

45. Существует правило, что горожане избирают четырех судей, за что фогту должно дать 6 марок, — ни больше, ни меньше.

46. Никому не дозволено дарить свой дом церкви, разве что продать [его] и уделить часть серебра церкви, дабы не нанести ущерба интересам императора.

47. Все городские поборы (*redditus*) должны благоприятствовать делам горожан (*ad negocia burgensium debent adiuvare*), а потом уж благу клириков и церквей.

48. Существует право, что фогт никого не может обвинить иначе, как в присутствии жалобщика и совета (*consilio*) горожан.

49. Права *сильванов* (*silvanorum*) таковы: если кто из их слуг (*servientibus ipsorum*) внесет кому-либо из них выкуп (*pretium*), который в просторечьи называется *wist*, и потом

тот его увидит в каком-либо месте, может задержать его свободно без судьи или его посланца. Также *сильваны* не должны быть ущемляемы в имуществах своих по какой-либо причине, кроме платежей (*redditibus*) в пользу империи, каковы они должны платить с кузнечных мехов (*follibus*). *Сильваны*, которые имеют хижины в полевых местах, обязаны с каждых двух кузнечных мехов еженедельно платить в пользу империи лот серебра, по той причине, что им разрешено вывозить для плавки уголь откуда они пожелают.

... Чтобы эти наши установления впредь сохранялись нерушимо, настоящую грамоту мы скрепляем приложением нашей печати.

Перевод сделан по тексту, помещенному в книге: *Keutgen F. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N 152, Berlin, 1902.* Перевод с латинского *Т. М. Негуляевой.*

Содержание

СТАТЬИ

- Сванидзе А. А.* (Москва). Возникновение монетной чеканки и некоторые проблемы догородского развития Швеции 3
- Карпачева М. Е.* (Саратов). Антифеодалная борьба горожан Каркассона в XII—XIII вв. 29
- Яброва М. М.* (Саратов). Развитие коммерческого кредита в Англии XIV—XV вв. 39
- Озолин А. И.* (Саратов). Землевладение королевских городов Чехии в XIV — начале XV вв. 51
- Девятайкина Н. И.* (Саратов). Доблесть и фортуна в этике Петрарки 62
- Некрасов Ю. К.* (Вологда). Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524—весна 1525 гг.) 74
- Трофимова О. В.* (Ярославль). Начало реформационного движения в городе Ларошели и его округе 96
- Штокмар В. В.* (Ленинград). Берик-на-Твиде в конце XVI—начале XVII в. 113
- Евсеев В. А.* (Ленинград). Компания торговцев углем Ньюкасла-на-Тайне в конце XVI — начале XVII вв. 120
- Черепенина Н. Ю.* (Ленинград). Организационные формы участия лондонской буржуазии в колонизации Северной Америки 127
- Батурин А. П.* (Ленинград). Малопольская шляхта и город в XVII в. 135

ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

- Негуляева Т. М.* (Саратов). Некоторые проблемы истории средневекового города и бюргерства в урбанистике ГДР 143
- Никулина Т. С.* (Куйбышев). Ганзейские города в период Реформации в освещении историка-марксиста 151
- Постников В. А.* (Москва). Итальянская историография последнего столетия о Франческо Гвиччардини 170

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

- Курбатов Г. Л.* (Ленинград). Межвузовская конференция по проблемам античного и раннесредневекового города 181
- Стам С. М., Яброва М. М.* (Саратов). Конференция, посвященная Томасу Морю 189

ТЕКСТЫ

- Средневековое право города Гослара. Перевод с лагинского Т. М. Негуляевой (Саратов) 193

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Выпуск 5

Межвузовский научный сборник

Редактор *А. И. Яровинская*
Художник *П. И. Карчевский*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректор *И. Ю. Кочубина*

НГ16301. Сдано в набор 6/III-78 г. Подписано к печати 19/XII-78 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. 3. Усл. печ. л. 11,62(12,5). Уч.-изд. л. 12,4
Тираж 1000. Заказ 3496. Цена 1 р. 50к.

Типография издательства «Коммунист», Волжская, 28
Издательство Саратовского университета, Университетская, 42

1 р. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1978